

ВЛАДИМИР ФЕТИСОВ

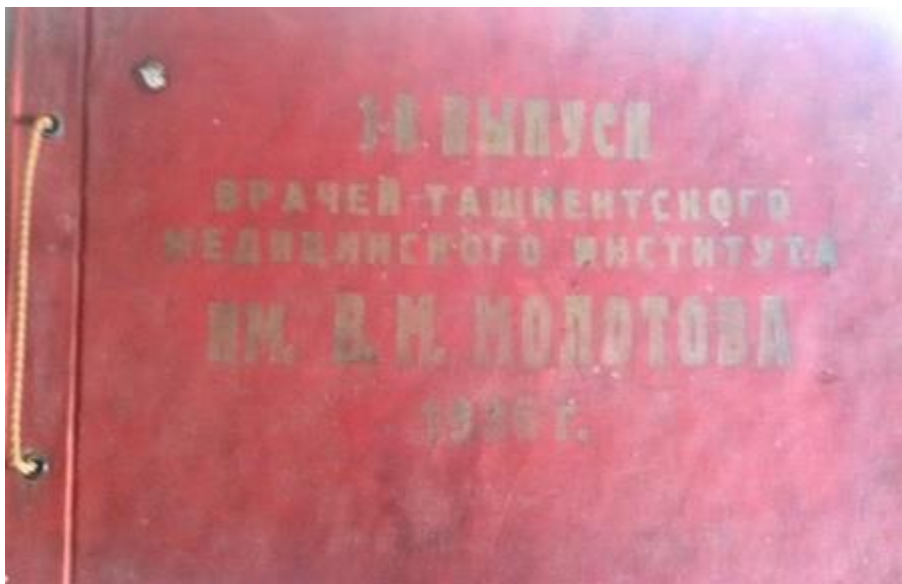
ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Владимир Фетисов. Они были первыми

У истоков

Я держу в руке старый потёртый альбом. На обложке золотыми буквами, порядочно выцветшими, написано: “1-й выпуск врачей Ташкентского медицинского института им. В.М. Молотова, 1936г.”. Это так называемый альбом-виньетка - такие были в ходу в те времена.

Какое отношение к медицине имел Вячеслав Михайлович неведомо, но, тем не менее, ташкентскому медицинскому институту присвоили имя наркома СССР по иностранным делам. Его портретом альбом и открывается.

В.М. Молотов

А потом один за другим открываются двенадцать альбомных листов с вклеенными виньетками. Двенадцать ступенек в далёкое уже прошлое. На первом листе, как и положено, руководство института.

На самой верхней фотографии - Иосиф Виссарионович Сталин. Ну, куда же без лучшего друга советских врачей!.. А вот Владимир Ильич, несмотря на то, что прошло всего двенадцать лет после его смерти, на вторых ролях. Где-то в углу, призывает к чему-то стоя под развевающимися знамёнами. А в другом углу дымят трубы, показывая, что в стране гигантскими шагами идёт индустриализация.

Несколько фотографий с затёртыми лицами. Это те, кто не избежал Большого террора 30-х годов. По обе стороны от Сталина, вероятно, также руководители государства, бывшие соратники вождя. Возможно Бухарин и Каменев, а может Зиновьев или нарком здравоохранения СССР Григорий Наумович Каминский, расстрелянный в 1938 году – фотографии безымянные. Такая же судьба постигла и коллегу Каминского, наркома здравоохранения Узбекистана Абдуллаева, лицо которого также затёрто на виньетке. Не повезло и тогдашнему директору ТашМИ Саттарову. Осталась только фамилия под затёртым лицом. Необходимо было вычеркнуть “врагов народа”, не только из жизни, но и вообще из памяти народа. Поэтому из учебников вырывались целые страницы, вымарывались имена, закрашивались фотографии.

Мы живем под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны.

Точно выразил то время Осип Мандельштам.

Но вернёмся к виньетке. В самом низу - три фотографии руководителей общественных организаций, без которых, конечно, никакая медицинская и учебная деятельность немыслима. Два секретаря партячейки ВКПб (уз) – Бондаренко и Растегаева. Из каких соображений сразу два секретаря, неизвестно. И председатель профсоюзного комитета Расулев Ш.А.

По бокам от директора Саттарова, ещё не подозревающего о своей трагической участи, два его заместителя: Попов Г. – по хозяйственной части и профессор Мирочник – заместитель по учебной работе.

Моисей Филиппович Мирочник - личность легендарная. В 1914 году окончил медицинский факультет в Париже. Затем сдал государственный экзамен в Саратове на звание лекаря. А в 1917 году мы видим его уже в Ташкенте, где он трудится в городской Клинической больнице бок о бок с В.Ф. Войно-Ясенецким и М.И. Слонимом. С 1920 года и до самой кончины в 1945 году Моисей

Филиппович Мирочник проработал на различных должностях в Ташкентском медицинском институте. Как и Моисей Ильич Слоним, похоронен на аллее института, одним из основателей которого он был.

Чуть ниже - фотографии трёх деканов. Видимо тогда было только три факультета.

Лечебный факультет возглавлял профессор Пётр Фёдорович Архангельский. Родился Петр Фёдорович в 1893 году на Кавказе, в станице Ассановской. В 1917 году окончил медицинский факультет Донского университета. В студенческие годы увлёкся офтальмологией и, получив диплом лекаря с отличием, стремительно включился в лечебную, педагогическую и научную работу в своей alma mater. После успешной защиты докторской диссертации на тему «К патологии органа зрения при сыпном тифе» ему присвоили звание приват-доцента.

Будучи уже зрелым ученым и высококвалифицированным офтальмологом, он приезжает в Ташкент и в 1932 году избирается по конкурсу заведующим кафедрой офтальмологии в только что зародившемся Среднеазиатском медицинском институте. При глазной клинике института Архангельский впервые в Узбекистане организовал физиотерапевтический кабинет, оснащенный всей необходимой аппаратурой для лечения больных, а также протезный пункт.

Петра Фёдоровича Архангельского с полным правом можно назвать основателем узбекской школы офтальмологов. Долгие годы он занимал должность главного окулиста Минздрава Узбекистана.

Следующий, санитарный факультет, возглавлял в 1936 году учёный-эпидемиолог, профессор Алексей Васильевич Георгиевский.

В 1908 году восемнадцатилетний Алексей Георгиевский поступает на медицинский факультет Казанского университета, откуда в 1911 году переводится в Военно-медицинскую академию. Когда началась Первая мировая война, приезжает в Ташкент, где начинает медицинскую карьеру младшим ординатором военного госпиталя. Затем работает в Санитарно-бактериологическом институте, а с 1924 года и в Ташкентском медицинском институте, где в 1932 году стал профессором кафедры эпидемиологии. На его счету - 48 научных работ по проблемам гигиены, эпидемиологии и дезинфекционного дела.

Под фотографией третьего руководителя факультета, доцента Г.П. Ильинского, написано просто – декан. О Г.П. Ильинском известно лишь то, что он был первым заведующим кафедрой физвоспитания, лечебной физкультуры и врачебного контроля, созданной в 1934 году. Руководил Ильинский кафедрой 15 лет.

А дальше, страница за страницей, открываются ещё одиннадцать виньеток, на которых фотографии преподавателей и студентов первого выпуска Ташкентского медицинского института. Двести шестнадцать человек. Двести шестнадцать судеб. Они ещё не знают, что ждёт их впереди. Кого-то поглотит безжалостная машина репрессий, кто-то погибнет в боях Великой Отечественной, кто-то станет выдающимся учёным, совершившим прорыв в медицине. А кто-то - обычным врачом, принесшим исцеление тысячам людей.

Перелистаем же, мой читатель, этот альбом и попробуем хоть что-то узнать о судьбах некоторых преподавателей и первых выпускников ТашМИ.

Открываем следующую фотографию. Здесь нет затёртых лиц, как нет их и на остальных листах.

На этой виньетке только преподаватели. И что ни имя - то легенда. В верхнем левом углу профессор Дмитрий Алексеевич Введенский. Красивое породистое лицо. Потомственный врач-уролог, хирург, участник двух мировых войн. Медицинское образование получил в Московском университете, который окончил в 1912 году. На фронтах первой мировой был не только хирургом.

Повоевал и солдатом, и пулемётчиком. Кавалер шести русских орденов - Св. Владимира 4-ой степени с мечами и бантами, Св. Станислава 3 и 2-ой степеней, Св. Анны с мечами и бантами 3 и 2-ой степеней и солдатского Георгия. Кроме русских наград Дмитрий Введенский награждён 4-мя

Владимир Фетисов. Они были первыми

французскими военными крестами - ему довелось повоевать и там - один с бронзовой звездой, два с золотой звездой и один с пальмовой ветвью. Кроме того за военные заслуги перед союзниками был удостоен ордена Почетного Легиона. Исключительный случай, ведь русских офицеров, отмеченных высшей наградой Франции, единицы.

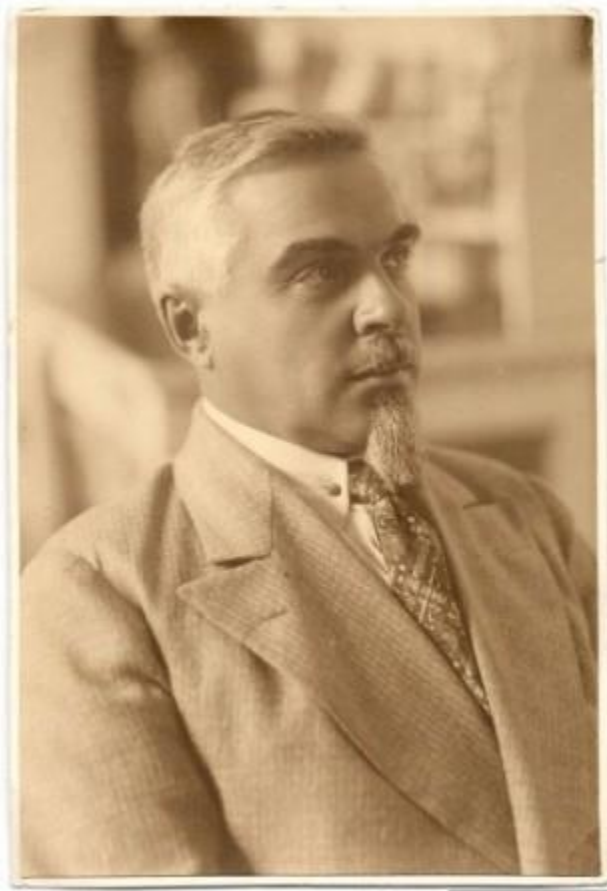
В Россию Введенский возвращается в 1919 году и становится бойцом, а затем и командиром Красной Армии. В 1924 году приезжает в Ташкент и начинает работать ассистентом кафедры урологии медицинского факультета Туркестанского университета. Затем он доцент, а с 1933 года профессор этой кафедры. И первый председатель урологического общества Узбекистана.

В 1931 году он чудом спасся от репрессий. В это время всем бывшим эсерам – а Введенский когда-то состоял в этой партии - было предписано пройти регистрацию. Сделал это и законопослушный Дмитрий Алексеевич. Вскоре начались аресты. Введенского спасла Екатерина Павловна Пешкова, председатель Политического Красного Креста, прислав телеграмму в его защиту. Дело в том, что родная сестра Дмитрия Алексеевича, Надежда, была невесткой главного пролетарского писателя Максима Горького (Пешкова), она-то, очевидно, и похлопотала перед своей свекровью.

Когда начнётся Великая Отечественная война, Надежда вновь поможет брату.

Едва узнав о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз, Дмитрий Алексеевич написал заявление с просьбой направить его на фронт в качестве хирурга. Однако 54-х летний профессор получает отказ и вновь обращается к сестре, имеющей влиятельные связи. С большим трудом ей удалось удовлетворить желание Введенского, и в 1942 году он был мобилизован.

Владимир Фетисов. Они были первыми

Д.А. Введенский

После войны Дмитрий Алексеевич возвращается на родную кафедру в ТашМИ, где и прослужит вплоть до 1956 года – последнего года своей жизни. Скончался профессор Введенский в результате инфаркта. Подробно о Д.А. Введенском рассказано на сайте “Письма о Ташкенте”, где в июле 2011 года были опубликованы довольно обширные воспоминания дочери выдающегося медика.

Справа от Введенского фотография человека, похожего на писателя Марка Твена. Это профессор Георгий Александрович Ильин, один из основателей ТашМИ. В 1920 году он прибыл в первом из пяти “университетских” эшелонов, посланных в Ташкент для создания в Узбекистане университета.

Первый эшелон (основатели ТашМИ)

Владимир Фетисов. Они были первыми

Тридцатипятилетний Георгий Александрович начинает работать здесь в должности старшего ассистента кафедры факультетской хирургии. В 1937 году защищает докторскую диссертацию на тему «Косорукость и ее лечение».

Г.А. Ильин

Герой труда, профессор Ильин в 1934 году возглавил кафедру общей хирургии ТашМИ, которой руководил вплоть до своей кончины в 1941 году.

Далее, в верхнем ряду, фотография человека с пышной окладистой бородой. Это профессор Евгений Михайлович Шляхтин. Он самый старший по возрасту на этой виньетке, родился в 1865 году и прежде чем стать врачом – а стал он им только в 1908 году, окончив Московский университет – хлебнул невзгод. В 1887 году за пропаганду в армии революционных идей народовольцев офицер Шляхтин был арестован и заключён в Петропавловскую крепость. Затем судом был разжалован в рядовые и отправлен за пределы России, в Турцию, где четыре года тянул лямку простого солдата.

После университета некоторое время работал земским врачом, затем преподавал на медицинском факультете Московских высших женских курсов. После революции стал читать лекции в Ярославском университете, а в 1920 году, как и Ильин, прибывает в Ташкент в “поезде науки”. Здесь он организовал и возглавил первую в Туркестане кафедру гистологии, оставаясь её заведующим в течение двух десятилетий - с 1920 по 1939 год, вплоть до своего ухода из жизни.

Е.М. Шляхтин

Позволю себе процитировать небольшой отрывок из очерка Татьяны Александровны Вавиловой о профессоре Шляхтине, опубликованного в “Письмах о Ташкенте” в июне 2013 года:

“Профессора Шляхтина знал весь город, так великолепно он читал лекции. Быть его студентом, а уж тем более заслужить у него на экзамене положительную оценку, было предметом гордости. Я знала учениц Евгения Михайловича, - моя тетя училась на медфаке в те годы. Несмотря на крайнюю строгость на экзаменах, Евгений Михайлович был очень добр и сочувственно относился к тем, кто терпел нужду, а годы были трудные. Профессор постоянно опекал не менее одного-двух студентов, помогая им материально.

У Евгения Михайловича была прекрасная библиотека, множество томов ценных медицинских изданий. Профессор оставил завещание, по которому все его книги были переданы городу. Они положили основу для нашей медицинской библиотеки, которая первоначально находилась в доме Шляхтина, в переулочке между Балыкчинской и Ассакинской. В небольшом читальном зале мне было очень уютно заниматься в студенческие годы. Мы так и говорили: «Идем в библиотеку Шляхтина».

Евгений Михайлович оставил нашему городу не только уникальную медицинскую библиотеку, о которой упоминает Татьяна Александровна. Будучи страстным собирателем картин русских художников, он и свою довольно обширную коллекцию завещал городскому музею искусств.

В верхнем правом углу виньетки фотография человека в круглых очках и с лысой, как бильярдный шар, головой. Это профессор Иван Васильевич Марковин, основоположник судебной медицины в Средней Азии. С 1928 года он руководил основанной им же кафедрой судебной медицины в Ташкентском медицинском институте, которой впоследствии присвоено его имя. Не знаю, носит ли кафедра это имя до сих пор.

Талантливый педагог, профессор Марковин поставил преподавание судебной медицины на очень высокий уровень и воспитал большое количество учеников, получив в 1944 году звание заслуженного деятеля науки Узбекской ССР.

В среднем ряду две фотографии – профессор Манкус Г.Ф и доцент Гаспарьян И.Г.

Владимир Фетисов. Они были первыми

О Генрихе Францевиче Манкусе, известно не так много. Родился он в 1896 году. Окончил Саратовский медицинский институт в переломном для истории России 1917 году. По врачебной специальности – терапевт. В 1934 году за монографию “Функциональная диагностика печени” ему было присвоено звание профессора. С 1934 по 1942 год Манкус является заведующим кафедрой пропедевтики внутренних болезней лечебного факультета ТашМИ и активно участвует в развитии кардиографии в Узбекистане.

Несколько больше сведений об Иване Гавриловиче Гаспаряне. Родился он на исходе XIX века - в 1897-м. В 1924 году окончил медицинский факультет Туркестанского государственного университета. Фтизиатр. Докторскую защитил в 1940-м, впервые в Узбекистане разработав коллапсо-хирургическое вмешательство при туберкулёзе лёгких. Заведовал кафедрой туберкулёза ТашМИ, был деканом лечебного факультета. С 1944 по 1960 год - председатель Узбекского общества фтизиатров.

И.Г. Гаспарян

Татьяна Александровна Вавилова, будучи ученицей Ивана Гавриловича, любезно согласилась поделиться воспоминаниями о своём учителе.

- Где-то в 1963-64-м мы, студенты ТашМИ, впервые пришли на кафедру туберкулеза. Кафедра тогда располагалась на территории бывшего кадетского корпуса, в глубине двора, в одноэтажном старом кирпичном здании, перед которым был огороженный дворик. Из тех лет более всего запомнилась обстановка всеобщего почитания заведующего кафедрой профессора Ивана Гавриловича Гаспаряна. Он сумел создать очень дружный, преданный делу коллектив, для которого профессор был авторитетом непререкаемым. И, конечно, запомнились лекции Ивана Гавриловича и большие обходы больных. Профессор Гаспарян был отличным лектором, читал свободно, без бумажек, не прерывая

рассказа, мгновенно зарисовывал мелом на доске рентгенологическую картину изменений в легком при различных формах туберкулеза, обязательно демонстрировал интересных больных, показывая студентам, как нужно собирать анамнез, на что обращать внимание при осмотре, как анализировать лабораторные данные.

На первой скамейке всегда сидели все преподаватели, аспиранты и клинические ординаторы кафедры и внимательно слушали вместе со студентами. А профессорские обходы! Это же целый ритуал, который выполнялся неукоснительно в течение многих лет. Профессор шел в ослепительно белом, хрустящем от крахмала халате и таком же белоснежном высоком колпаке. Чуть отступив, но рядом, шла санитарка или младшая медсестра с чистейшим полотенцем, смоченным в хлорамине, и уж потом вся свита: несколько взволнованный, будто студент перед экзаменом, лечащий врач со стопкой историй болезней и огромной тяжелой папкой рентгеновских снимков, врачи отделения, ординаторы и студенты. Часа два-три, а иногда и больше, переходили из палаты в палату, от одной постели к другой, тщательно «разбирая» каждый случай и обсуждая дальнейший план лечения. Это была прекрасная практика для всех кафедральных работников и студентов.

Но тогда фтизиатрия меня не увлекала, у меня был другой гуру – Федор Федорович Детенгоф. После занятий я ездила через весь город «по пятому номеру» в научный кружок по психиатрии.

И вдруг за год до окончания института ректор собирает в актовом зале весь наш курс. В президиуме – Иван Гаврилович. Ректор объявляет, что по приказу Минздрава создается субординатура по туберкулезу на лечебном и педиатрическом факультетах, зачитывает список из 90 человек, которые в нее включаются. С ужасом слышу свою фамилию и понимаю – бессильна, сопротивляться бесполезно. Встал Иван Гаврилович, говорил об успехах советской фтизиатрии, о том, что мы стоим на пороге уничтожения туберкулеза в стране, что нужно только еще немного, еще чуть-чуть и нам это чуть-чуть доверили - словом, утешительная речь. Я услышала только одно: именно нам суждено покончить с туберкулезом. Задала Гаспаряну вопрос: «Когда же можно будет из фтизиатрии перейти в другую специальность?» Иван Гаврилович расхохотался: «Не успела придти, как уходить хочет!».

Неполный год возглавлял нашу субординатуру Иван Гаврилович. К тому времени кафедра переехала на новое место. На Сагане выстроили огромную 1-ю городскую туберкулезную больницу - несколько корпусов для больных легочным и внелегочным туберкулезом, хирургическое и патологоанатомическое отделение. Выделили этаж и для кафедры.

Субчикам, как нас называли, лекции читал только профессор Гаспарян, к каждой группе он прикрепил самых знающих своих ассистентов. Мы были первенцами, всё внимание было обращено на наше образование. Я осталась во фтизиатрии на всю жизнь и очень благодарна профессору Ивану Гавриловичу Гаспаряну и ассистенту к.м.н. Вере Ивановне Ващенко, которые заложили прочный фундамент нашей будущей профессии”.

Упоминание имени профессора Гаспаряна я нашёл и в небольшом комментарии Русины Боковой в “Письмах о Ташкенте”.

Маленький штришок: “Гости приходили без телефонных звонков каждый вечер, да и телефон-то был только у наших соседей - в семье профессора Гаспаряна Ивана Гавриловича. Он всю нашу семью лечил в случае надобности”.

И, наконец, нижний ряд виньетки - профессора Данилов Н.В, Субботин С.М., Циммерман С.Э и доцент – в будущем также профессор - Парадоксов М.В.

Николай Васильевич Данилов... Он является организатором и первым председателем общества физиологов, биохимиков и фармакологов нашей республики, организатором лаборатории физиологии института экспериментальной биологии и медицины. Родился на рубеже веков - в 1900-м. 23-летним молодым человеком получает диплом Ростовского медицинского института. Профессором стал в 32 года. Во время первого выпуска ТашМИИ заведовал кафедрой нормальной физиологии. Его перу принадлежат 50 научных работ, посвящённых вопросам физиологии кровообращения. В 1949 году удостоен звания заслуженный деятель науки Узбекистана.

Н.В. Данилов

Участник гражданской войны Семён Матвеевич Субботин родился в 1889 году, учился на медицинском факультете Базельского университета, который успешно окончил аккурат к началу Первой мировой войны. Гигиенист, заведовал последовательно кафедрой социальной гигиены, которую сам и основал, а затем кафедрой гигиены детей и подростков. А ещё был членом редакционной комиссии по разработке Конституции УзССР.

Сергей Эмильевич Циммерман родился в 1882 году. В 1906-м окончил медицинский факультет Московского университета и остался работать на кафедре анатомии - сначала лаборантом, а затем помощником прозектора. В 1913 году он уезжает на стажировку в Германию, где пишет работу о развитии хрящевого черепа. В 1918 году заканчивает курсы усовершенствования по специальности болезни уха, горла и носа. Некоторое время работает в Ярославле, а в 1920 году уезжает в Ташкент, где принимает участие в организации медицинского факультета университета. В 1924 году С.Э. Циммерман избирается профессором и заведующим кафедрой анатомии Ташкентского университета и одновременно руководит кафедрой судебной медицины. Однако в 1938 году уезжает из Ташкента сначала в Куйбышев, а затем в Ставрополь. Является автором Словаря анатомических терминов и руководства по анатомической технике.

Более 30 лет Михаил Владимирович возглавлял кафедру хирургической стоматологии, был деканом стоматологического факультета, главным стоматологом республики, основателем научного общества стоматологов Узбекистана.

Уже будучи 94-летним стариком, он вспоминал один из эпизодов своей жизни, связанный с именем другого великого медика, оставившего глубокий след в истории нашей медицины и Ташкентской Епархии. Как-то хирургическое отделение городской больницы посетил тогдашний комиссар здравоохранения Л.И. Гельфгот. И обратил внимание на висевшую в операционной небольшую икону-образок. Тут же приказал иконку снять, что персоналом было немедленно и сделано. В актовом зале, как рассказывал Парадоксов, должно было начаться заседание научного общества врачей города: «Зал был полон, были уже заняты места в президиуме, и в это время на свободную еще кафедру поднялся Войно-Ясенецкий. Огромного роста, подтянутый, роскошные борода и волосы, в шелковой рясе, на груди панагия (образок) — атрибут епископа, снял очки — глаза горят. Обращаясь к залу, он громким, несколько взволнованным голосом сказал: “В Гельфгота вселился бес. Он снял икону в операционной и этим лишил меня возможности работать”».

Владимир Фетисов. Они были первыми

С.Э. Циммерман

Еще одна фотография, завершающая на этой странице альбома.

Михаил Владимирович Парадоксов. Представляю, сколько раз в своей жизни слышал он в свой адрес строки Пушкина, которые могли быть шутливо адресованы ему друзьями:

И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг.

Между тем, специальность у него была самая серьёзная и к шуткам не располагающая – хирургическая стоматология. Родился один из основателей стоматологического факультета ТашМИ в 1892 году. В юности Михаил Парадоксов увлекается точными науками и в 1917 году оканчивает физико–математический факультет Варшавского университета. Однако тяга к врачеванию оказалась сильнее, и в 1923 году он получает медицинское образование в Ташкенте, в Туркестанском госуниверситете.

В.М. Парадоксов

Много воды утекло с тех пор...

О чем поведают нам другие листы? За каждой фотографией на виньетках - история выдающейся личности и становления медицины в Узбекистане. Но наша цель достаточно скромна - пролистать альбом первого выпуска ТашМИ, упомянув заслуги каждого ученого, педагога и выпускника, о которых удастся собрать сведения.

Следующая виньетка. На ней вновь только преподаватели. Затертых фотографий нет, но некоторых из этих людей репрессии все же не обошли стороной.

Кафедра Армаиса Аристагесовича стала признанным в Советском Союзе центром апробации новых методов лечения кожных и венерических заболеваний. К тому же, в течение 20 лет он был главным дерматовенерологом Минздрава Узбекской ССР, многие годы являлся председателем

В левом верхнем углу профессор Армаис Аристагесович Аковбян.

Человек необыкновенно одарённый. Видный учёный, врач, педагог, основатель узбекской школы дерматовенерологов, заслуженный деятель науки Узбекской ССР. А ещё он прекрасно играл на трубе, в юности участвовал в любительских постановках гимназического театра, в совершенстве владел немецким и латинским языками.

Родился Армаис Аристагесович в иранском городе Тебриз в самом начале 20-го века - 2 марта 1900 года. Вскоре семья вместе с маленьким Армаисом переезжает в Ашхабад, где и проходят детские и юношеские годы будущего врача и учёного. Там же, в Ашхабаде, он оканчивает мужскую гимназию и, недолго прослужив добровольцем в Красной армии, в 1920 году поступает на медицинский факультет только что созданного Туркестанского государственного университета. После окончания института в 1926 году Аковбян проходит по конкурсу на должность ординатора кожно-венерологической клиники, а с 1930 года избирается ассистентом кафедры дерматовенерологии, на которой проработал 44 года, до конца своей жизни.

Не обошла Армаис Аристагесовича и сталинская волна репрессий. В мае 1938 года он был арестован по чьему-то подлому доносу как "враг народа и организатор контрреволюционного подполья". И здесь проявился его железный характер. Несмотря на непрерывные допросы и пытки, этот мягкий, с виду человек не подписал ни одной бумаги и не дал показаний ни на кого.

Владимир Фетисов. Они были первыми

Судьба в этот страшный период жизни сводит Аковбяна с одним из его учителей. Его сокамерником оказывается профессор Войно-Ясенецкий, архиепископ Лука. Ежедневные беседы, молитвы, стойкость Валентина Феликсовича несомненно поддержали несправедливо осуждённого.

В тюрьме Аковбян заболел туберкулёзом и через 20 месяцев был освобождён из-за отсутствия улик. Больной, но не сломленный он возвращается в родной институт и в 1940 году избирается профессором кафедры дерматовенерологии ТашМИ.

Вклад профессора Аковбяна в медицину огромен. В дерматологии он впервые в Советском Союзе стал применять фуранокумарины в виде экстрактов из листьев инжира для лечения больных витилиго, а также препараты глицирретовой кислоты, полученной из корней солодки, для лечения экземы, нейродермита и других дерматозов. Он владел техникой гипноза и достаточно успешно применял его для лечения больных красным плоским лишаем, экземой, крапивницей, нейродермитом и другими кожными заболеваниями.

республиканского научного общества дерматовенерологов.

Как вспоминает Татьяна Александровна Вавилова, которой посчастливилось слушать лекции Аковбяна по кожным болезням, специалист он был отличный, но лекции, видимо, ему изрядно надоели, и ему скучно было читать, а студентам слушать. Оживлялись лектор и зал, когда начиналась демонстрация больных. Тут уж профессор блестяще объяснял и ход обследования и проводил дифференциальную диагностику.

А.А. Аковбян

Рядом с Аковбяном на виньетке фотография профессора Глеба Николаевича Терехова. Родился он 27 ноября 1887 года в Москве. После окончания гимназии поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, а когда началась Первая мировая война,

Владимир Фетисов. Они были первыми

был призван в действующую армию и направлен младшим врачом в Кронштадтскую крепость. В 1916 году получает диплом врача в Петербургском медицинском институте.

После революции Терехов вступает в Красную Армию и направляется врачом в стрелковый полк. Демобилизовавшись, в 1921 году уезжает в Рязань, где преподаёт нормальную и патологическую анатомию в фельдшерско-акушерской школе. Затем, в 1926 году, уезжает в Ташкент, где начинает работать ассистентом кафедры патологической анатомии САГУ. Почти 40 лет, с 1930 по 1966 год, Глеб Николаевич заведовал кафедрой патологической анатомии. Он автор 125 научных работ, посвященных изучению краевой патологии, детского висцерального лейшманиоза, бруцеллеза, токсического гетита с асцитом, заслуженный деятель науки Узбекистана.

Г.Н. Терехов

По свидетельству современников, он слыл большим оригиналом. Вот что пишет Семен Гохберг в своих воспоминаниях опубликованных в “Письмах о Ташкенте” в октябре 2010 года.

- Одним из самых больших оригиналов был, например, профессор-патологоанатом Глеб Николаевич Терехов, приехавший в Ташкент еще в 1920 году по путевке Ленина с группой профессоров, организаторов медицинского факультета Среднеазиатского университета (СаГУ).

Это был невысокого роста коренастый пожилой человек с крупной круглой лысой, как бильярдный шар, головой, носивший всегда медицинскую шапочку в виде пилотки и никогда не одевавший медицинского халата. У него было очень плохое зрение, он носил очки с толстыми стеклами в роговой оправе. Первую свою лекцию он начинал одинаково каждый год густым зычным басом: «Здравствуйте! Зовут меня Глебом Николаевичем. Лекции по патологической анатомии вам читать буду я и экзамены принимать, к вашему сожалению, ...(тут он держал паузу как хороший артист) тоже буду Я!». Затем тем же торжественным тоном продолжал: «Запишите первую тему –некрозы. Один легкомысленный молодой человек надел на половой член гайку и ходил с этой гайкой. В

результате у него появился некроз полового члена! ... Девушки во втором ряду, перестаньте смеяться!». Самое интересное заключалось в том, что он не видел не только девушек из второго ряда, но даже книгу, лежавшую перед ним, читал, приставляя к очкам лупу. О профессоре Терехове ходили легенды: говорили, что он очень любил голубой цвет, и некоторые девочки шили специально к экзаменам по патанатомии голубые платья. Те, которым финансовые возможности не позволяли шить специально, одалживали у подружек платье только на время экзамена. В конце экзамена, оглядев очередную студентку в голубом, неожиданно заявлял: «По-моему, я сегодня это платье уже видел несколько раз!»

...Взяв зачетную книжку у одного из студентов перед началом экзамена, увидел, что там стоят две пятерки за предыдущие экзамены по фармакологии и патологической физиологии. «Ну, Колю Кампанцева ты обманул, - зычным голосом говорит Глеб Николаевич, - он старый, ему за семьдесят, но не понимаю, как ты Мишку Ханина обманул? (профессору Ханину было за шестьдесят). Меня ты не обманешь!» И медленно выводит в зачетке тройку, даже не дав возможности студенту ответить на вопросы билета. Иногда же, наоборот, увидев в зачетке тройки по предыдущим экзаменам, мог покровительственно сказать: «Ну что же ты так плохо учишься, вот тебе в подарок от профессора Терехова пятерка!» И опять не спросив ничего по билету. Тем не менее, Глеб Николаевич был блестящим патологоанатомом, и мне кажется, что и по сегодняшний день в Ташкенте нет более значительной фигуры в патологической анатомии.

А вот что вспоминает Татьяна Александровна Вавилова.

- Терехова студенты страшно боялись и из поколения в поколение передавали всякие случаи, которые то ли были, то ли нет. Например, что если студент отвечал плохо, то Терехов мог выкинуть его зачетку в окно или в форточку. Студенту приходилось за ней бежать. Рассказывали, что однажды студент из Бухары пришел к нему сдавать экзамен в красных сапогах и посчитал, что именно за них ему поставили «отлично». В его сапоги стали одеваться другие, пока Терехов не заметил и не выгнал с криком и двойкой.

Когда я училась, он тоже слыл ужасно строгим, а главное мог прилюдно унижить студента. На экзамен приходил очень рано. Кафедра располагалась в одноэтажном здании старого ТашМИ, во дворе. Вход был с крыльца. Дверь открыта, виден длинный коридор, следующая дверь в экзаменационный зал тоже открыта, напротив нее в конце комнаты сидит за столом профессор, и пока студент идет к нему отвечать, преодолевая всё это пространство, пристально разглядывает беднягу через лупу. Рядом с профессором пишущая машинка. Если ответ «интересный», то есть студент сморозил глупость, Терехов тут же ее печатает, а на завтра вывешивает на стенд - на всеобщее прочтение и глумление.

Ужасно не любил дураков, издевался, как мог, причем весьма непедagogично. Лекции читал великолепно. Но если кто-то из двухсот сидящих в зале громко начинал разговаривать или вертеться, выходил из себя, лекция была испорчена, вернуться к теме ему уже было трудно. Но если видел внимательные глаза, если в зале тишина, слушать его было очень интересно. Самодурство было, конечно. Однажды на нашем потоке случилось и такое - Терехов поднял студентку с криком: «Встань, человекообразное!!!» Всё равно студенты его ценили и уважали. У меня перед экзаменом по патанатомии неделю субфебрильная температура на нервной почве держалась. Но пятёрку поставил и не обругал.

Специалистом Глеб Николаевич был прекрасным. На кафедре собрал сильный педагогический состав, они все его обожали, как тогда бывало на многих кафедрах. Кафедра была его жизнью. Не хотел с нею расставаться ни за что, сопротивлялся отчаянно, ходил в партком, выступал громогласно на Советах, что «не вам меня смещать, меня сам Ленин прислал»... Когда пришлось уступить кафедру более молодому, он не ушел, остался профессором-консультантом до самой кончины. Его не стало 5 июля 1972 года.

Не менее известным ташкентским врачом был и профессор Моисей Ильич Слоним – его фотография на этой странице альбома в верхнем ряду в центре. О самом же профессоре написано столь много, что добавить что-то еще к биографии этой личности не представляется возможным.

Напомню только основные сведения. Родился Моисей Ильич в 1875 году. В 1893-м он заканчивает с золотой медалью Ташкентскую гимназию и летом того же года поступает на медицинский факультет Казанского университета. Успешно завершив учебу в 1898 году, возвращается в родной город и начинает служить уездным врачом в кишлаке Бордонкуль под Ташкентом. Затем работает ординатором ташкентской городской больницы. Здесь ему пришлось быть и терапевтом, и невропатологом, и инфекционистом, и педиатром, и окулистом, и стоматологом и хирургом... Вынужденная многопрофильность в работе необычайно расширила его кругозор и послужила становлению как профессионала высочайшего класса. После успешной защиты диссертации в 1906 году Слоним был направлен в лучшие европейские клиники – Берлин, Вена, Париж - для дальнейшего повышения своей квалификации.

Не обошли его стороной и революционные поветрия того времени. По некоторым сведениям Слоним был связан с "боевой группой партии социалистов-революционеров" и в 1908 году по делу этой группы был привлечен к дознанию в Ташкенте. В результате следствия было установлено, что Слониму из Петербурга было "выслано от ЦК партии эсеров 5 тысяч рублей на устройство подготовлявшейся экспроприации в Чимкенте. Деньги эти были переданы по назначению необнаруженным лицам". По всей видимости, последствий в этом деле для известного ташкентского врача не было. Заслуги Слонима перед революцией, очевидно, были учтены, поскольку и ему, и его родному брату - врачу Соломону Ильичу новое правительство - в знак особого уважения - в порядке исключения оставило их особняки в самом центре Ташкента. Эти дома стоят и поныне – со временем они все же перешли в государственную собственность. В 1920 году, вместе с прибывшими из Москвы коллегами, Слоним участвует в создании в университете медицинского факультета. Через год получает звание профессора и становится заведующим кафедрой пропедевтики терапевтической клиники. Много энергии отдает улучшению материального обеспечения медицинского факультета, систематизации программ и учебных планов медицинского факультета. Всю свою жизнь профессор Слоним посвятил становлению качественной медицины в Узбекистане, занимая различные должности в системе здравоохранения республики - декана медицинского факультета, директора по учебной части ТашМИ, директор аСреднеазиатского института усовершенствования врачей (по совместительству).

Моисей Ильич был близким другом другого известного врача и священника, Войно-Ясенецкого, и не раз выступал в качестве заступника Валентина Феликсовича перед властями. Как я уже рассказывал, ссылаясь на воспоминания Михаила Владимировича Парадоксова, из операционной, где оперировал Войно-Ясенецкий, по распоряжению комиссара здравоохранения была убрана икона. Валентин Феликсович заявил, что не выйдет на работу, пока икону не вернут на место.

В 1921 году такой поступок расценивался не иначе как «саботаж» и считался одним из самых тяжких преступлений. Понимая, к каким последствиям это может привести, Моисей Ильич немедленно отправился на приём к тогдашнему Председателю Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б) Я. Э. Рудзутак и со всей дипломатичностью, объяснил “хозяину Туркестана”, что арест выдающегося хирурга и педагога, его коллеги и друга Войно-Ясенецкого, нанесёт огромный ущерб молодой советской республике. Рудзутак пообещал профессора не арестовывать, предоставив врачам самим урегулировать этот вопрос. Это, правда, только отсрочило репрессии против хирурга-священника но, тем не менее, говорит об авторитете и смелости Моисея Ильича Слонима.

Умер профессор Слоним в 1945 году, и как один из основателей ТашМИ упокоен на территории институтского парка.

Могила М.И. Слонима

Надо сказать, что и родные братья Моисея Ильича - их у него было трое - оставили добрую память в Ташкенте. Соломон Ильич был первым врачом-рентгенологом в нашем городе. Михаил Ильич - учёным генетиком; он читал лекции по этой “лженауке” в Ташкентском сельхозинституте, за что и попал в сталинские лагеря. Потом, правда, был реабилитирован и даже получил Государственную премию. Лев Ильич, инженер, возвел в Ташкенте мост через Салар, сохранившийся до сих пор.

Продолжая рассматривать вторую виньетку, видим в верхнем ряду Льва Доминиковича Василенко. В то время он был доцентом – звание профессора получил спустя четыре года. Родился будущий хирург-онколог на закате 19-го века, в 1899 году. В 24 года получил диплом медицинского факультета Туркестанского государственного университета и начал работать в клинике ТашМИ - сначала ассистентом, затем - с 1925 по 1937 год - доцентом. В 1937 году назначен на должность заведующего онкологической клиникой, с 1951 по 1955 год работает проректором ТашМИ.

Лев Доминикович, по свидетельствам современников, был выдающимся хирургом. Заслуженный деятель науки Узбекистана, он является основоположником онкологии нашей республики. Во время Великой Отечественной войны служил главным хирургом крупной госпитальной базы на 13 тысяч коек под Ленинградом. После войны вновь возвращается в Ташкент. Между прочим, именно в его онкологической клинике в 1954 году вылечили от рака Солженицына, причём очень долго не выписывали, давая ему возможность окрепнуть. Вышел Александр Исаеви из ворот клиники практически здоровым.

Л.Д.Василенко

“И лицом разойдясь от счастья, улыбаясь никому – небу и деревьям, в той ранневесенней, раннеутренней радости, которая вливается и в стариков и в больных, Олег пошёл по знакомым аллеям, никого не встречая, кроме старого подметальщика.

Он обернулся на раковый корпус. Полузакрытый длинными мётлами пирамидальных тополей, корпус высился в светло-сером кирпиче, штука к штуке, нисколько не постарев за свои семьдесят лет.

Олег шёл – и прощался с деревьями медицинского городка. На клёнах уже висели кисти-серёжки. И первый уже цвет был – у алычи, цвет белый, но из-за листов алыча казалась бело-зелёной.

А вот урюка здесь не было ни одного. А он уже, сказали, цветёт. Его хорошо смотреть в Старом городе.

В первое утро творения – кто ж способен поступать благорассудно? Все планы ломая, придумал Олег непутёвое: сейчас же, по раннему утру, ехать в Старый город смотреть цветущий урюк.

Он прошёл запретные ворота и увидел полупустую площадь с трамвайным кругом, откуда, промоченный январским дождём, понурый и безнадежный, он входил в эти ворота умирать”.

Это отрывок из “Ракового корпуса”, романа в котором Солженицын описал своё пребывание в онкологической клинике ТашМИ.

А вот что пишет Татьяна Александровна Вавилова в своих воспоминаниях опубликованных в “Письмах о Ташкенте” в мае 2012 года

- Василенко Лев Доминикович к рядовым врачам не относился. Доктор наук, хирург, онколог, заведующий кафедрой хирургии в ТашМИ, был известен и знаменит на весь Ташкент.

Оперировал мою маму в шестидесятых, уже в пожилом возрасте. А вот бабушка была его пациенткой, когда он только начинал свою карьеру. Медфак ТГУ Василенко закончил в 1923 году, учился и начинал работать с Войно-Ясенецким. А в тридцатых оперировал мою бабушку. Операция

была сложной, полостной, тяжелой, но Лев Доминикович не ушел домой, он привык «выхаживать» своих больных. И никогда не уходил из больницы, пока не минует опасность.

Денег и подарков в те годы врачи в больницах не брали. Когда Василенко выходил бабушку, благодарность она выражала только устно, да еще вспоминала его добром до конца жизни. Счет тогда шел на минуты, затяни Лев Доминикович с операцией, либо еще что, умерла бы.

Наш район был особенный. Столько неординарных людей нигде не жили все вместе, как на наших улицах. В самом начале Обсерваторской, даже еще на Папанина жила мать Льва Доминиковича, по моему, звали ее Мария Михайловна. Дама весьма пожилая, далеко за 80, но какие глаза под густыми ресницами! Какая интеллигентная, умная! Маме очень она нравилась, они, когда встречались, долго беседовали. Вот она рассказывала, что Лев Доминикович обладал хорошим музыкальным слухом и играл, если правильно помню, на скрипке. Во всяком случае, когда уже много лет спустя я преподавала на кафедре туберкулеза в мединституте, у нас на терапии преподавала невестка Льва Доминиковича, а на хирургии - его сын. Близких сотрудников они приглашали на семейные праздники, и те были в восторге от необычного приема. Все члены семьи играли или пели, гости тоже не отставали. Вечера напоминали старинные салоны, и традиция эта пришла от старших поколений».

Надо заметить, что и сын Льва Доминиковича, Георгий Львович Василенко также стал выдающимся хирургом.

И последний в верхнем ряду Василий Косьмич Ясевич.

Родился Василий Косьмич в 1894 году. Окончил в 1922 году медицинский факультет Туркестанского государственного университета. Хирург, гематолог. Интересна тема докторской диссертации, которую Ясевич защитил в 1938 году - «Материалы к изучению групп крови народностей Средней Азии». С 1937 по 1947-й заведующий кафедрой детской хирургии, а с 1944 по 1965-й возглавлял кафедру госпитальной хирургии санитарного факультета ТашМИ. Огромную роль сыграл Василий Косьмич и в организации службы переливания крови в Республике.

В 1930 году при хирургической клинике профессора Ивана Ивановича Орлова (о нём рассказ ниже) в Ташкенте был открыт первый кабинет переливания крови. Организатором и первым заведующим был Василий Косьмич Ясевич, в то время ассистент. Кабинет работал на общественных началах, без утвержденного штата и без ассигнований на оплату доноров. Первыми донорами были медицинские работники и родственники больных.

Через десять лет, в октябре 1940 года из этого кабинета вырос Узбекский научно-исследовательский институт переливания крови, и профессор Ясевич стал его научным руководителем. Впоследствии институт был преобразован в Научно-исследовательский институт гематологии и переливания крови Минздрава УзССР.

Владимир Фетисов. Они были первыми

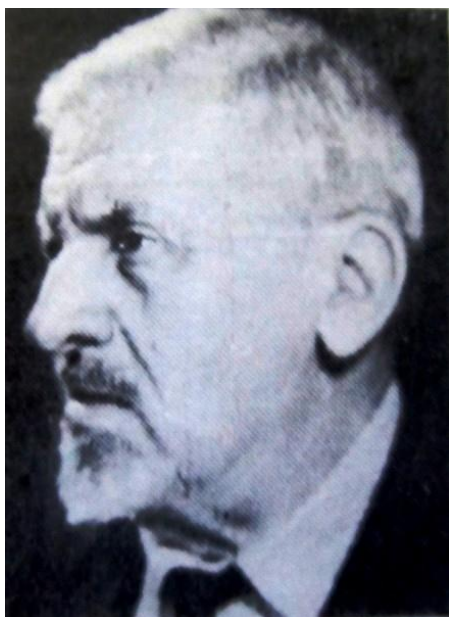

В. К. Яевич

Василий Космич был близким другом профессора Введенского. Именно Яевичу Дмитрий Алексеевич доверил удалить аппендикс у своей дочери. Вот, что вспоминает Никита Дмитриевна Введенская:

“Когда мне делали операцию по поводу аппендицита (оперировать папа попросил профессора Яевича), отец был в операционной, стоял за моей головой, но, естественно, не вмешивался”.

Первый в нижнем ряду, профессор Николай Николаевич Компанцев. Учёный-фармаколог.

Н.Н. Компанцев

Слово Татьяне Александровне Вавиловой.

“Компанцев - это легенда. Он ходил в синей сатиновой блузе на кокетке, толстовке, как тогда говорили. Бородка клинышком, высокий, сухопарый, интеллигент!!! Настоящий профессор, хоть в кино снимай. Практику не вел, так что близко не знала, но лекции великолепные читал. Он так художественно описывал воздействие морфина, что все наши парни считали его наркоманом. Говорили, что не может человек так детально и прочувствованно передать, если на себе не пробовал. О каждом препарате Компанцев знал всё наизусть, память была отличная, несмотря на возраст. Но и от студентов требовал строжайше. С первого раза мало кому удавалось сдать, поэтому у нас он стал принимать экзамены сразу после окончания лекций, не дожидаясь начала сессии. Бывало по три раза ходили, пока не поставит в зачетку. А я, похвалюсь, сдала с первого раза на 5. У меня тогда три гордые пятерки были: у Терехова, Компанцева и Волынского. Остальные не в счет, их не особо трудно получила. Но это так, студенческие воспоминания. Компанцев ведь и человек был хороший. Жили они с женой, профессором терапевтом Ольгой Николаевной Павловой на улице Льва Толстого, если память не подводит. Свой дом у них был, по нищим временам послевоенным очень хорошо жили. Детей не было. Жили аскетично, как и было положено ученым того времени. Это сейчас стыдно быть бедным, а тогда стыдно было быть зажиточным, не то что богатым. Да и много ли им надо было! Так они людям оба помогали. Бедных студентов содержали, точно, как Шляхтин. Больным лекарства в больницы носили. Тётя моя тоже у них училась, только в начале 30-х и потом сталкивалась по работе. Она рассказывала, что в отделении у Павловой лежали тяжелые больные, которым нужны были дорогие редкие лекарства, а их в больничной аптеке никогда и не существовало. Ольга Николаевна с мужем достали на свои средства и вылечили. Понимаете, те врачи не только не брали взятки, они за свои деньги лечили бедных. И нас этому же учили. Мы еще студентами приносили одиноким и бездомным больным вкусное что-нибудь из дома, а когда работали, то лекарства часто возили из Ташкента в районные больницы, где отработывали после института. Для помощи больным у них в доме была целая аптека запасена. Для моей бабушки она лекарства давала, тогда и видела этот домашний фармацевтический склад та же тётя моя, Мария Петровна. Денег не взяли ни копейки, хотя у тёти были, она не нуждалась. Принцип. Возьмешь, скажут - торгуют. Светлая память обоим!”

Николай Николаевич Компанцев родился в 1893 году. В 1917 году окончил физико-математический факультет Петербургского университета. Медицинское образование получил в Ташкенте, в Среднеазиатском государственном университете в 1924 году. 36 лет с 1933 по 1969 год руководил кафедрой фармакологии Ташкентского медицинского института. Заслуженный врач и заслуженный деятель науки республики.

Им разработаны вопросы получения и дозировки змеиного яда, фармакологии лекарственных растений, произрастающих в Средней Азии. Составлен указатель лекарственных и ядовитых растений Средней Азии.

Скончался Николай Николаевич в 1985 году.

О следующем человеке на фотографии, профессоре Мардерштейне, неизвестно практически ничего. Единственное, что удалось выяснить это то, что в 1939 году он был заведующим кафедрой нормальной анатомии в столице Киргизии, городе Фрунзе (ныне Бишкек). По всей видимости, после 1936 года, он навсегда покинул Ташкент и переехал в Киргизию.

Рядом с Мардерштейном доктор Лев Исаевич Райхштейн. Травматолог, соратник профессора Берлинера, о котором я рассказал в книге “Ташкентский дом на набережной”.

Родился Лев Исаевич в 1886 году. В 1912-м окончил медицинский факультет Московского университета. С 1938-го по 1943-й год заведующий кафедрой ортопедии ТашМИ, занимался проблемами лечения костно-суставного туберкулёза. Научный сотрудник НИИ Травматологии и ортопедии.

Владимир Фетисов. Они были первыми

Л. И. Райхштейн

Следующий в ряду профессор Семён Дмитриевич Баутин. В 1914 году, в 35-летнем возрасте окончил медицинский факультет Саратовского университета. Гигиенист. С 1928 по 1936 заведовал кафедрой гигиены ТашМИ. В 1935-м, защитил докторскую на довольно парадоксальную, для гигиениста тему - “Опыт изучения санитарно-гигиенических условий производства табака-махорки”. Автор 29 научных работ посвящённых гигиенической оценке различных пищевых продуктов, а также воздействию внешней среды на организм человека.

Владимир Фетисов. Они были первыми

С .Д.Баутин

Завершает нижний ряд уже знакомый нам профессор Марковин о котором выше уже было рассказано.

Здесь мы видим профессора Рагозу в окружении студентов.

Генерал медицинской службы, участник гражданской и Великой отечественной войн, Николай Иванович Рагоза родился в 1883 году. В 1910 году оканчивает Военно-медицинскую академию в Петербурге и уже через три года там же защищает диссертацию на степень доктора медицины. В 20-е годы приезжает в Ташкент, где участвует в создании медицинского факультета Туркестанского Университета, а затем и Ташкентского медицинского института. С 1926 по 1933 год возглавляет кафедру пропедевтики внутренних болезней, а с 1933 года лечебный факультет ТашМИ.

Николай Иванович был в тёплых дружеских отношениях с хирургом-священником Валентином Феликсовичем Войно-Ясенецким. Когда последнего в 1930 году арестовали по делу профессора – физиолога Михайловского – на самом деле это был лишь предлог, арестовали святителя Луку за религиозную деятельность – профессора Рагоза и Слоним, приложили немало усилий, чтобы спасти своего коллегу.

Они подают следователю, ведущему это дело, официально заверенную справку о том, что В. Ф. Войно-Ясенецкий страдает склерозом аорты, кардиосклерозом и значительным расширением сердца. Пользующиеся огромным авторитетом известные врачи пишут, что “Войно-Ясенецкий по роду своего заболевания нуждается в строгом покое и длительном систематическом лечении”. Правда это не помогло и Особое совещание ОГПУ (так называемая тройка) приговорило Войно-Ясенецкого к трёхлетней ссылке в Северный край. В 1986 году в Ташкенте вышел исторический детектив Владимира Михайлова “Выстрел не Лахтинской”, в котором в художественной форме рассказывается о деле профессора Михайловского.

Владимир Фетисов. Они были первыми

В 1939 году Николай Иванович Рагоза покидает Ташкент и возвращается в свою “alma mater” - Ленинградскую военно-медицинскую академию, где возглавил клинику и кафедру инфекционных болезней.

Н.И.Рагоза.

Николай Иванович являлся одним из крупнейших учёных-инфекционистов. Он внес большой вклад в изучение болезней крови, разработал наиболее полную классификацию лейкозов. Огромный клинический опыт и многогранный талант врача, учёного и педагога отражен в многочисленных научных трудах. Труды эти не утратили своего значения и в нынешнее время. К таким работам относится, например, двухтомное исследование «Брюшной тиф» изданное в Ташкенте в 1935 году. Профессор Рагоза один из авторов многотомного издания «Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.».

Скончался Николай Иванович в 1956 году в Ленинграде.

Судя по всему, студенты на этой виньетке – выпускники лечебного факультета, который возглавлял Николай Иванович Рагоза. Слева от профессора фотография девушки с волевым, целеустремлённым взглядом. Это Лидия Абрамовна Элькинд - будущий профессор-гистолог, педагог ТашМИ и член правления республиканского общества анатомов, гистологов, эмбриологов. О Лидии Абрамовне до сих пор с огромной теплотой вспоминают её многочисленные ученики. Вот что пишет Семён Гохберг.

Лекции по гистологии читает доцент Лидия Абрамовна Элькинд, невысокого роста, полноватая еврейка с громким голосом и сильной картавостью – «р-р-р» у нее рождается где-то в глубине горла

и по нарастающей выплескивается вместе с фразой наружу. Сказать, что Лидия Абрамовна знает гистологию блестяще, значит, не сказать ничего. Лекции она не просто читает, а громко, с выражением, диктует, держа в правой руке длинную указку, которая одним концом упирается в пол, другой конец возвышается над Лидией Абрамовной на полметра – эдакий Дед Мороз с посохом. Лекции ее настолько четкие, насыщенные фактическим материалом, что учебник можно практически не читать. Ее лекции студенты переписывают друг у друга, если кто-то пропустил занятия или не успел записать. Интересно, что если взять конспекты ее лекций за несколько лет, то они слово в слово повторяются – все доведено до автоматизма.

Во время практических занятий она обычно ходила между сидящими за микроскопами студентами, иногда опиралась сзади мощным бюстом на плечи какому-нибудь симпатичному студенту и зычным голосом спрашивала: «Ну, что мы здесь, юноша, видим в микр-р-роскоп?». Бедный юноша краснеет, бледнеет, заикается от стеснительности и неловкости от столь пристального внимания доцента. В целом же Лидия Абрамовна была добрейшим и замечательным человеком, которую очень уважали и любили и преподаватели, и все студенты без исключения, что в принципе в институте было явлением крайне редким.

Память 1 декабря 2005 **ЕВРЕЙСКИЙ КАМЕРТОН**

Давид ТАЙБЕРГ.
Хайфа

С большим интересом прочитал в "Еврейском камертоне" за 28 июля с.г. о вышедшем в свет двухтомнике профессора Семёна Гитлина "Евреи в Узбекистане", и тут же приобрел это издание. Больше всего меня заинтересовали материалы о еврейских врачах, что вполне объяснимо: я долгие годы работал врачом в Узбекистане, преподавал в Ташкентском медицинском институте (ТашМИ).

Должен заметить, что в узбекской медицине и, в частности, в ТашМИ, несмотря на многочисленные негласные директивные указания, всегда работало много специалистов-евреев. И отношение к ним было вполне нормальным по сравнению с медицинскими вузами в других республиках. Например, в с. конца 1970-х годов начал изучать иврит, а в 1980-м меня пригласили для "профилактической беседы" в управление КГБ, затем изыскали всю ивритскую литературу.

Руководство ТашМИ было поставлено в известность о "неблагонадежном" сотруднике, но, к его чести, оставило меня преподавать в институте.

На страницах двухтомника нашел десятки знакомых имен. Особенно порадовало то,

что среди них обнаружил имя очень дорогого для меня человека - профессора Лидии Абрамовны Элькинд. Лет двадцать назад написал для газеты "Вечерний Ташкент" и журнала на идише "Советни геймланд" (мама-лози я стал изучать в 1953 году, когда было "дело врачей") заметку о профессоре Элькинд. Перечитав ее недавно, пришел к выводу, что этот материал вполне можно опубликовать и сейчас, когда Лидии Абрамовны уже нет с нами, чтобы почтить память этого замечательного человека и прекрасного специалиста, которому в этом году исполнилось бы 90 лет. В сердцах родных, близких и учеников Лидия Абрамовна оставила добрую, светлую память.

"ДОРОГОЙ НАШ ЧЕЛОВЕК"

Это только одна из строчек многих писем, которые получает Лидия Абрамовна Элькинд - педагог, ученый, профессор кафедры гистологии Ташкентского государственного медицинского института. А вот запись, которую ей передали после лекции: "Дорогая Лидия Абрамовна, мы прослушали лекции не только по эмбриологии - это был монолог о горькой любви и преданности своему делу".

Мне повезло больше, чем другим, я не только учился у Лидии Абрамовны, но и долгие годы работаю с ней в одном коллективе. Прошли многие годы, а я и сейчас вижу, как входит она в аудиторию и начинается чудно-интереснейшее занятие по гистологии, которая нам представлялась очень сухой дисциплиной. Отличное знание материала по теме, эрудиция, эмоциональность изложения, живая манера речи, наконец, спокойная обстановка, чувство добро-

той выклад в медицинскую науку. Дочь рабочего - она стала доктором медицинских наук, профессором. Ею опубликовано 125 научных работ, в том числе две монографии по различным вопросам нормальной и патологической гистологии. Под ее руководством заочно получено большое количество кандидатских и докторских диссертаций. Лидия Абрамовна относится к тем счастливым людям, которые выбирают свой путь раз и навсегда - "одна, но пламенная страсть". В ее трудовой юбилей в лечении полувека одна запись: кафедра гистологии. Меняться только должность: лаборант, ассистент, доцент, профессор.

"Что придает мне силы и уверенность в жизни, в работе? Это ощущение того, что я нужен людям. Я придерживаюсь известной истины: чем больше отдаешь, тем больше приобретаешь. Медицина - это мой мир. Мир, в котором я живу полной жизнью, в котором я лучше всего могу выразить себя".

Это не просто красивые слова - знаем все мы, ее ученики и коллеги".

Ныне ученики профессора Элькинд живут и работают во многих странах. Немало их и в Израиле. Среди них - дочь Лидии Абрамовны, врач Татьяна Сиротинская, и ее внук врач Леонид Сиротинский.

"ОДНА, НО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ"

Профессор Лидия Абрамовна Элькинд.
Фото автора

А вот вспоминает Татьяна Александровна Вавилова: "Лидия Абрамовна Элькинд, многолетний заведующий кафедрой гистологии ТашМИ, была не только студенткой Шляхтина, но и его последователем. Всю жизнь Лидия Абрамовна отдала кафедре гистологии, всю жизнь проработала на одном месте - от лаборантки до заведующей. Сколько раз её вспоминали с благодарностью бывшие студенты ТашМИ!

Лидия Абрамовна, яркая, красивая, плотная женщина с сильным характером, в наши студенческие годы исполняла обязанности завкафедрой.

Читала она лекции в зале, на втором этаже, где была тогда кафедра гистологии. Это от того входа на территорию старого ТашМИ, который ближе к железнодорожному мосту. К зданию мы шли по аллее прямо, и там такая интересная лестница из металла - двойная, слева и справа поднимаешься в одну балконную дверь. Лидия Абрамовна быстро входила в зал, всегда вовремя, и, не тратя ни секунды, громким голосом начинала лекцию. Говорила внятно - каждое слово четко долетало до самого конца большого зала. Без микрофона, в зале на 200 или даже больше человек, не помню уже. Слушали её лекции сразу два факультета. Мы, лечебники, и педиатры. Да еще вечерники с нами сидели! Только когда я стала сама читать в такой большой аудитории, поняла, что значит уметь взять на себя внимание стольких людей. Мы едва успевали записывать за нею, и конспекты лекций Элькинды стали для нас незаменимым пособием.

Лидия Абрамовна была не только замечательным педагогом, но и талантливым учёным – ею опубликовано 125 научных работ по гистологии, в том числе две монографии. Ученики профессора Элькинды сегодня живут и работают во многих странах мира. И не забывают своего наставника. Об этом свидетельствует посвящённый ей очерк в израильской русскоязычной газете.

Рядом с Лидией Абрамовной фотография молодого человека в галстуке. Под фотографией надпись – Шарц И.Я. Людей с такой фамилией я не нашёл, то есть вообще не нашёл. И у меня сильное подозрение, что пропущена буква “в” и фамилия выпускника Шварц. Я знал одного доктора Шварца. Он был главным педиатром Минздрава нашей республики и хорошим знакомым моего отца. В середине 70-х годов прошлого века он вылечил моего маленького сына. Однажды я даже побывал в его доме - он жил в районе госпитального базара - и меня поразила его библиотека. Думаю, у этого известного врача было одно из самых богатых собраний книг в нашем городе. Я видел у него сборники стихов Евтушенко, подписанные самим автором, книги Константина Симонова - также с автографами. Был запрещённый Солженицын. Было булгаковское “Собачье сердце”, также находящееся под запретом в то время. Близкие и друзья звали Шварца Эммой. Следовательно, его полное имя могло быть Эммануил, но под фотографией стоят инициалы И.Я. Возможно оно писалось Иммануил. Во-всяком случае, молодой человек на фотографии очень напоминает того Шварца, с которым я был знаком.

И.Я.Шварц.

Во втором ряду сверху взгляд невольно падает на фотографию человека в кепи, похожего на сыщика из детективных романов 20-30-х годов, к примеру, на Шельгу из “Гиперболоида инженера Гарина” Алексея Толстого.

А.М. Волохвянский.

Это будущий врач-фтизиатр А. М. Волохвянский. В 1941 году он защитил кандидатскую диссертацию и в дальнейшем работал в Ташкентском институте туберкулёза, преобразованном впоследствии в Научно-исследовательский институт фтизиатрии и пульмонологии.

В правом нижнем углу мы видим фотографию юноши с горящим взглядом. Это Сайфи Шамсиевич Шамсиев - будущий член-корреспондент Академии Медицинских наук СССР.

Родился он в 1914 году в Намангане. После окончания института всю свою жизнь посвятил педиатрии. В 1951 году возглавил кафедру детских болезней ТашМИ, а когда в 1972 году был открыт Среднеазиатский Медицинский Педиатрический институт (САМПИ), стал заведовать кафедрой пропедевтики детских болезней.

С.Ш.Шамсиев.

Весь свой талант профессор Шамсиев направил на развитие педиатрической службы в нашей республике и охрану здоровья детей. Его перу принадлежат - более 150 научных трудов. Им были написаны и выпущены в свет, такие медицинские пособия, как «Детская клиническая

Владимир Фетисов. Они были первыми

электрокардиография», «Детская клиническая фонокардиография», «Острые пневмонии у детей», «Пособие для участкового педиатра» и другие. По воспоминаниям коллег и учеников Сайфи Шамсиевич, несмотря на высокие звания, был человеком очень простым, слегка чудаковатым, как и положено ученому, но высококлассным специалистом. Блестяще готовил кадры, все его аспиранты писали достойные работы и успешно защищались.

И наконец, предпоследний во втором ряду снизу – Захар Юсупович Шимонов

Участник Великой Отечественной войны, подполковник медицинской службы первый военврач из числа бухарских евреев. Начальник госпиталя на Сахалине, сотрудник НИИ кожно-венерологических заболеваний в Ташкенте. В 1979 году эмигрировал в США. Скончался в 2011 году.

З.Ю.Шимонов.

В центре следующей виньетки мы видим Моисея Ильича Слонима, о котором я уже рассказывал. А слева от него Эргаш Исабаевич Атаханов, впоследствии видный терапевт, биофизик, член-корреспондент АМН СССР и АН УзССР.

Родился Эргаш Исабаевич в Намангане в 1914 году. Любопытно, что три уроженца Намангана, выпускника ТашМИ 1936-го года, стали выдающимися учёными. Это Сайфи Шамсиев, о котором я рассказал в предыдущей части, Эргаш Атаханов, фотография которого помещена на этой виньетке, и Ялкин Туракулов – речь о нём в следующей части.

Эргаш Исабаевич Атаханов занимался вопросами биофизиологии элементов крови и заболеваниями кроветворной системы. Именно этой теме была посвящена его докторская диссертация, которую он защитил в 1948 году. С 1951 года он заведовал кафедрой пропедевтики внутренних болезней ТашМИ. С 1955 по 1962 год профессор Атаханов - председатель Ученого совета Минздрава нашей республики.

Владимир Фетисов. Они были первыми

Его перу принадлежат более 100 научных работ по вопросам гематологии, патологии органов пищеварения, краевой патологии. Эргаш Исанбаевич очень рано, в возрасте 53 лет, ушёл из жизни.

Э.И. Атаханов

Рядом с Атахановым фотография дочери профессора Глеба Николаевича Терехова - Татьяны. О Глебе Николаевиче я уже рассказал, а Татьяна Глебовна продолжила дело отца, также став патологоанатомом.

Владимир Фетисов. Они были первыми

Некоторое время работала с отцом на одной кафедре в ТашМИ, а затем уехала в Москву. По моим сведениям, Татьяна Глебовна до сих пор живёт в Москве и в этом году отмечает 100-летний юбилей. Справа от профессора Слонима фотография Азиза Кудратовича Адилова, будущего ректора Самаркандского медицинского института, который он возглавлял с 1951 по 1955 год. Но до этого была Великая Отечественная война, которую фронтовой врач Адилев прошёл с первого дня и до самой Победы.

А.К. Адилев, главный терапевт госпиталя.
Румыния, 1944 год

Здесь, на фронте, он встретил любовь всей своей жизни – медсестру Серафиму Борисовну Гуревич, ставшую впоследствии его женой. Серафима Борисовна была вдовой, муж её, Василий Фёдорович Корвяков, погиб в ополчении в октябре 1941 года. Пятилетний сын Серафимы, Анатолий, стал для Азиза Кудратовича родным, и воспитал он его замечательным человеком. Анатолий Васильевич Корвяков стал выдающимся режиссёром-кинодокументалистом. Он является автором 60-серийного документального фильма “Наша биография”, снятого к 50-летию Октябрьской революции. Вспоминаю, какое огромное впечатление произвела тогда на меня эта документальная картина. Первый джаз-оркестр Леонида Утёсова, опрокинутое лицо Бориса Пастернака на похоронах Маяковского, челюскинцы на дрейфующей льдине и другие редчайшие кадры кинохроники. За эту работу Корвяков был удостоен Государственной премии СССР. А потом был 17-ти серийный художественно-публицистический фильм «Стратегия победы» о второй мировой войне. В последние годы Анатолий Васильевич работал на телеканале “Культура”, где снимал телеверсии спектаклей известных театров. Он является членом экспертного Совета по культуре Министерства культуры Российской Федерации, Членом Академии Российского телевидения и Евразийской академии телевидения.

А сразу после войны у Азиза Кудратовича и Серафимы Борисовны родилась дочь Надежда.

Азиз Кудратович и Серафима Борисовна. Самарканд, 60-е годы

В верхнем правом углу фотография Мамуры Рахматовны Рахматовой.

Мамура родилась в 1916 году в Ташкенте, на Кашгарке. После медицинского училища поступает на первый курс медицинского факультета САГУ, впоследствии преобразованного в Ташкентский медицинский институт.

Сразу после окончания института о ней и её сокурсницах была опубликована статья с фотографией в местной газете, как о первых узбекских девушках-врачах.

Мамура Рахматова с однокурсницами

В 1943 году Мамура Рахматова получает направление на работу начальником медико-санитарной части Фархадстрой, где знакомится со своим будущим мужем – Борисом Васильевичем Суловым, работавшим на строительстве Фархадской ГЭС. Затем долгие годы заслуженный врач республики Мамура Рахматовна Рахматова проработала в институте Гематологии и переливания крови в Ташкенте.

Во втором ряду, на четвёртой слева фотографии, видим женщину с известной фамилией Сирота. Прочитав подпись под фотографией, я вначале подумал, что это дочь Товия Абрамовича Сироты - одного из основоположников патологической анатомии в Узбекистане. Однако инициалы не сходились. После некоторых изысканий, выяснил, что это не дочь, а жена знаменитого патологоанатома – Лидия Романовна Сирота, впоследствии врач-педиатр.

Т.А. Сирота с женой Лидией. 20-е годы

Личность Товия Абрамовича Сироты невольно сравниваешь с энциклопедистами Эпохи Просвещения. Он владел десятью языками, имел пять дипломов высших учебных заведений - это впечатляет.

Родился Товий Абрамович 5 июля 1895 г. в городе Самарканде. Кроме гимназического образования получил и духовное - в еврейской религиозной начальной школе - хедере. Пылливому, жаждущему знаний юноше этого было недостаточно и он уезжает в столицу Российской империи где поступает на исторический факультет Петербургского университета, который успешно оканчивает в 1920 году, правда уже в другом государстве. Но и этого ему показалось мало, и он одновременно оканчивает четырёхлетние курсы Психоневрологического медицинского института. В 1921 году Сирота приезжает в Ташкент и ещё год учится на медицинском факультете САГУ, где, после окончания остаётся работать на кафедре патологической анатомии. Без отрыва от учебы, в том же 1921 году зачисляется на должность прозектора во 2-ю городскую больницу. Здесь Сирота проработал сорок пять лет и был освобождён только по болезни - 1 мая 1966 года.

Преподавательская деятельность Сироты начинается 1 сентября 1922 года в Республиканской средней медицинской школе имени Ю. Ахунбабаева, где он читает курс патологии. Вплоть до конца своей жизни он будет учить здесь юношей и девушек, выбравших профессию медика. Жажда знаний у Товия Абрамовича была огромной. В 1930 году он оканчивает Педагогический факультет САГУ по специальности восточные языки, а затем становится первым заведующим кафедрой Иностранных языков ТашМИ. Свободно владея узбекским, таджикским, армянским, немецким, французским, арабским языками, превосходно зная идиш, иврит, древнегреческий и латынь, он с 1937 по 1939 год преподаёт курс восточных языков на Педагогическом факультете САГУ. Казалось бы, куда ещё стремиться? Но нет, в 1935 году Товий Абрамович оканчивает ещё институт Красной профессуры в Москве по специальности экономика. С 1942 по 1944 год заведует кафедрой Патологической физиологии ТашГосМИ, а в 1948 году возглавляет им же организованную кафедру Патологической анатомии Института усовершенствования врачей в Ташкенте.

Ушёл из жизни этот необыкновенно одарённый и высокообразованный человек 5 февраля 1967 года.

Т.А. Сирота. 50-е годы

Следующая виньетка. В центре фотография заслуженного деятеля науки, профессора Михаила Алексеевича Захарченко, учёного с мировым именем, основоположника неврологии в Узбекистане.

С первого дня создания медицинского факультета Туркестанского университета была открыта и кафедра нервных болезней. Её организатором и первым заведующим был профессор Захарченко. Родился Михаил Алексеевич 20 ноября 1879 года в украинском городе Александровске, в семье бедного железнодорожного служащего. После окончания гимназии в Екатеринославле, нынешнем Днепропетровске, он отправляется в Москву и поступает на медицинский факультет университета. В университете его увлекает психиатрия и неврология и, получив в 1904 году диплом лекаря, Захарченко уезжает в Тулу и начинает служить в городской психиатрической больнице, одновременно выполняя обязанности земского врача. Как нелёгко этот труд, мы знаем из произведений Чехова, Вересаева и Булгакова.

Однако молодого врача неудержимо влекла наука, и через полгода он подаёт документы для участия в конкурсе на должность клинического ординатора в клинике нервных болезней имени Кожевникова, которая находилась при медицинском факультете МГУ. Учёный совет факультета признал Захарченко достойным этой должности и Михаил Алексеевич возвращается в свою “almamater”. Здесь он начинает собирать материал для монографии, сделавшей его имя широко известным в психиатрии. Первый том этого труда, под названием “Сосудистые заболевания мозгового ствола”, вышел в свет в 1911 году.

1 августа 1914 года Германия объявила России войну, началась мобилизация. На полях Первой мировой шли кровопролитные бои, и в Москву стали приходить эшелоны с ранеными. Доктор

Захарченко в эти дни - старший ординатор в неврологическом отделении травматологического института. Работы для невропатолога было много, с фронта непрерывно поступали раненые с повреждениями головного мозга и позвоночника. Так в тяжёлых трудах, среди стона, боли, запаха формалина и окровавленных повязок прошли три года.

Октябрьскую революцию Михаил Алексеевич встретил настороженно, но и без неприятия, продолжая свою трудную службу. В конце 1919 года его пригласили в Наркомат здравоохранения и сделали неожиданное предложение: с группой медиков выехать в Ташкент и занять должность заведующего кафедрой нервных болезней медицинского факультета в создаваемом в Туркестане университете. Кафедру, правда, предстояло ещё организовать, и это он должен был взять на себя. Михаил Алексеевич согласился не раздумывая, и 19 февраля 1920 года поезд с врачами, оборудованием и медицинской библиотекой отправился в далёкий Туркестан.

Создать факультет, призванный готовить медицинские кадры республики практически на пустом месте, да ещё в столь короткий срок - задача невероятно трудная. Необходимо было получить помещение, разместить в нем кафедры, начать прием студентов. Остро стоял вопрос с медицинским оборудованием, не хватало материалов и специальной литературы. Несмотря на всё это 1 сентября 1920 года Захарченко докладывает руководству о готовности кафедры нервных болезней к приёму студентов.

Основатели медицинского факультета ТГУ. Третий справа во втором ряду М.А.Захарченко. В центре П.Ф.Боровский

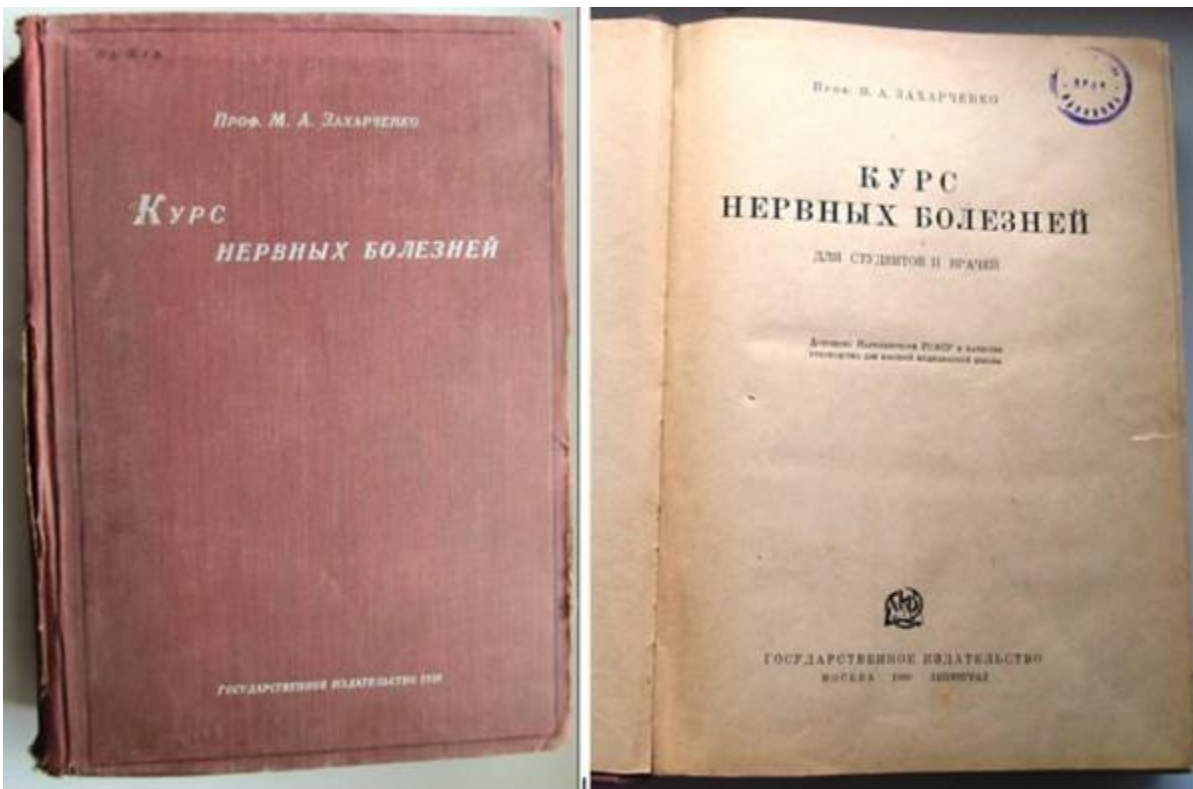
Одновременно с хлопотами по организации факультета и кафедры Михаил Алексеевич работает над организацией Туркестанского научного медицинского общества, председателем которого он был затем на протяжении многих лет. Целью общества, зарегистрированного в июне 1920 года, была разработка новых методов борьбы с местными заболеваниями и обобщение врачебной практики в крае. Через два года профессор Захарченко становится одним из создателей «Туркестанского медицинского журнала» и на протяжении многих лет его первым главным редактором.

Владимир Фетисов. Они были первыми

Михаил Алексеевич был прекрасным оратором, читал лекции ярко, образно, доступным для слушателей языком. По свидетельствам коллег все выступления ученого поражали и восхищали слушателей.

О его фанатичном отношении к профессии свидетельствует случай, о котором рассказал один из первых учеников Захарченко, впоследствии выдающийся клиницист-невролог, ученый и педагог, профессор Дмитрий Константинович Богородинский, окончивший медицинский факультет Туркестанского университета в 1925 году. Студентом он подрабатывал медбратом, затем лаборантом на кафедре нервных болезней. На всю жизнь запомнил первую встречу с Михаилом Алексеевичем и его слова: «Молодой человек! Если мотивом вашего интереса к неврологии является желание в последующем хорошо зарабатывать и хорошо жить, то вы не туда пришли! Нервные больные зачастую парализованы, не могут сами работать, а следовательно, не способны и оплачивать труд врача! Хорош заработок у стоматолога, гинеколога, уролога и отоларинголога. Хорошо подумайте о выборе своей специальности. На кафедру можете приходиться».

Основная проблема для студентов 20-х годов, учившихся в Ташкенте, была острая нехватка специальной литературы, и Михаил Алексеевич решил сам написать учебник нервных болезней для студентов медицинских институтов. Пять лет продолжалась работа над книгой, ставшей настоящим бестселлером в психиатрии благодаря простому, доступному и яркому языку. В основу учебника, вышедшего в Москве в 1930 году, легли лекции, прочитанные профессором в студенческих аудиториях.

«Курс нервных болезней» проф. М.А. Захарченко. Из личной библиотеки Т.А. Вавиловой.

В том же году выходит второй том монографии «Сосудистые заболевания мозгового ствола». Она до сих пор служит настольной книгой каждого врача-невропатолога. Один из описанных в монографии синдромов называется всеми невропатологами мира синдромом Валленберга-Захарченко.

Учебник, написанный Михаилом Алексеевичем, стал не только его гордостью, но и причиной неприятностей, повлиявших на его дальнейшую судьбу. В 1939 году его обвинили в том, что он

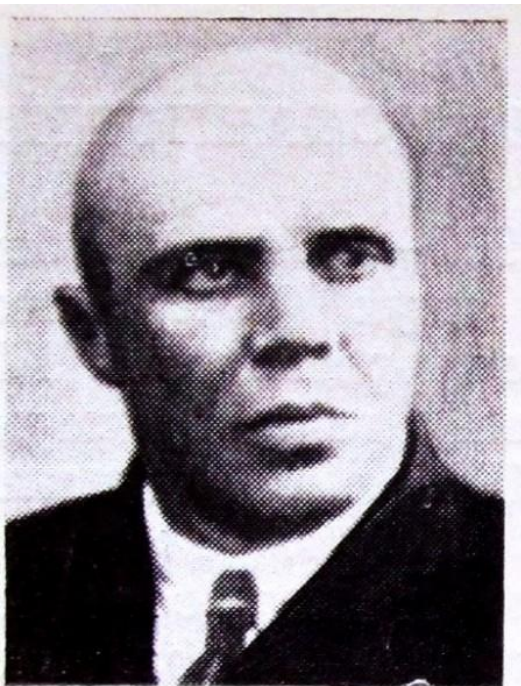
протащил в свою книгу “идеи расизма”. Захарченко отстраняют от заведования кафедрой, и он вместе с женой Еленой Андреевной покидает наш город. Как оказалось, навсегда. Они уезжают на Кавказ, в город Эссентуки, где известный ученый работает консультантом-невропатологом санаториев и лечебниц группы курортов Кавказских минеральных вод, являясь единственным профессором, постоянно работающим в курортном совете. Здесь и застаёт его война.

С началом боёв за Кавказ, Михаил Алексеевич занимается организацией в Эссентуках и Пятигорске эвакуационных госпиталей, а затем эвакуацией раненых в глубь страны. Вот когда ему пригодился опыт Первой мировой войны...

Несмотря на яростное сопротивление, советские войска вынуждены были отступить, оставляя города и села врагу. 14 августа 1942 года Михаил Алексеевич совершал свою обычную утреннюю прогулку, когда с металлическим лязгом на улицу выкатился танк с чёрным крестом на боку. В город вошли немцы. Так для профессора Захарченко началась другая жизнь – жизнь подпольщика. Об этом подвиге Михаила Алексеевича рассказано в замечательной книге “Одержимые в белых халатах”, написанной ташкентским врачом и писателем В.Г.Михайловым

Вместе с другими медиками, ежечасно рискуя жизнью, профессор укрывал раненых, проводил подпольные операции, используя заранее припрятанные медикаменты и перевязочный материал. Однажды был даже на грани провала, когда по подозрению в связях с партизанами его допрашивал сам начальник Эссентукского гестапо Пфайффер. Лишь железная выдержка и превосходное знание немецкого языка спасло Захарченко. К счастью, оккупация продлилась недолго - 11 января 1942 года Эссентуки были освобождены, и Михаил Алексеевич продолжил свою деятельность консультанта эвакуационных госпиталей.

Умер Захарченко, как говорится, на боевом посту. После обхода в хирургическом отделении городской больницы, прилёг отдохнуть на диван и больше не проснулся. Случилось это 8 апреля 1953 года. Несколько тысяч человек, приехавших проститься с ним из всех курортных городов Кавказских Минеральных Вод, шли за гробом. Коллеги, друзья, знакомые, пациенты отдали последние почести выдающемуся учёному, врачу и педагогу, оставившему ярчайший след в истории медицины России и Узбекистана.

М.А. Захарченко

Владимир Фетисов. Они были первыми

Но вернёмся к виньете. Рядом с Захарченко фотография А.Е. Бланкфельда, в то время исполняющего обязанности заведующего кафедрой психиатрии. Об этом человеке мало сведений. В 20-е годы он занимался психическими отклонениями у наркоманов, посвятив этой теме несколько статей, а в конце 40-х вопросами психики детей, пострадавших от землетрясения. Возможно, статьи написаны по наблюдениям, связанным с ашхабадским землетрясением 1948 года.

О студентах, представленных на этой виньете, у меня никаких данных пока нет. Лишь небольшая информация о В.М. Демидович - в 1951 году она защитила кандидатскую диссертацию на тему "Опухоли головного мозга у детей (клинико-анатомические особенности)".

Есть на виньете и групповая фотография.

По всей видимости, это кафедра патологоанатомии, поскольку в центре мы видим Глеба Николаевича Терехова и Товия Абрамовича Сироту - о них рассказывалось в предыдущих частях нашего очерка.

Владимир Фетисов. Они были первыми

В центре следующей виньетки мы видим фотографии двух крупных деятелей медицины Узбекистана, двух профессоров - Ивана Ивановича Орлова и Петра Фёдоровича Архангельского.

Про Петра Фёдоровича уже писал в первой части. Тем не менее, хочется еще немного добавить о том огромном вкладе, который внёс профессор Архангельский в офтальмологию. Это и метод трепанации роговой оболочки, и сконструированный профессором прибор для точного определения локализации инородного тела внутри глаза при рентгенографии, и созданные им много-численные инструменты для операции на глазном яблоке.

А с какой огромной самоотдачей он занимался подготовкой молодых специалистов! И в аудитории, и в операционной помогал студентам определять свое призвание, тем самым формируя когорту офтальмологов республики.

Невозможно переоценить роль Архангельского в борьбе с такими заболеваниями как трахома, глаукома, проказа, конъюнктивит. Этим болезням ученый посвятил более 100 научных работ.

В Ташкенте Пётр Фёдорович проработал до 1953 года, а затем вернулся в город своего студенчества - Ростов-на-Дону. Здесь он возглавил кафедру офтальмологии Ростовского медицинского института и продолжил научную и педагогическую деятельность. По-прежнему главным для Петра Фёдоровича оставалась подготовка профессиональных специалистов по глазным болезням. В Ростовском медицинском институте под его научным руководством защищали кандидатские диссертации

Владимир Фетисов. Они были первыми

известные офтальмологи, в частности выдающийся врач и учёный, академик Святослав Николаевич Фёдоров.

Скончался Пётр Фёдорович Архангельский в 1959 году.

П.Ф. Архангельский

В ноябре 1917 года в Ташкенте был учреждён Комиссариат народного здравоохранения Туркестанской Республики. Первым наркомом стал ученик Петра Фокича Боровского, 29-летний талантливый хирург Иван Иванович Орлов. Комиссаром здравоохранения он, правда, пробыл недолго, всего два года, а затем целиком посвятил себя практической медицине и педагогике.

В созданный в 1920 году медицинский факультет Туркестанского университета входили три хирургические кафедры: госпитальной хирургии, которую возглавлял Петр Фокич Боровский; факультетской хирургии под руководством Петра Порфирьевича Ситковского и кафедра общей хирургии, которой заведовал Николай Семёнович Перешивкин. Орлов начинает работать на кафедре своего учителя, а после смерти Боровского, в 1932 году, становится его преемником. Руководил кафедрой Иван Иванович до самой своей смерти в 1953 году.

Владимир Фетисов. Они были первыми

Орлова с полным правом можно назвать основоположником нейрохирургии в Узбекистане, организатором нейрохирургической службы республики. Он является пионером и в хирургии легочного туберкулеза.

В полной мере талант Ивана Ивановича как хирурга, учёного и организатора проявился в годы Великой Отечественной войны. В это время в Узбекистане была создана мощная сеть тыловых госпиталей, в которых были организованы крупные нейрохирургические отделения. В Ташкенте эти отделения возглавлял профессор Орлов. Здесь, наряду с лечением ранений центральной нервной системы, продолжалась и научная деятельность - поиски и внедрение новых методов и средств лечения ранений головы и спинного мозга, периферических нервов.

Орлов много времени проводил в операционной, лично оперируя раненых солдат и офицеров, привезённых в Ташкент.

И.И.Орлов

Страна высоко оценила заслуги профессора Орлова - он Герой социалистического труда, заслуженный деятель науки Узбекистана, награждён орденом “Трудового Красного знамени”.

Есть, однако, в жизни Ивана Ивановича Орлова и страница, которая с высоты сегодняшнего времени не слишком его красит. Дело в том, что профессор Орлов был одним из гонителей святителя Луки – Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого.

Что это - соперничество? Ведь оба были выдающимися хирургами. А может быть, правоверный большевик Орлов действительно видел в человеке с крестом в одной руке и скальпелем в другой угрозу существующему строю? Скорей всего, сыграли оба этих фактора, во всяком случае Орлов сделал всё, чтобы только что вернувшемуся из ссылки Войно-Ясенецкому запретили работать в Ташкенте. В газете “Правда Востока” появилась статья “Медицина на грани знахарства”, подписанная Орловым и ещё шестью членами президиума Хирургического общества Узбекистана. В статье, после обычных славословий в адрес партии и советского строя шли прямые обвинения в адрес Войно-Ясенецкого в саморекламе и неумении лечить гнойные заболевания хирургически – и это после только что вышедшей книги “Опыты гнойной хирургии”. Кроме того, в вину хирургу-священнику вменялся неоправданный риск при лечении доверившихся ему больных. По сути это был донос, после которого Войно-Ясенецкому путь был один – на скамью подсудимых. Скорее всего, это бы и случилось, если бы не вмешался его величество случай. В это время в соседнем Таджикистане находился VIP-альпинист – бывший личный секретарь Ленина, а тогда управляющий делами Совнаркома Николай Петрович Горбунов. И случилось так, что после восхождения на самую высокую вершину Таджикистана, пик Коммунизма, Николая Петровича скрутил приступ аппендицита. Местные хирурги прооперировали его, но неудачно. Занесли какую-то инфекцию, и состояние высокопоставленного пациента стало критическим. Руководство республики было в панике, поскольку лично Молотов запрашивал о состоянии здоровья Горбунова и в случае фатального исхода, головы полетели бы, как созревший урюк.

И тут вспомнили о Войно-Ясенецком. Автор “Очерков гнойной хирургии” срочно самолётом был доставлен из Ташкента в Сталинабад (так тогда называлась столица Таджикской ССР), и Валентин Феликсович блистательно справился с казалось бы безнадежной задачей. Горбунов был спасён. Правда, ненадолго. 7 сентября 1938 года он был расстрелян как “враг народа”.

Оперирует В.Ф. Войно-Ясенецкий

А Войно-Ясенецкому предложили возглавить институт хирургии в Сталинабаде. Возможно, он бы и согласился, но в столице Таджикистана не было православного храма, а строить его, естественно никто не собирался. Таким образом, в Ташкент профессор возвратился триумфатором, к тому же

Владимир Фетисов. Они были первыми

известным в самых высоких кремлёвских кругах, и злополучная статья оказалась холостым выстрелом.

Возможно, исходя из тех непростых реалий, профессор Орлов искренне считал, что делает благое дело, но время, как говорят немцы, честный человек, оно всё расставило по своим местам. Не знаю, перевешивают ли все заслуги врача, учёного, педагога Ивана Ивановича Орлова вот этот эпизод его жизни. Не знаю. На память невольно приходит поговорка о ложке дёгтя в бочке с мёдом и строки из стихотворения Роберта Рождественского:

Какое это чудо человек.

Какая это мерзость человек.

О студентах, изображённых на этой странице, сведений очень мало. Лишь о нескольких из них нашёл скудную информацию.

К. Нишанов, первый в третьем ряду, приехал в Ташкент учиться из Киргизии. После окончания института вернулся на родину, где работал в курортном управлении Киргизской ССР.

О Н.С. Бирючинской - она предпоследняя в третьем ряду - я узнал из публикации Татьяны Перцевой в "Письмах о Ташкенте". Звали Бирючинскую Ниной, а вот отчество Татьяна не помнит. Была Нина Бирючинская очень хорошим терапевтом и работала в районной поликлинике на улице Энгельса, а проживала недалеко от своей работы - на углу Урицкой и Халкабадской.

Хасанов Т.Х., предпоследний во втором ряду, впоследствии защитил кандидатскую диссертацию и с 1953 по 1959 год, руководил кафедрой онкологии в Институте усовершенствования врачей в Ташкенте.

Следующая виньетка. И здесь, в центре композиции, мы видим двух выдающихся учёных.

Профессор Моисей Филиппович Мирочник и профессор Рафаил Самойлович Гершеневич. Должен сказать они были не только коллегами, но и родственниками. Точнее свойственниками – их жёнами были родные сёстры.

О Моисее Филипповиче, высокообразованном терапевте, человеке высокой культуры, я уже рассказывал в первой части своего очерка, тем не менее, кое-что добавлю.

В 1937 году защитил докторскую диссертацию. Автор двух монографий и более 30 научных работ, посвященных диагностике и лечению болезней внутренних органов. С 1932 по 1945 год заведующий кафедрой факультетской терапии ТашМИ. Был главным терапевтом Минздрава Республики, депутатом Куйбышевского райсовета, деканом лечебного факультета, заместителем директора по учебной работе института. Вот вкратце этапы большого пути профессора Мирочника.

К заслугам Моисея Филипповича можно добавить и разгадку тайны страшной болезни поражающей сельских жителей Узбекистана в 30-40-е годы. Речь идёт о гелиотропном токсикозе, разновидности токсического гепатита, унёсшем тысячи жизней. Сейчас мало кто знает об этой напасти, поскольку благодаря профессору Мирочнику и сельскому врачу из Пахтаарала, Христиану Христиановичу Ценеру, болезнь эта полностью побеждена. Почти детективная история этого подвига описана в уже упоминавшейся книге Владимира Михайлова – “Одержимые в белых халатах”.

Владимир Фетисов. Они были первыми

М.Ф.Мирочник

Прожил Моисей Филиппович несправедливо мало, уйдя из жизни в 53 года. Случилось это в 1945 году. Похоронен на территории института.

Жизнь Рафаила Самойловича Гершеновича – готовый сценарий для увлекательного телесериала. Родился он 22 сентября 1889 года в семье самаркандского фельдшера, занесённого в этот древний город вместе с российской армией, в которой он достойно прошёл 25–летний путь от кантониста до военного фельдшера, получив за боевые заслуги Георгиевский крест и звание "Почётный гражданин России".

Через некоторое время семья Гершеновичей переезжает в Ташкент, где Рафаил поступает в гимназию. Революционные ветра пронизывающие Российскую империю в начале века, не миновали и нашего героя. Незадолго до окончания гимназии, в 1907 году, его арестовывают за участие в марксистской организации. К счастью обошлось без последствий - гимназию Рафаил оканчивает и в том же году уезжает в Париж, где поступает на медицинский факультет Сорбонны.

Пока Рафаил Гершенович постигает азы профессии, слушая лекции выдающихся французских учёных-медиков, таких как Огюстен Никола Жильбер, Антонен Марфан, Пьер Нобекур и других, в Ташкенте, в женской гимназии, учится девочка Дебора Фридман.

Именно она станет любовью и верной спутницей жизни Рафаила Самойловича.

Родилась Дебора в многодетной семье отставного солдата Герша Фридмана и его жены Леи. Фридманам принадлежали две бани расположенные на улице Широкой, однако чтобы дать своим детям высшее образование – все дети учились в Париже - Лея Фридман, тогда уже вдова, была вынуждена бани продать.

В августе 1911 года Дебора Фридман оканчивает гимназию и уезжает в Париж, где уже учатся её старшие сестры. Сохранился аттестат Деборы, - его бережно хранит, внучка Деборы и Рафаила – Натали Гершенович.

Аттестат Деборы Фридман.

В Париже девушка изучает французскую филологию в Сорбоннском университете и, вместе с парижским воздухом, впитывает европейскую культуру. Здесь она знакомится со своим будущим мужем. Познакомил их, скорей всего, однокурсник Рафаила, Моисей Мирочник бывший женихом старшей сестры Деборы, Раисы.

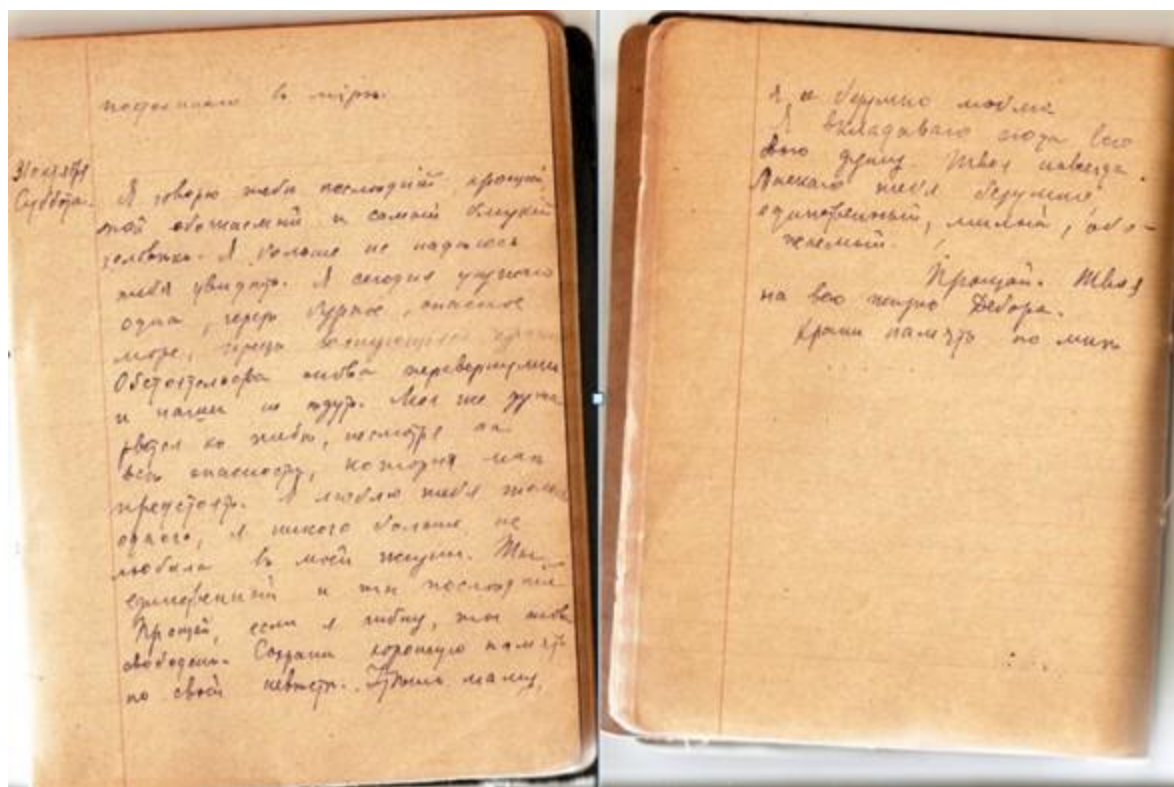
Рафаил Гершеневич и Дебора Фридман.

Весной 1914 года Рафаил сдаёт последний экзамен и получает диплом врача. Деборе же надо было доучиваться. Влюблённые расстаются, как они думали ненадолго. Но в августе в Европе загрохотали пушки и между молодыми людьми встали перекопанные траншеями поля сражений Первой мировой войны.

Невозможно без волнения читать дневник Деборы, хранящейся у её внучки. Вот запись от 31 октября 1914 года.

“Я говорю тебе последнее прощай, мой обожаемый и самый близкий человек. Я больше не надеюсь тебя увидеть. Я сегодня уезжаю одна, через бурное, опасное море, через волнующиеся страны. Обстоятельства снова перевернулись и наши не едут (речь идёт о сёстрах, прим. В.Ф.). Моя же душа рвётся к тебе, несмотря на все опасности, которые мне предстоят. Я люблю тебя только одного, я никого больше не любила в моей жизни. Ты единственный и ты последний. Прощай, если я гибну, ты снова свободен. Сохрани хорошую память по своей невесте. Утешь маму, я её безумно люблю. Я вкладываю сюда всю свою душу. Твоя навсегда. Ласкаю тебя безумно, единственный, милый, обожаемый.

Прощай. Твоя на всю жизнь, Дебора. Храни память по мне.

Страница дневника Деборы Фридман.

Несмотря на трагическое предчувствие, Дебора благополучно добралась до Ташкента и 15 апреля 1915 года молодые люди поженились.

К венчанию было заказано два кольца, на каждом из которых была выгравирована дата венчания и имя супруга. Кольца эти, затем, передавались из поколения в поколение и одно из них, а именно кольцо Деборы, находится сейчас на пальце внучки - Натали Гершенович.

Обручальное кольцо Деборы Фридман.

После свадьбы молодые уезжают в Самарканд, где Рафаил Самойлович начинает свою трудовую деятельность с должности железнодорожного врача. Участок, где работал доктор Гершенович, охватывал расстояние железной дороги от станции Каттакурган до станции Ломакино (ныне

Владимир Фетисов. Они были первыми

Зардбад). Более ста километров. В это же время по его инициативе и при активном участии была открыта самаркандская инфекционная больница.

Здесь, в Самарканде, его застала Октябрьская революция и, в середине марта 1918 года, он был делегирован в Ташкент для участия в работе съезда железнодорожников. Созданный на съезде совет рабочих депутатов Ташкентской железной дороги оставляет доктора Гершеновича в Ташкенте, для работы в городской железнодорожной больнице. Через год он был мобилизован на полгода в Красную армию и направлен на Закаспийский фронт, где служил главным врачом походно-полевого госпиталя.

Затем Гершенович возвращается в Ташкент, где работает в должности заведующего здравотделом Туркестанского округа путей сообщения и одновременно является консультантом по детству амбулатории и поликлиники Ташкентского железнодорожного узла и в других лечебных учреждениях города.

Рафаил Самойлович является одним из первых организаторов охраны материнства и детства в Узбекистане. Огромен вклад профессора Гершеновича в ликвидацию таких заболеваний как рикшта, малярия, лейшманиоз. Он является автором более 240 научных работ, а его монографии «Лейшманиоз у детей», «Брюшной тиф у детей», «Болезни жарких стран у детей» и другие не утратили своего значения и по сей день.

Доктор Гершенович стоял у истоков медицинского факультета Среднеазиатского государственного университета, где проработал до конца жизни.

Член-корреспондент Парижского и Берлинского обществ педиатров, консультант Наркомздрава и Минздрава Узбекистана, главный педиатр и председатель Совета по детству при Минздраве Уз ССР, член редакционного совета журналов "Педиатрия" и "Вопросы раннего детского возраста", - вот не полный перечень регалий профессора Гершеновича, которого с полным правом можно назвать основоположником педиатрии в Средней Азии, основателем педиатрической школы в Ташкентском медицинском институте.

Р.С.Гершенович в рабочем кабинете.

Но это всё официальные сведения, а каким был этот выдающийся врач, учёный и педагог в повседневной жизни

Вспоминает внучка Рафаила Самойловича, Натали Гершенович.

“Мне шёл только десятый год, когда деда моего не стало, потому самое сильное впечатление, связанное с ним, - это его кончина. Трое суток до поздней ночи перед стоящим у нас в столовой гробом, кто-то выступал. Один сменял другого - речи произносили ученики и пациенты, молились старые узбеки, набежали православные старушки, тихо поющие что-то в уголке прихожей, нашёлся даже дядька в соломенной шляпе и что-то бормотал на непонятном языке. Потом мне объяснили, что это раввин или просто религиозный еврей.

Похоронная процессия, пешая, растянулась на полтора квартала. Оркестра не было - в семье не любили помпу.

А потом много лет подряд в дни рождения и смерти деда на Боткинском кладбище собирались его ученики, приносили венки, подолгу говорили слова почтения и восхищения. Я повторю - много лет.

Вот тогда я поняла, что наш добрейший дедик (все его только так звали) - человек незаурядный. Не потрясало, что у дома всегда стояла очередь - тогда частная практика была разрешена, а дедик не мог отказать родителям больного ребёнка. Платили только состоятельные люди, с приезжих из сёл и городов республики денег он не брал. С неимущих тоже, да и вообще этим не занимался - финансами заведовала строгая и рачительная наша бабушка, вечно ворчавшая, что дед себя круглосуточной работой губит. И ведь права была.

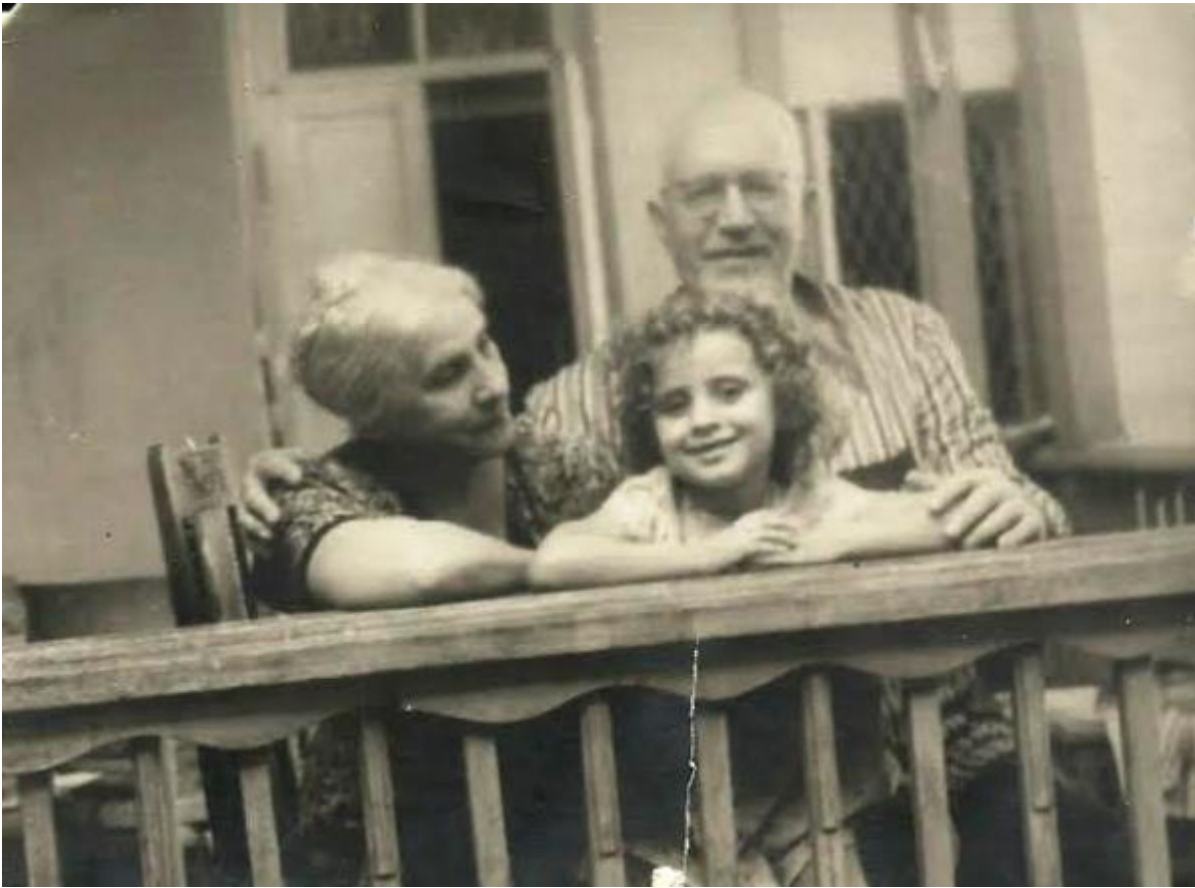
Дед считал, что с каждым пациентом, чтобы достигнуть понимания, надо говорить на его родном языке, потому все языки Центральной Азии, а также корейский, немецкий он знал в совершенстве. А о европейских языках я и не говорю - их знать надо было, чтобы общаться с западными коллегами и чтобы читать зарубежные журналы, которые и после его смерти присылали нам бесплатно.

И ещё мне запомнился дедик в те моменты, когда кто-то из внуков болел. Он всегда осматривал нас первым, ничего не говорил и если были малейшие подозрения на что-то серьёзное, всегда произносил одно и то же: "Родных лечить нельзя". Вызывал на консультацию своих учеников, обсуждал с ними что-то, закрывшись в кабинете... Боялся субъективности своего взгляда.

Он был настолько добр и отзывчив, стольким людям помогал, что многое открылось лишь после его смерти - люди приходили отдать какие-то долги, приносили какие-то дары осиротевшей семье - всё это в благодарность за добрые дела деда. Бабушка удивлялась, не хотела ничего брать, потому что даже от неё дед скрывал свою благотворительность и то, что годами материально помогал нескольким семьям.

И ещё без одной детали мои детские воспоминания будут неполными - его внешний облик. Он всегда был подтянут, в рубашке с тугим крахмальным воротничком и в галстук. Всё это было обязательным для него в любых обстоятельствах и в любую погоду. За всю жизнь у него была одна пижама (я даже расцветку её помню), которую он носил дома после очередного инфаркта. Несколько его фотографий в этой пижаме сохранились.

И вот прошло более полувека после его смерти, мы давно уехали, а за могилами нашими смотрит моя подруга. До сих пор, рассказывает она, проходя мимо наших могил, люди останавливаются, что-то тихо говорят или напрямую спрашивают её, кем она приходится деду, маме или тёте (все врачами были) и оказывается, что эти немолодые уже люди были пациентами кого-то из моих близких. Моя подруга говорит, что хоть она и не имеет кровной связи с нами, но даже у неё на душе от этих бесед становится тепло”.

Рафаил Самойлович и Дебора Григорьевна с внучкой Наташей.

А вот, что мне написал наш знаменитый земляк, кинорежиссёр Георгий Юнгвальд-Хилькевич, любезно откликнувшийся на мою просьбу.

“В далеком жарком Ташкенте, еще не остывшей от сорокоградусной жары осенью родился я. Мой отец создавал в Средней Азии оперный театр, будучи режиссером, а мама была балериной. Еще ездили двухколесные арбы, запряженные осликами. Возле базаров стояли верблюды, привезшие товары, а среди "освобожденных женщин востока" тут и там мелькали паранджи, закрывавшие все тело женщины густой сеткой из конского волоса.

Родившись, я практически сразу попал в руки потрясающего человека, гениального врача, академика буквально всех академий мира, Рафаэля Самойловича Гершеновича.

На протяжении 14 лет он лечил меня и... всю нашу семью буквально от всех болезней, хотя и был детским врачом. Страшных болезней в 30 годах прошлого века было полно.

Еще не были изобретены антибиотики и от точности диагноза и лечения зависела жизнь. Тысячи спасенных детей, опыт их спасения, накопленный Гершеновичем, сподвиг его написать уникальную книгу *ДЕТСКИЕ БОЛЕЗНИ ЖАРКИХ СТРАН*. Которая по сей день является настольной книгой азиатских врачей. Я болел часто и много, как почти все тогдашние дети из-за специфических условий жизни и жары. Однажды пригласили Рафаэль Самойловича ко мне из-за тяжелого дыхания и высокой температуры. С неизменной улыбкой и нежностью он посмотрел мне в горло, поговорил со мной, без стетоскопа, прижав ухо к моей груди послушал... Потом он положил меня лицом вниз на свои колени и начал массировать спину своими мягкими руками. Я начал ужасно кашлять и отхаркивать огромное количество мокроты. Продолжалось это минут двадцать. Положив меня в кровать и погладив по голове он сказал *"БЫЛ ГЛУБОКИЙ БРОНХИТ И СЛЕГКА ВОСПАЛИЛИСЬ ВЕРХУШКИ ЛЕГКИХ. ПУСТЬ СПИТ.*

На следующий день у меня была нормальная температура. Болезнь ушла.

Когда приходил Рафочка, как называли его мои родители, все страхи уходили и мы знали, что он нас точно вылечит.

Через много лет я заболел тяжелой болезнью. У меня начался остеомиелит правого бедра, общее заражение крови и воспаление среднего уха. В то время мой папа был VIP-персоной, депутатом, короче крупным деятелем. Рафочка был уже сам прикован к постели и поэтому папа созвал всех светил медицины. Они вертелись вокруг меня и не могли решить, что со мной и что делать. Потом пришли к выводу, - надо срочно оперировать. Так и решили. Вечером позвонил Рафочка. До него дошли слухи о моей болезни. Он долго - долго расспрашивал маму обо мне, мама что то у меня шупала, мерила температуру, смотрела в горло и что то ему говорила, говорила. Продолжалось это около часа. Вывод был удивительный.

НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ОПЕРИРОВАТЬ!!! ВЫ ЕГО ПОТЕРЯЕТЕ В МОМЕНТ НАЛОЖЕНИЯ УСЫПЛЯЮЩЕЙ МАСКИ. СКАЖИТЕ ТЕРАПЕВТАМ, ЧТОБЫ ИСКАЛИ ДВУСТОРОННЮЮ ЦЕНТРАЛЬНУЮ ПНЕВМОНИЮ. ОНА ТЯЖЕЛО ПРОСЛУШИВАЕТСЯ. И ПРИГЛАСИТЕ ХИРУРГА МАССУМОВА. Я ЕМУ ДОВЕРЯЮ. ПРАВДА ОН РАСКОНВОИРОВАННЫЙ ЗАКЛЮЧЕННЫЙ. ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

Утром пришли три терапевта, которые по очереди слушали меня, ничего не находили и переглядывались недоуменно. Пришел Массумов. Я слегка закашлялся. *КАШЛЯЙ*, - приказал хирург и подставил мне свой платок. Я стал кашлять. *ПЛЮЙ*, - опять крикнул Массумов. Я плюнул. На платке была кровь. Терапевты вытаращили глаза и опять стали слушать. Вот теперь услышали хрипы. *ДВУСТОРОННЯЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПНЕВМОНИЯ С КРОВОХАРКАНЬЕМ*. Таков был диагноз. *ЛЕЧИТЕ ЛЕГКИЕ Я ЗА НОГУ ОТВЕЧАЮ*, сказал хирург. Я остался жив и погрузился в гипсовую кровать на два года.

Мне 80 лет и пока хожу на своих двоих.

Слава великому доктору *РАФАЭЛЮ САМОЙЛОВИЧУ ГЕРШЕНОВИЧУ*.

Трудно представить, что если бы не доктор Гершеневич, возможно мы бы никогда не увидели прекрасных фильмов снятых Георгием Эмильевичем, - "Опасные гастроли", "Д'Артаньян и три мушкетёра", "Ах, водевиль, водевиль" и других.

А о гостеприимстве и хлебосольстве в доме Гершеневичей, о кулинарном волшебстве Деборы Григорьевны в Ташкенте ходили легенды. Вот семейная история, рассказанная мне Натали Гершеневич.

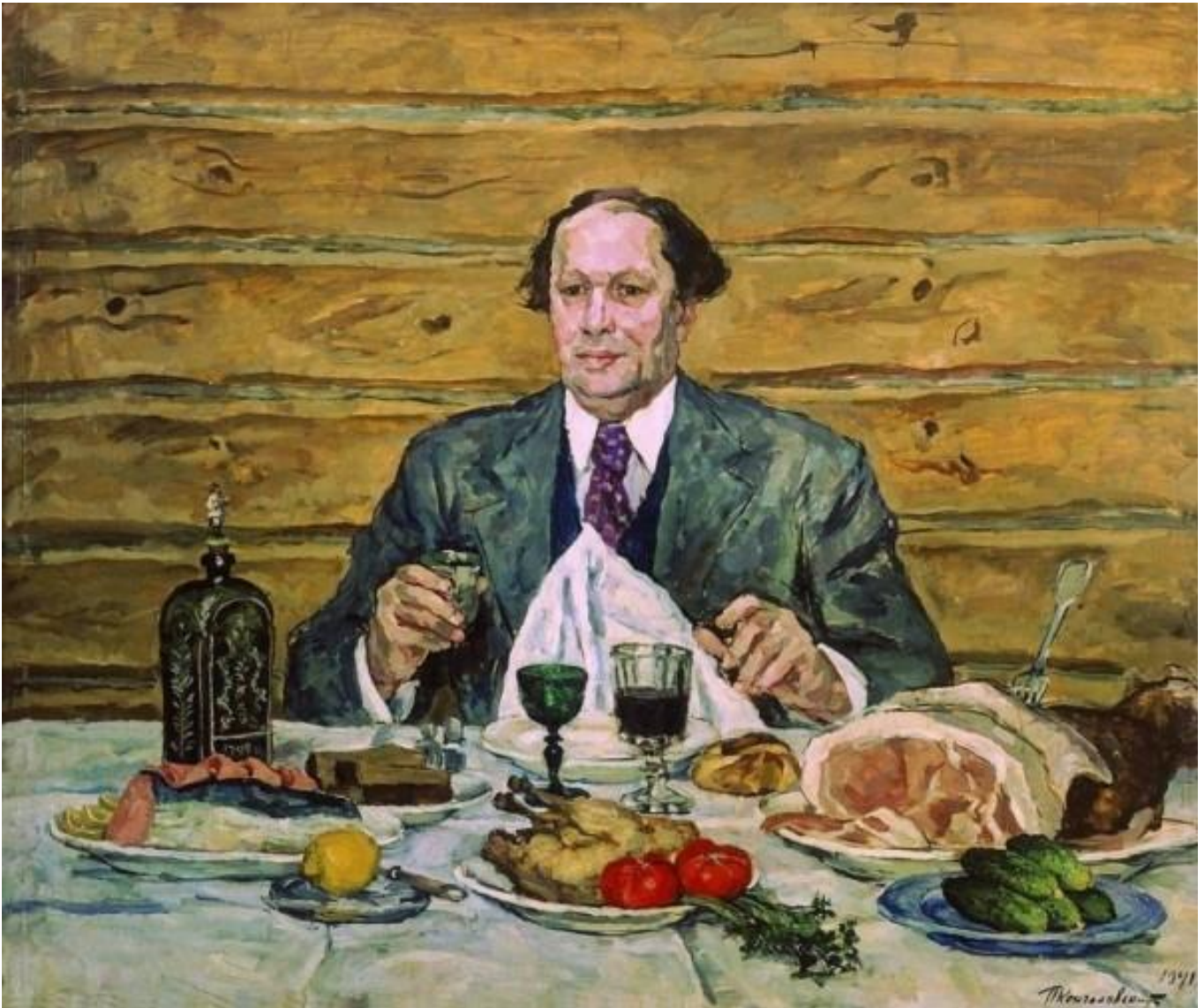
"В профессорском доме жили широко - принимали гостей по поводу и без оного - просто собирались и чаёвничали у настоящего самовара. По очереди музицировали на концертном рояле в столовой, пели, кто-то приносил флейту, на которой дед в молодости играл (он и сам иногда пробовал потрянуть стариной), скрипки...

Дед обычно сидел в уголке и тихонько ожидал своего выхода. Вдруг кто-то запевал: "Танцевала рыба с раком, а цибуля с пастернаком...", и тогда дед пускался вприсядку, а все прихлопывали в ладоши, подпевали и хохотали, видя почти двухметрового гиганта, всегда чинного и с умиротворённым взглядом, сейчас так лихо отплясывающим. Я не раз это наблюдала и тоже, как и вся семья, заливалась хохотом - дед всё это проделывал так серьёзно и с таким азартом, что смотреть на это было просто уморительно.

В войну, конечно, всё изменилось - приехало несколько семей родственников, эвакуированных из Москвы и Ленинграда, жили табором. Какие уж тут вечера...

Но как-то устроили большой, по военным меркам, приём. Не знаю, что уж там бабушка наготовила, но на десерт подала своё коронное блюдо - заварные пирожные. Делала она их такими задорными, с хохолками наверху и называла заварными петушками.

А повод был серьёзный - деда познакомили с Алексеем Толстым, жившим тогда в Ташкенте в эвакуации, кто-то шепнул ему о кулинарных талантах бабушки и гостеприимстве деда, и Алексей Николаевич напросился в гости.

Когда дошло дело до десерта, Толстой первым взял с блюда пирожное, куснул и восторженно закатил глаза. Так он уничтожил почти всё блюдо - все прочие уже боялись притронуться, чтобы знаменитому писателю хватило. Уходя, он целовал бабушке ручки и приговаривал, что ждёт приглашения на чай - уж очень ему "петушки" по душе пришлись. Всю неделю бабушка бегала по знакомым, чтобы собрать нужное количество масла, сахара и яиц для диковинного для времён войны десерта. Набрала, испекла... Дедушка всю неделю извинялся перед бабушкой за писателя-барина так, будто сам в гости напросился. Толстой опять закатывал глаза, нахваливал и всё причитал, что непременно опишет "петушков" в каком-нибудь произведении. Бабушка потом всего позднего Толстого перечитала. Не написал... Так и ворчала она потом всю жизнь, что барин прохвостом оказался, а дед её побираться заставил. Дед смущался и всегда говорил одно и то же: "Граф же... Что ему до нас, смертных".

Надо сказать, дочери Рафаила Самойловича, также выбрали медицинскую стезю. Старшая - Ирена Рафаэлевна стала врачом - педиатром, доцентом Ташкентского Института усовершенствования врачей. Младшая дочь, - Алиса Рафаэлевна, была врачом-кардиологом и проработала 30 лет в Центральной больнице №2 города Ташкента.

Владимир Фетисов. Они были первыми

На виньетке есть и групповая фотография. На ней мы видим профессора Гершеновича в окружении студентов. Рядом с Рафаилом Самойловичем человек с бородой, очевидно также преподаватель. Выяснить кто это, к сожалению, не удалось.

На этой виньette, по-видимому, выпускники двух кафедр, поскольку в центре мы видим фотографии двух заведующих. Это профессор Родион Аркадьевич Черток – руководитель кафедры акушерства и гинекологии и профессор Анатолий Иоасафович Картамышев, возглавлявший кафедру дерматологии и венерологии. Интересно, кому пришло в голову объединить эти направления медицины на одной виньette?

Родион Аркадьевич Черток родился в 1892 году. Медицинское образование получил в Киевском медицинском институте, в Киеве же начинается его трудовая деятельность в клинике профессора Писемского. После защиты диссертации на степень доктора медицины, в 1931 году, уезжает в Ташкент, где ему предлагают возглавить кафедру акушерства и гинекологии. Одновременно Родион Аркадьевич руководит ташкентской акушерско-гинекологической клиникой. В Ташкенте он проработал до 1936 года - на виньette его последний выпуск, - а затем уезжает в Воронеж, где проходит по конкурсу на должность заведующего кафедрой Воронежского медицинского института. И в Киеве, и в Ташкенте, и в Воронеже профессор Черток запомнился блестящими организаторскими способностями и высоким профессионализмом. Особое внимание уделял он педагогической

Владимир Фетисов. Они были первыми

деятельности. Его перу принадлежат более сорока научных работ, в том числе монография “Перитонизация и значение её в гинекологии”.

К сожалению, времени Родиону Аркадьевичу было отпущено очень мало. В 1938 году, в возрасте 46 лет, профессор Черток скончался от кровоизлияния в мозг.

Р.А.Черток

Доктор медицинских наук, заслуженный деятель науки Узбекской ССР, профессор Анатолий Иоасафович Картамышев родился в 1897 году в городе Ростов-на-Дону в семье ветеринарного врача. Вскоре семья переезжает в Воронеж, где пройдет детство и отрочество будущего учёного. В дальнейшем этот талантливый человек с необычным отчеством будет менять города, клиники, больницы, кафедры, словно какая-то неведомая сила внутри него не давала ему сидеть на месте. В 1915 году он оканчивает Воронежскую гимназию и уезжает в Петроград, чтобы поступить в Военно-медицинскую Академию. В 1919 году, после получения диплома, Картамышев призывается в Красную Армию в качестве военно-полевого врача. В составе 49-го полка 4-й армии участвует в советско-польской войне и после отступления попадает в Литву. В 1920 году части Красной армии, оказавшиеся в Литве, были интернированы на родину, начинается гражданская жизнь доктора Картамышева. Он работает в кожных клиниках Литвы, Чехословакии, Киева. Огромное значение имела для него работа в Пражской клинике выдающегося австрийского дерматолога Карла Крейбиха – здесь он приобрел бесценный опыт практического врача и исследователя.

Затем Картамышев уезжает на Украину, где работает в клинике Киевского медицинского института. Здесь он написал и защитил докторскую диссертацию на тему “Водно-солевой обмен при пузырчатке”.

В 1931 году мы видим Анатолия Иоасафовича уже в Ташкенте, в должности заведующего кафедрой дерматовенерологии. Восемь лет проработал он в этой должности. За это время при непосредственном участии профессора Картамышева при клинике ТашМИ была создана серологическая лаборатория, 26 марта 1932 года состоялся Первый республиканский съезд дерматовенерологов Узбекистана, 7 июня того же года создан Узбекский научно-исследовательский институт дерматологии и венерологии. В апреле 1934 года на базе клиники кожных болезней медицинского института создаётся Кожно-венерологический диспансер, директором которого становится ученик профессора Картамышева - А.А. Аковбян.

В 1939 году Анатолий Иоасафович уезжает в Башкирию, где до 1945 года возглавляет кафедру дерматовенерологии в Уфимском мединституте, а с 1945 по 1953 год работает в той же должности в Киевском медицинском институте. Закончил свою трудовую деятельность профессор Картамышев в

Владимир Фетисов. Они были первыми

Москве, где с 1953 по 1970 год – до конца своей жизни – заведовал кафедрой дерматовенерологии в Центральном институте усовершенствования врачей.

Перу выдающегося ученого, клинициста, педагога, А. И. Картамышева, принадлежит свыше 150 научных трудов, в том числе более 20 монографий и 2 учебника (для высшей и средней школ).

Кроме того Анатолия Иоасафовича можно назвать одним из первых учёных –косметологов Советского Союза. Есть у него работы и в этой области.

Тысячи врачей повышали свою квалификацию, слушая лекции профессора Картамышева. По свидетельству современников, лектор он был выдающийся. На его лекциях аудитория была забита битком; слушатели сидели на ступеньках и даже на подоконниках.

Анатолий Иоасафович в совершенстве владел французским, немецким, испанским, итальянским, украинским и литовским языками. В то же время, по воспоминаниям очевидцев, он был исключительно скромн, чуток и внимателен к коллегам, прост и мягок в обращении с больными.

А.И. Картамышев

О студентах, запечатлённых на этой виньетке. Нашёл сведения о двух.

Домбровский Б.Р. после окончания института успешно трудился в Узбекском научно-исследовательском кожно-венерологическом институте, ныне Центр дерматологии и венерологии.

Владимир Фетисов. Они были первыми

Благодаря киргизскому журналисту Камиллю Токторову, из информационного агентства «Кабар», узнал про удивительную судьбу Аттокура Шерова, выпускника ТашМИ 1936 года.

А.И. Шеров

Родился Аттокур Ишатович Шеров в 1913 году в селе Кочкор-Ата Ферганского уезда в семье батрака. После смерти родителей воспитывается в детском доме города Ташкента, затем в интернате. В 1931 году поступает в Ташкентский медицинский институт и в 1936 году оканчивает его, - получив специальность - “врач-лечебник”.

Возвратясь в Кыргызстан, Аттокур с 1936 по 1937 годы работает главным врачом Джумгальской районной больницы. Здесь он встретился со своей будущей женой Валентиной Сергеевной Днепровской, которая была единственным фельдшером-акушеркой района. В 1937 году Шеров назначается главным врачом Кеминской районной больницы и амбулатории в селе Бурулдай.

В 1939 году в городе Фрунзе открылся Киргизский Государственный медицинский институт, и в июле того же года Шеров был принят ассистентом на кафедру нормальной анатомии, которую возглавлял профессор И.Г.Мардерштейн. Тот самый Мардерштейн, о котором я немного рассказал в третьей части.

И.Г. Мардерштейн

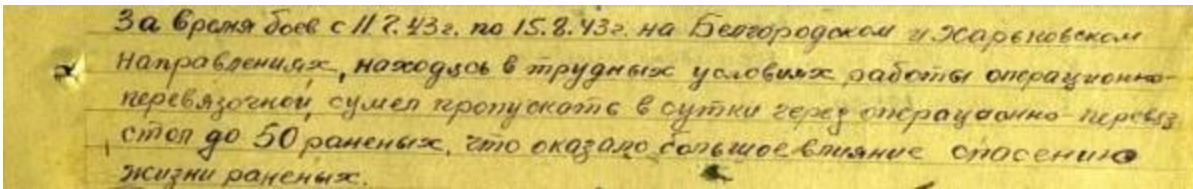
Так учитель и ученик встретились вновь. Когда началась война, 28 летний Аттокур, посчитав, что имеет достаточный опыт для оказания помощи раненым бойцам Советской Армии, в декабре 1941

Владимир Фетисов. Они были первыми

года добровольцем уходит на фронт. Долгие пять лет, до февраля 1946 года, продолжался фронтовой путь доктора Шерова. Эти пять лет вместили в себя многое: - кровь, холод, людское горе, дни и ночи за операционным столом.

Блестящие знания, полученные в Ташкенте, а также опыт работы сельского врача, помогли молодому хирургу. В рядах своей дивизии он прошёл путь от Подмосковья через Румынию, Польшу, Чехословакию, Австрию и встретил Победу в Берлине. За ратный труд Аткокур Шеров награждён: “Орденом Красной звезды”, медалями “За боевые заслуги”, “За освобождение Праги”, “За победу над Германией”.

Вот выписка из наградного листа гвардии капитана медслужбы Шерова.

За время боев с 11.8.43г. по 15.8.43г. на Белгородском и Жаренковском направлениях, находясь в трудных условиях работы оперативно-перевозочной, сумел пропустить в сутки через операционно-перевозочный стол до 50 раненых, что оказало большое влияние спасению жизни раненых.

А закончил войну Аткокур Шеров в звании гвардии майора медицинской службы.

После возвращения с фронта Аткокур вновь стал работать ассистентом на кафедре нормальной анатомии КГМИ.

23 декабря 1946 года доктор Шеров, под руководством профессора Марденштерна, успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата медицинских наук по теме: “Артерии шеи”, а 4 октября 1947 года решением Высшей Аттестационной Комиссии при министерстве высшего образования СССР он утверждается в ученом звании доцента по кафедре нормальной анатомии. В 1948 году доцент Шеров назначается помощником декана, а затем и деканом лечебного факультета. Врачи, учившиеся в те годы, вспоминают его как умного, справедливого, болеющего душой за судьбы студентов педагога. Многим студентам он помогал не только осваивать медицинские знания, но и поддерживал их материально. В семье Аткокура Ишатовича всегда жили 2 – 3 студента из сельских районов республики, видимо, это он перенял у своего институтского учителя профессора Шляхтина.

В феврале 1953 года приказом ректора КГМИ доцент Шеров назначается сначала исполняющим обязанности, а в 1955 году заведующим кафедрой нормальной анатомии.

Но война подкосила его здоровье, в 46-летнем возрасте он становится инвалидом I группы и с любимой работой приходится расстаться. 13 лет он находился в тяжелейшем состоянии после перенесенной мозговой комы. Умер доктор Шеров в возрасте 59 лет в 1972 году. Современники, знавшие А.И.Шерова, вспоминают о нём как о прекрасном, чрезвычайно скромном человеке, высокопрофессиональном специалисте.

По стопам Аткокура Ишатовича пошли его дети и внуки. Семь человек из семьи Шерова стали врачами, и он был бы счастлив узнав, что его потомки-врачи трудятся в Кыргызстане, России и Норвегии.

Доцент А.И. Шеров

Владимир Фетисов. Они были первыми

В центре следующей виньетки два выдающихся деятеля медицины.

В военной форме, с двумя “кубарями” в петлицах, что соответствует званию военврача второго ранга, заслуженный деятель науки Узбекской ССР, профессор, Василий Павлович Петров. Родился Василий Павлович пятого марта 1894 года. Закончив Военно-медицинскую академию в Петрограде практически всю жизнь, более тридцати лет, посвятил службе в армии. Во время Первой мировой войны работал в Юрьевском эвакогоспитале, который в 1918 году вошел в состав Красной Армии.

Младший врач полка, заведующий отделением ташкентского военного госпиталя, главный терапевт Среднеазиатского - впоследствии Туркестанского – военного округа. Вот основные этапы военной карьеры профессора Петрова. Свою военную деятельность инфекционист В.П. Петров совмещал с преподаванием и наукой. Им разработаны и изучены эпидемиология, клиника, диагностика и лечение бруцеллёза, брюшного тифа, гриппа, а также лейшманиоза, проказы, анаэробной инфекции. Большое внимание

Владимир Фетисов. Они были первыми

профессор Петров уделял учебному процессу. Главным в педагогической работе со студентами он считал, прежде всего, образцово организованную лечебную работу в клиниках, что, думаю, не утратило своей актуальности и по сегодняшний день. Служба Петрова в Ташкенте продолжается до 1939 года, а затем он уезжает в Куйбышев, где занимает должность заведующего кафедрой инфекционных болезней в только что организованной Куйбышевской Военно-медицинской академии.

Однако в 1942 году Петров вновь возвращается в Ташкент и занимается организацией эвакогоспиталей в республике в должности главного терапевта Туркестанского военного округа.

За эту деятельность полковник Петров отмечен правительственными наградами, в том числе орденами Боевого Красного знамени и Красной звезды.

В Ташкенте профессор Петров служит до 1946 года, а затем возвращается в Куйбышев, где возглавляет кафедру инфекционных болезней в медицинском институте. На этом посту он прослужит до 1964 года.

Здесь, в Куйбышеве (ныне Самара), Петровым была проведена огромная работа по ликвидации в регионе сыпного тифа, по его инициативе был создан Центр по изучению вирусных гепатитов. Многочисленные ученики Василия Павловича, кандидаты и доктора наук впоследствии возглавляли кафедры во многих городах Советского Союза.

Ушёл из жизни Василий Павлович Петров 22 августа 1965 года.

В.П. Петров

Сергей Андреевич Молчанов, также профессор и заслуженный деятель науки Узбекской ССР, является одним из пионеров рентгенологии нашей республики. Правда, первый рентгеновский аппарат появился в Ташкенте ещё в начале двадцатого века. Его привёз и установил в своём частном кабинете, Соломон Ильич Слоним, младший брат Моисея

Владимир Фетисов. Они были первыми

Ильича Слонима, о котором рассказывалось в третьей части. Надо сказать из этого частного кабинета и национализированной клиники братьев Слонимов в дальнейшем вырос институт физиотерапии имени Семашко, первым директором которого был как раз Соломон Ильич Слоним.

Первый рентгенолог Туркестана, С.И. Слоним

Но вернёмся к профессору Молчанову. Сергей Андреевич родился 25 августа 1886 года. В 1911 году оканчивает медицинский факультет Казанского университета. В 1920 году, в составе первых специалистов-медиков, ассистент С.А. Молчанов приезжает в Ташкент и в 1921 году возглавляет основанную им же кафедру рентгенологии медицинского факультета Туркестанского государственного университета. В 1937 году при непосредственном участии Сергея Андреевича было создано Республиканское общество рентгенологов и радиологов, которое профессор Молчанов возглавлял до 1960 года. Перу Молчанова принадлежат более 60 научных работ по рентгенологии и краевой патологии. С 1944 по 1962 год профессор Молчанов главный рентгенолог Минздрава Республики. Сергей Андреевич всегда находился на переднем крае науки. Он одним из первых применил томографию в рентген клинике.

Ушёл из жизни профессор Молчанов 18 августа 1968 года.

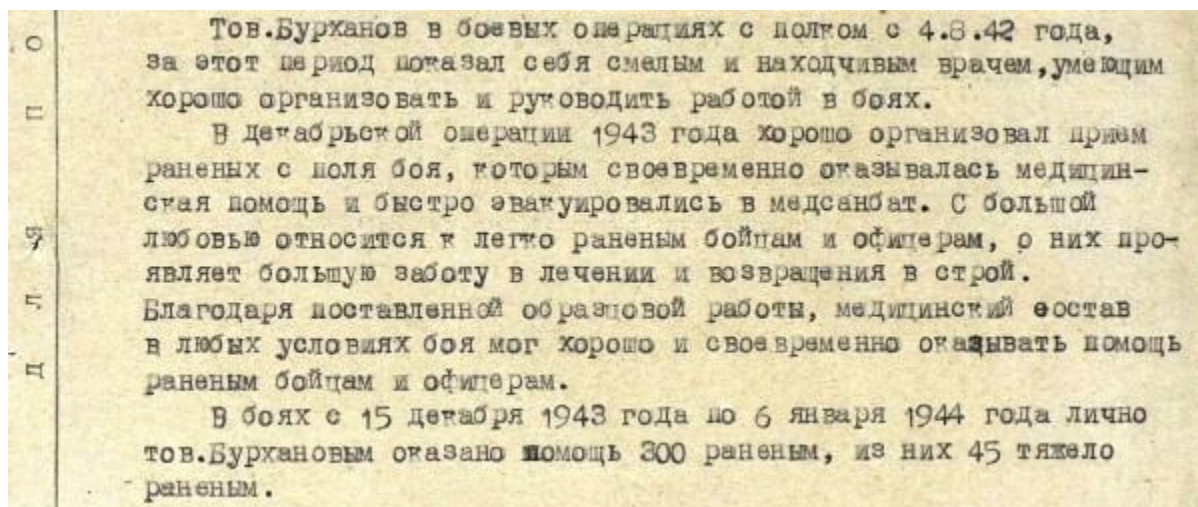
С.А. Молчанов

Слева от профессора Петрова, фотография выпускника Бурханова. К сожалению, без инициалов.

Скорее всего, это Бурханов Агзам, сведения о котором я нашёл на информационном ресурсе Министерства обороны Российской Федерации. Агзам Бурханов родился в Ташкенте в 1916 году. 13 ноября 1941 года Октябрьским райвоенкоматом города Ташкента Бурханов призывается в Красную армию и отправляется на фронт в качестве военврача. По всей видимости, обязанности фронтового медика гвардии капитан медицинской службы Агзам Бурханов исполнял профессионально и мужественно, поскольку за ратный труд награждён орденом “Красной звезды” - вручаемый, как известно за личное мужество - орденом “Отечественной войны” и медалью “За боевые заслуги”.

Бурханов.

Страница из наградного листа капитана Бурханова.

Пройдя боевой путь от Ярославля до Кенигсберга, в 1946 году Агзам Бурханов возвращается в Ташкент. Далее его следы теряются. Думаю, что и в мирное время, в больнице или поликлинике, доктор Бурханов продолжал трудиться на благо людей, оказывая высокопрофессиональную медицинскую помощь.

Очень мало сведений нашёл о выпускнице Мушенковой Н.Ф – она предпоследняя в нижнем ряду. В 1951 году защитила диссертацию на тему “Рентгеновская картина тонкого кишечника при язвенной болезни” в Среднеазиатском институте усовершенствования врачей. По-видимому, там она и работала.

И список остальных студентов, изображённых на этой виньетке, о которых пока никаких сведений не имею: Рачковская Е.М., Шарифходжаев А., Ишанханов (инициалов нет), Аннамуратов К., Мещерина Е.Е., Мирханов А.М., Амитин – Шапиро М.Л. (он представлен вторично), Куракина (инициалов нет), Люткевич В.М., Пятницкая М. А., Ибрагимова К.Т., Усманов И.К., Капустина Е.И., Вишняков В.И., Гайдаров А., Щепкина А.И., Семёнова З., Козеряд Д.Я.

Есть на виньетке и групповая фотография.

Владимир Фетисов. Они были первыми

На ней, по-видимому, запечатлён момент обхода больных проводимый профессором Моисеем Ильичом Слонимом вместе со студентами.

Об Алексее Васильевиче Георгиевском и Николае Ивановиче Рагозе, чьи фотографии находятся в центре следующей виньетки, я уже рассказывал. Что же касается выпускников, представленных здесь, то, безусловно, особого внимания заслуживает Якин Холматович Туракулов - впоследствии выдающийся учёный, академик, лауреат Ленинской премии.

Якин Туракулов появился на свет в 1917 году – впоследствии он прибавит себе один год, чтобы поступить в университет - в небольшом городке Мерке, который ныне находится на территории Казахстана. Родился он в семье потомственного муллы Холмухамеда Туракули и при рождении получил имя Абдулазиз. Семья была высокообразованная, и в

шестилетнем возрасте Абдулазиз пошёл в местную школу, где математику преподавал его дядя Абдулкаюм, а физику другой дядя - Абдумалик.

Ещё один дядя – Абдуманнон, был известным журналистом, писателем и переводчиком, творившим под псевдонимом Маннон Ройик. Однажды приехав из Ташкента, чтобы навестить родственников, он обратил внимание на смышлёного племянника и предложил забрать его в Ташкент, чтобы мальчик продолжил своё обучение в столице.

Так, в 1925 году, Абдулазиз попадает в Ташкент и поступает в школу-коммуны имени Карла Либкнехта.

Это экспериментальное учебное заведение было открыто в 1918 году, и во главе его встал Всеволод Федорович Лубенцов. Жизнь и деятельность этого выдающегося педагога и учёного требует отдельного повествования, мы же не будем отклоняться от истории нашего героя.

Учёба в школе-коммуны многое дало Абдулазизу. Здесь он научится играть на скрипке, слагать стихи, пробует себя в журналистике. К сожалению, через три года он был вынужден уйти из школы. Кто-то из детей узнал о его происхождении и “сына муллы” стали травить. Мальчик возвращается в Мерке, а затем уезжает в Наманган - к другому своему дяде - и там завершает своё школьное образование.

В 1931 году, как раз к окончанию школы, в Наманган приезжает представитель Среднеазиатского медицинского института профессор Манулкин (о нём я упоминал в цикле очерков “Дом на набережной” <http://nuz.uz/moi-uzbekistancy/5259-tashkentskiy-dom-na-naberezhnoy-chast-4.html>) и стал агитировать выпускников школ поехать в Ташкент и учиться на врачей. И Абдулазиз, прибавив себе год, уезжает в Ташкент и становится студентом САМИ.

Здесь самый юный слушатель курса своей любознательностью и активностью обращает на себя внимание заведующего кафедрой химии Саттара Джаббара. Этот молодой учёный, выпускник Гейдельбергского университета, очевидно, разглядел в юноше незаурядный талант, привлек его к работе на кафедре и на всю жизнь привил любовь к химии. Именно Джаббар дал Абдулазизу новое имя Ялкин, что значит “факел”.

В 1937 году Саттар Джаббар был арестован по обвинению в национализме и расстрелян. Ялкин Туракулов всю жизнь хранил благодарную память о своём учителе.

Я.Х. Туракулов

Владимир Фетисов. Они были первыми

После окончания института Ялкин назначается редактором и заведующим медицинским отделом Узбекского Государственного Издательства. Одновременно он работает ассистентом на кафедре биохимии ТашМИ, ведя там курс химии и биохимии. А ещё заочно учится в Институте иностранных языков, справедливо считая знание языков необходимым элементом научной деятельности.

В 1939 году на базе Ташкентского медицинского института был создан Фармацевтический институт и 22-х летний Ялкин Холматович Туракулов становится его первым директором.

В этой должности он проработал до июня 1941 года - до начала Великой Отечественной войны.

Эти два предвоенных года вместили в себя не только руководство институтом. Ялкин Туракулов поступает на заочное отделение Московского Института Философии, Литературы и Истории. Во время сессий он ездит сдавать экзамены в Москву, и, получая в столице новые знания, щедро делится ими на родине. Он читает студентам лекции по философии, и конечно не оставляет научную деятельность: под руководством заведующего кафедрой биохимии ТашМИ Александра Семёновича Волинского молодой учёный пишет кандидатскую диссертацию.

Через два дня после начала войны, Ялкина Холматовича вызвали в ЦК Республики и предложили должность заместителя министра здравоохранения. Туракулов отказался. “Моё место на фронте” – был его ответ.

Так начался военный период в жизни учёного.

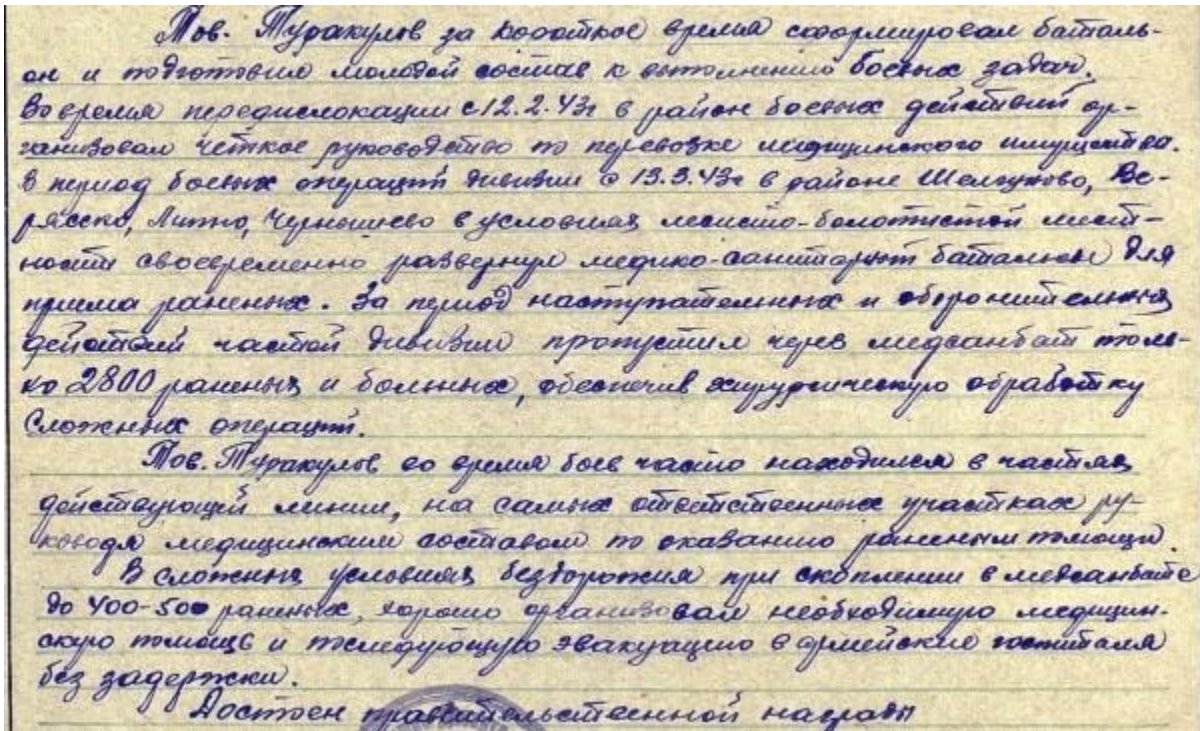

Военврач Я.Х.Туракулов

29 августа 1941 года вынося раненых с поля боя, военврач Туракулов получил ранение (разрывная пуля угодила в ногу) и был отправлен в подмосковный госпиталь. После

Владимир Фетисов. Они были первыми

выписки Ялкин Холматович назначается начальником санитарной службы 137-й отдельной стрелковой бригады. В этой должности он принимает участие в боях на Волховском фронте с февраля по май 1942 года. За отличную организацию медицинской службы Ялкин Туракулов в 1943 году был награжден Орденом Красной Звезды, а впоследствии Орденами Отечественной войны I и II степени.

Наградной лист майора Туракулова

В июне 1942 года он был отправлен в город Куйбышев на курсы подготовки начальников санслужбы и оттуда в военно-десантную часть, где назначается вначале старшим врачом полка, а затем командиром медико-санитарного батальона в звании майора медицинской службы. Осенью 1943 года, в результате разрыва мины, майор Туракулов получает тяжелое ранение и после длительного лечения в 1944 году демобилизуется из армии и возвращается в Ташкент, где вновь возглавляет Фармацевтический институт - уже в должности ректора.

В 1945 году Ялкин Туракулов отправляется в Москву в составе большой группы молодых учёных и поступает в докторантуру Института биологической и медицинской химии Академии медицинских наук СССР. Здесь, под руководством академика Якова Оскаровича Парнаса он пишет докторскую диссертацию. Однако закончить её тогда ему не удалось, в 1947 году его отзывают на родину и назначают директором Ташкентского Медицинского института.

Руководство республики видит в достаточно молодом, энергичном, как сказали бы сейчас креативном руководителе и учёном, человека способного решить самые сложные проблемы и бросает его на трудные участки. В 1950 году Туракулов назначается руководителем Института сельского хозяйства, который позже был преобразован в Институт физиологии и биохимии животных и растений Академии Наук Узбекистана. В

1955 году Ялкин Холматович вновь уезжает в Москву, чтобы завершить работу над докторской диссертацией, и вновь его вызывают обратно и назначают ректором, только что созданного медицинского института в Андижане.

В 1957 году руководством страны было принято решение об организации в Ташкенте Института ядерной физики. По предложению академика Курчатова в институте создаётся лаборатория радиационной биофизики. Первым её заведующим становится Ялкин Холматович Туракулов, проработавший затем на этой должности многие годы с небольшим перерывом в 1959 году - для завершения и защиты докторской диссертации. Тема диссертации - «Обмен йода и гормоны щитовидной железы при некоторых формах тиреоидной патологии». Работа эта заложила основы узбекской школы тиреоидологии (диагностика, профилактика и лечение щитовидной железы).

Ялкин Холматович принимает активное участие и в организации Института краевой медицины, где он был первым его директором и заведующим лабораторией биохимии.

В 1961 году Я.Х. Туракулов избирается Председателем Узбекистанского Биохимического общества. В этом же году принимает участие в Международном Конгрессе Эндокринологов в Копенгагене.

В 1963 году на биологическом факультете Ташкентского Государственного Университета при непосредственном участии Ялкина Холматовича была открыта новая кафедра биохимии и биофизики, и он становится её первым заведующим.

В 1964 году двум узбекским ученым Я.Х. Туракулову и Р.К. Исламбекову была присуждена Ленинская премия «за биохимическое и клинико-морфологическое исследования щитовидной железы».

Перу Ялкина Холматовича Туракулова принадлежит более 120 научных, научно-популярных и публицистических работ, под его редакцией вышло около 50 монографий и учебников.

В 1969 году профессор Туракулов избирается вице-президентом Всесоюзного Биохимического общества и вновь переизбирается на эту должность в 1974 году на III Всесоюзном биохимическом съезде в Риге.

В 1970 году Туракулов назначается Ректором Самаркандского Государственного Университета, где проработает два года.

На Втором Всесоюзном съезде эндокринологов в Москве (в октябре 1972 года) его избирают членом Президиума и вице-президентом Всесоюзного Эндокринологического общества, а в Ташкенте в этом же году - Академиком-секретарем Отделения биологических наук Президиума АН Узбекистана.

Последним детищем академика Туракулова стала Лаборатория нейроэндокринологии, организованная в 1996 году в Институте эндокринологии.

В 2002 Академия наук Республики Узбекистана присуждает Ялкину Холматовичу Туракулову высшую награду Академии Наук Республики Узбекистан – медаль имени Ал-Хорезми.

1 марта 2005 года Ялкин Холматович Туракулов скончался дома в окружении детей и внуков.

Академик Я.Х. Туракулов

Более подробно о жизни и научной деятельности выдающегося учёного с мировым именем, заслуженного деятеля науки Узбекистана, академика Ялкина Холматовича Туракулова, можно прочесть в книге “Мой отец Ялкин Туракулов”, написанной его дочерью Ферузой Гулямовой. Книга вышла в ташкентском издательстве “Фан” в 2007 году. К сожалению, есть в этой книге неточности, непосредственно касающиеся темы моего цикла очерков, поэтому считаю необходимым кое-что уточнить.

“Наступил день окончания Института. Из 65 человек, поступивших в Институт, в 1936 году его закончили только пятеро” – пишет Феруза Ялкиновна. Это, конечно же, не так. В альбоме, о котором я рассказываю, фотографии 176 выпускников.

Далее в книге перечисляются те четверо выпускников, которые, по мнению автора, вместе с Туракуловым окончили институт в 1936 году.

Привожу фрагмент из книги:

“Атаханов Эргаш Исабаевич, которого отец знал еще в Намангане. Он был близким другом отца всю жизнь, впоследствии стал видным ученым и медиком-терапевтом, профессором, несколько лет возглавлявшим Институт гематологии и переливания крови, впервые открывшим в клиническом учреждении кафедру биофизики.

Магруппов Асадулла Икрамович – первый узбек-патологоанатом, возглавивший впоследствии кафедру патанатомии Самаркандского Медицинского Института. Его с отцом также связывала нежная дружба.

Нишанов - приехал из Киргизии, после окончания Института уехал обратно, работал в курортном управлении Киргизии, в зрелом возрасте были приятные встречи на конференциях во Фрунзе, во время поездок на Иссык-Куль.

Шамсиев Сайфи Шамсиевич, тоже родом из Намангана, ставший в последующие годы известным педиатром в Узбекистане”.

О трёх перечисленных Гулямовой выпускниках 1936 года я уже рассказал в предыдущих частях, а вот фотографии Магруппова я в альбоме не нашёл. Загадка?

Владимир Фетисов. Они были первыми

К счастью я знаком с сыном Асадуллы Икрамовича, профессором Ташми Баходиром Асадуллаевичем Магрупповым - мы когда-то учились в одной школе. Он рассказал мне, что Асадулла Икрамович Магруппов окончил институт в 1935 году. Так эта загадка разрешилась.

И вот мы добрались до последней страницы альбома.

В центре завершающей альбом виньетки фотографии двух профессоров: доктор Астров (невольно вспоминается чеховский герой из пьесы “Дядя Ваня”) и доктор Боржим. Михаил Сергеевич Астров (даже имя как у чеховского персонажа!) родился в 1882 году. Окончил в 1910 году медицинский факультет Московского университета. В 1919 году мы видим доктора Астрова уже в Ташкенте, где он работает на кафедре факультетской хирургии медицинского факультета Туркестанского университета, занимаясь вопросами травматологии и ортопедии. Стоит упомянуть, что еще в 1926 году в учебный план медицинского факультета был введен факультативный доцентский курс травматологии и ортопедии с костным туберкулезом – его читал Михаил Сергеевич.

Менялось название учебного заведения – медицинский факультет СаГУ, ТашМИ имени Молотова, ТашГосМИ, а доктор Астров продолжал работать всё на той же кафедре факультетской хирургии. В 1932 году Михаил Сергеевич стал её заведующим и проработал в этой должности вплоть до своей кончины в 1957 году.

Перу доктора медицинских наук, заслуженного деятеля науки Узбекской ССР, Михаила Сергеевича Астрова принадлежит более 70 научных работ, посвященных изучению эндемического зоба, огнестрельных ран черепа, анаэробной инфекции ран, остеомиелита, проникающих ранений грудной клетки, разработки лечебно-эвакуационных принципов военно-полевой хирургии.

Работая над очерком “Дети Бату”, я уже встречал имя профессора Астрова (<http://mytashkent.uz/2015/01/21/deti-batu-sudby-tashkentsev/>), - о нём упоминает Эрки Ходиев в письме к матери:

“Работаю я в хирургическом отделении. Сначала был санитаром. Медбратом и наркотизатором, место приложения моих медицинских знаний – 2-я хирургическая клиника ТашМИ. Здесь профессора Тагиров и Астров сделали из меня наркотизатора. Казалось бы, что это за работа! Какой низкий пост! Но, мамочка, никто не понимал, что для меня четыре года на этой должности очень важны, потому что от меня, студента Эрки, зависел исход операций, я чувствовал себя маленьким, но важным звеном в большом коллективе оперирующих. Я ходил с гордостью по палатам, чувствуя, что в них лежат люди, жизнь которых была в моих руках”.

Эрки Махмудович Ходиев стал впоследствии выдающимся хирургом. А скольким ещё юношам и девушкам дал путёвку в благородную профессию хирурга доктор с чеховской фамилией Михаил Сергеевич Астров!

М.С. Астров

Второй профессор на виньете - Сергей Григорьевич Боржим, оториноларинголог.

Надо сказать, в конце девятнадцатого - начале двадцатого века в Туркестанском крае специализированной помощи лорингологов для населения практически не было.

На огромной территории, где сейчас располагаются Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Казахстан и Киргизия, было всего 3-4 врача по заболеваниям уха, горла и носа и ни одной клиники или больницы. Только в 1920 году были открыты кафедра и лор-клиника при Туркестанском университете. Первоначально они разместились в отделении военного госпиталя, но уже в 1922 году перешли на территорию больницы имени Полторацкого - туда, где были расположены все клиники Среднеазиатского университета. К концу 1932 года в Узбекистане был уже 31 лор-специалист. Среди них трудился и доктор Сергей Григорьевич Боржим.

Родился он в 1876 году. В 1900 году окончил Императорскую Военно-медицинскую академию в Петербурге. Там же через одиннадцать лет защитил диссертацию на степень доктора медицины по теме "Материалы по изучению озены" (озеной называют весьма сложное заболевание слизистой оболочки носа). Какое-то время профессор работает на кафедре оториноларингологии Одесского медицинского института, а затем уезжает в Ташкент. С 1930 по 1937 год Сергей Григорьевич заведует кафедрой в ТашМИ и длительное время возглавляет научное общество оториноларингологов Ташкента. Смело внедряя в практику новые методы хирургического лечения и диагностики лор-заболеваний, он описал их в 24 научных работах.

Дата смерти профессора Боржима не ясна, информация о его кончине в источниках различна. В Альманaxe ТашГосМи (1920 - 1980) даты жизни Боржима обозначены как 1876 - 1937. В библиотечной карточке на учебное пособие для студентов "Краткий курс носовых, горловых и ушных болезней" дата смерти Сергея Григорьевича обозначена 1943 годом.

36-5	Боржим, Сергей Григорьевич, 1876-1943
547	Краткий курс носовых, горловых, гортанных и ушных болезней. Пособие для студентов.
	Ташкент, Гос. изд. УзССР, 1936
	158, 11 стр., с илл. 25 см.
	Перед загл. проф. С. Г. Боржим.
17-9	

В книге К.А.Ходжаевой и А.Г.Воробьевой "Практическая отоларингология" написано, что профессор Боржим руководил кафедрой до 1939 года, затем его сменил профессор В.П. Чекурин.

Владимир Фетисов. Они были первыми

Ещё большую путаницу в хронологию внёс Георгий Аронович Фейгин. В своей книге “Портрет отоларинголога”, он пишет: “К сожалению, С.Ф. Штейн проработал на этом посту (заведующего кафедрой, прим. В.Ф.) всего 4 месяца. Заболел амебной дизентерией и вскоре умер (это случилось в 1921 году, прим. В.Ф.). После него кафедрой руководили профессора Каплан, покончивший жизнь самоубийством вследствие преследований по политическим, надуманным мотивам, а затем Боржим, после отъезда которого, кафедру возглавил С.И. Шумский”.

Здесь есть неточности. Во-первых, после гибели профессора С.Ф. Каплана, с 1927 по 1930 год обязанности заведующего кафедрой исполнял И.М. Розенфельд и только после него заведующим кафедрой становится профессор С.Г. Боржим.

Во-вторых, С.И. Шумский возглавил кафедру в 1945 году, до него в должности заведующего был Чекурин. Уехал Боржим или скончался в Ташкенте – неясно. Совершенно ясно другое – большой вклад героя труда, профессора Сергея Григорьевича Боржима в становление оториноларингологии в Узбекистане бесспорен.

С.Г. Боржим

Если говорить о студентах, чьи фотографии представлены на последней виньетке, имеются сведения лишь о Рахманкулове Н. В Республиканской клинической больнице города Фрунзе (Киргизия) работал хирург высшей категории Рахманкулов Николай Николаевич (Нурали), впоследствии возглавивший отделение общей хирургии и проработавший в этой должности до 1970 года. Хочется верить, что речь идёт о выпускнике ТашМИ 1936 года.

Вместо послесловия.

Итак, мы перевернули последнюю страницу старого альбома. Время, что я провёл, изучая судьбы замечательных людей, основоположников здравоохранения Узбекистана, подарило мне ни с чем несравнимое чувство восторга перед силой человеческого духа и мысли в преодолении разного рода испытаний на пути служения благороднейшему делу исцеления людей. А ещё абсолютно твёрдое убеждение, что в 20-30-е годы прошлого века в Ташкенте был сосредоточен цвет отечественной медицины.

ТашМИ, 1936 год

В заключение хочу выразить благодарность людям, без которых этого пространного очерка, скорей всего, не было бы: Александру Борисовичу Суслову, сохранившему и предоставившему мне для работы этот бесценный альбом; Татьяне Александровне Вавиловой, Баходиру Асадуллаевичу Магруппову, Натали Марковне Гершенович, Георгию Эмильевичу Юнгвальд-Хилькевичу, которые поделились своими воспоминаниями.

Основные источники, кроме упомянутых в тексте:

Альманах ТашГОСМИ (1920 - 1980);

Макс Вексельман. “Школа профессора Гершеновича”, газета “Время новостей” (Израиль), 18 июня 2015 г.;

“Подвиг народа”, информационный сайт Минобороны РФ;

Электронный каталог ГУ “Республиканская научная медицинская библиотека”, <http://mednet.by/>

Дети Бату

Скажите, давно ли вы видели фильм или сериал о настоящей человеческой драме? Такой, чтобы щемило сердце. Да ещё если это всё основано на реальных событиях.

Я так даже и не припомню. Во всяком случае, в отечественном кино.

А ведь если присмотреться к живущим рядом с вами людям, да копнуть хотя бы верхний слой времени, откроются такие житейские драмы, что хочется воскликнуть, - где вы, наши спиллберги и риддли скотты, вот же, вот - берите, снимайте.

С такой необыкновенной историей мне и посчастливилось недавно соприкоснуться.

Когда-то, а точнее в ноябре 2012 года, в “Письмах о Ташкенте” был опубликован мой очерк, - “Улицы моего детства”.

Встречен он был довольно благосклонно, о чём свидетельствовали комментарии читателей.

Но, как это всегда бывает, с течением времени комментарии иссякли и интерес к очерку увял.

Вдруг, совершенно неожиданно, спустя два года появляются сразу два комментария.

Один, правда, чисто технический. Никита Агеев поинтересовался, не сохранились ли у меня старые фотографии 2-х этажного дома на моей улице, кроме той, что была в том очерке.

К, сожалению, помочь я ему не смог, поскольку та фотография была единственной.

А вот второй комментарий заставил задуматься. Некто Усман, интересовался, - был ли шрам на лбу у Мунавара Ходжаевны.

В моём детстве были две Мунавара. Первая - старшая сестра моего друга детства, одноклассника и однодворника – Адыла Юсупова, но она Каримовна. Да и в очерке я о ней не упоминал.

Вторая, Муновар - Ахмеджановна, а не Ходжаевна – Енилеева, учительница узбекского языка по учебнику которой мы учились.

Проведя некоторые раскопки в своей памяти, припомнил, действительно был у неё небольшой шрам на лбу, о котором она нам ничего не рассказывала, хотя любила поделиться интересными эпизодами своей жизни.

Решив, что именно эту Муновар имел в виду Усман, я страшно заинтересовался историей появления этого ранения, вступил в переписку с автором комментария, стал искать в сети, и вот что в результате узнал.

Место действия – Ташкент. Время действия – 30-е годы прошлого века. Время, выраженное ахматовскими строками:

Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами “черных марусь”.

В 1938 году в Москве проходил процесс по делу так называемого “правотроцкистского блока”, в котором в качестве обвиняемых были и представители партийной верхушки нашей республики, - Акмаль Икрамов, Файзулла Ходжаев и Дмитрий Манжара.

Дмитрий Иванович Манжара, жил на улице Топографической, маленькой улочке, между Жуковской и Гоголя, где жил мой отец и где, впоследствии, буду проживать и я.

За Дмитрием Ивановичем, пришли летом 1937 года и, вопреки чекистской традиции, пришли утром. Сцену ареста первого заместителя Председателя Верховного совета Узбекской ССР, описал в очерке Ефрема Рябова “Улица родная”, напечатанного в 1990 году “Учительской газетой”, - Сергей Владимирович Спиридонов.

Подъехал чёрный ЗИС-5, та самая “чёрная маруся”, начался шмон, из окон полетели пух и перья из разодранных подушек и перин. Через некоторое время вывели самого Манжару.

Многочисленные соседи, привлечённые этим зловещим зрелищем и столпившиеся на улице у ворот дома, где проживал Дмитрий Иванович, сначала не узнали его.

И так невысокий, он как будто стал ещё меньше. Украинская рубашка, вышиванка, которую он всегда носил, была разорвана и испачкана кровью, пышные украинские усы поникли на враз почерневшем лице. За ним шла и громко голосила жена Елена.

Больше его никто не видел.

Позже распространился слух, что Манжара английский шпион, при обыске якобы нашли в его доме валюту, мануфактуру и прочие аксессуары свидетельствующие о подрывной деятельности. Правда в это мало кто верил, а вскоре забрали жену и сына Николая.

Впоследствии сын Дмитрия Ивановича полными пригоршнями, как пел Высоцкий, зачерпнул обиды и хлебнул горя, что не бывает горше. Тюрьма, затем штрафбат на фронтах Великой Отечественной, где он доблестно сражался и вернулся в родной Ташкент украшенный иконостасом орденов.

Многие ташкентцы жившие в 30-40-е годы помнят замечательного вратаря Николая Манжару, защищавшего ворота “Пищевика”.

А я запомнил дядю Колю весёлым затейником, который блистательно изображал Чарли Чаплина, под аккомпанемент аккордеона моего отца.

Николай Манжара учился в школе №60 имени Шумилова, в той же школе учились и другие дети так называемых “врагов народа”, в частности сын Акмаля Икрамова - Камил.

Среди одноклассников Камил был Эрки Ходиев - Эрик, как его называли друзья.

Осенью 1937 года в класс, где учился Эрик, вошла учительница узбекского языка, Мунавар Ахмеджановна, и сказала: «Дети, в нашем правительстве — враги народа.— И начала перечислять:— А. Икрамов, Ф. Ходжаев, Д. Манжара... Вот и у нас есть Эрик, он хороший мальчик, но его папа тоже хотел, чтобы вернулись буржуи, капиталисты, баи и басмачи».

Эрки Махмудович, впоследствии вспоминал, что он сидел на третьей парте в среднем ряду, и при этих словах волна ярости накрыла его. Не помня себя, не думая о последствиях, вырвал из парты откидную доску, кинулся к Мунавар Ахмеджановне и со всей силы ударил ее этой доской. Учительница упала, Эрки убежал, потом где-то прятался, а ночью раздобыв керосин, хотел поджечь школу. Облил кирпичные ступени керосином, поджег, но... сгорел только керосин.

Свидетелями поджога стали один из его одноклассников Николай Ерин и часовой, охранявший штаб Среднеазиатского военного округа, находившегося напротив школы.

Часовой крикнул Николаю: «Эй, мальчик, что там горит? Сбегай быстренько, потуши». Но огонь угас сам.

Камил Икрамов в своей книге “Дело моего отца” – а именно оттуда я узнал эту историю – пишет:

“Встретил Эрки Мунавар Ахмеджановну через много лет, будучи студентом ТашМИ. Встретил на одной из центральных улиц Ташкента и узнал по тому самому шраму, виновником появления которого он был.

Добрый человек Эрки, детский хирург... А мне горько, что со мной такого взрыва не было.

Бедная Мунавар Ахмеджановна! Конечно, ты пострадала зря. Но так будет всегда, если главные виновники остаются безнаказанными”.

М.А. Енилеева. 1964г.

Мунавар Ахмеджановна Енилеева в 60-е годы прошлого века учила узбекскому языку и наш класс. К этому времени она была заслуженной учительницей Узбекской ССР.

Значит, этот мальчик Эркили стал хирургом, подумал я и бросился искать в сети информацию о нём. К сожалению, сведений было очень мало, буквально крупинцы.

Единственное упоминание я нашёл на сайте Ташкентского педиатрического института, в разделе о кафедре госпитальной детской хирургии. Вот что там было написано.

“Кафедра госпитальной детской хирургии Ташкентского педиатрического медицинского института была основана в 1979 году. Её первым заведующим стал профессор Эркили Махмудович Ходиев, воспитанник и ученик многогранного хирурга с мировым именем, академика А.А. Вишневого. Профессор Ходиев Э.М. возглавлял кафедру до 1991 года. Он был организатором многопрофильной детской хирургической клиники и внёс большой вклад в развитие детской торакальной хирургии в нашей республике”.

Какова же была судьба у этого мальчика? Каким был путь от изгоя с клеймом сын “врага народа” до хирурга, профессора, доктора наук?

Меня уже было не оттащить от этой истории.

От знакомого журналиста Ефрема Рябова узнал, что у Эркили была сестра Наима Махмудовна, долгие годы возглавлявшая Узсовпроф. Ну надо же, подумал я, ещё одна необычная судьба. К сожалению, ни её адреса, ни телефона Ефрем не знал.

Тогда я стал расспрашивать всех подряд - сослуживцев, друзей, знакомых, надеясь, вдруг кто-то что-нибудь об этом знает. И, о чудо, мой старинный друг Александр Борисович Суслов, с которым я дружу более 30 лет, услышав эту историю, неожиданно сказал, - “Я знаю Наиму Махмудовну, она моя бывшая соседка и до сих пор живёт в Доме специалистов на набережной Анхора”.

Ну, тут я на него насел. И в ближайшую субботу, предварительно получив согласие на визит, мы с ним отправились в гости к Наиме Махмудовне.

Нас встретила женщина, весьма преклонного возраста, но отнюдь не потерявшая стати и ясности зрения.

Благосклонно выслушав причину, по которой мы решили её побеспокоить, она пригласила нас в квартиру и за чаем рассказала о драматичной судьбе своей семьи.

Владимир Фетисов. Они были первыми

С Наимой Махмудовной Махмудовой.

В 60-е - 80-е годы прошлого столетия различные зарубежные делегации, встречаясь с Наимой Махмудовной Махмудовой, доктором медицинских наук, профессором, автором монографии “История развития терапии в Узбекистане”, заместителем министра здравоохранения Республики, а впоследствии многолетним председателем Узсовпрофа, депутатом Верховного Совета СССР, вряд ли догадывались, какое трагическое детство выпало на долю этой женщины.

Родителями Наимы и Эрки были поэт Махмуд Ходиев, писавший под псевдонимом Бату, и писательница Валентина Петровна Васильева.

Познакомились молодые люди в Москве, на историческом факультете МГУ, студентами которого они были. Двадцатые годы прошлого века, время надежд, когда советская власть ещё не начала мертветь в своей страшной окостенелости. До времени, когда государство, подобно Хроносу, стало пожирать своих детей, было ещё далеко.

Бату и Валентина Петровна (отец и мать).

Познакомились молодые люди, строители нового мира, в Москве, где оба учились на историческом факультете Московского Университета.

Юные, творчески одарённые, Бату и Валентина жадно впитывали всё новое. Посещали лекции Луначарского, знаменитые “Никитинские субботы”, участвовали в литературных вечерах, где проходили бурные диспуты и известные поэты читали свои стихи. Любовь к литературе и искусству сблизила их. Они вместе занимались, беседовали, спорили о прочитанном, обменивались впечатлениями. Эта дружба переросла впоследствии в большое чувство, они поженились. Третьего января 1926 г, на Гоголевском бульваре, в Москве у них родился сын. Эркили – так назвал его отец. Эркили – значит свободный.

После окончания университета, в 1927 г, молодая семья вернулась в Узбекистан, в Самарканд, в то время столицу республики. Махмуд занял пост заместителя наркома просвещения, а Валентина стала работать в школе.

В 1928 г. у них родилась дочь Наима.

Эркили вспоминает:

- «Папа, не успев приехать из Самарканда, узнав о рождении дочери, буквально взлетает в дом, сбрасывает пиджак и галстук, выскакивает на улицу, подхватывает меня, и на фаэтоне мы мчимся в родильный дом, на Алмазар.....»

Мама лежит на койке у окна, в белом, со светлыми распущенными, пышными волосами, улыбается, а глаза голубые, голубые. Папа воскликнул – это будет Наима. Наима, а мне показалось, что она чёрная, с большой головой. Папа расхохотался и сказал: ...большая голова, в ней много ума, она будет большим человеком».

Эркили и Наима с матерью Валентиной Васильевой. 1936 год.

Махмуда Ходиева, Бату, выдающегося узбекского поэта, стоящего в одном ряду с классиками узбекской литературы, такими как Хамза Хакимзаде Ниязи, Абдулла Кадыри, Садриддин Айни, арестовали в 1930 году. В лермонтовском возрасте 26-летний поэт был отлучён от семьи и литературного творчества.

Пришли за Бату ночью. Обыск продолжался до утра, и Валентина попросила чекистов не шуметь, чтобы не разбудить детей. Уже светало, когда Бату увели. Домой он больше не вернулся.

До 1936 года ещё приходили письма. Потом и вестей не стало.

За днями дни в неведомый нам край,
Как сказочно крылатый конь летят.

Вот кончится зима, наступит Май,
Лучи весны и след зимы сметят,
И лишь останутся воспоминанья,
Как призрачно неясные преданья

Это из письма Бату к жене, написанное в 1932 году.

Мир детей жесток, и после того случая с учительницей узбекского языка Эрки и Наима рано узнали, что такое несправедливость. Детей Бату травили и подвергали издевательствам соученики. Не отставали от детей и родители, требовавшие, чтобы детей “врага народа” исключили из школы, где учатся отпрыски ответственных работников. Валентина Петровна была вынуждена перевести сына и дочь в другие школы. Эрки перешёл в 50-ю, а Наима - во 2-ю, имени Крылова.

Проживали они в это время на улице Первомайской, в коммунальном дворе напротив дома, где во время эвакуации будет жить “советский граф”, писатель Алексей Толстой.

Время было трудное, прожить на мизерную зарплату Валентины Петровны работавшей в САГУ библиотекарем было практически невозможно, но огромную помощь оказывали близкие, - родители, братья и сестра Бату.

К тому времени Эрику пришлось уйти и из 50-й школы. Причина всё та же, сын “врага народа” – изгой.

Он переходит в ФЗУ (фабрично-заводское училище), и начинает осваивать слесарное дело. Учёба и работа были хорошо организованы. Утро начиналось в 8 часов утра с переклички, затем работа в мастерских Таштрама, потом учёба в классе, – с 30-ти минутным перерывом на обед. И снова практика в цехе до 17.00.

Через полгода Эрик получает удостоверение слесаря по автомобилям.

Июньской ночью 1941 года пришли и за женой Бату. После длившегося несколько часов обыска Валентину Петровну увели.

Родственников на заседание суда не пустили. Дети увидели мать только мельком, под конвоем входящую в зал. После приговора, когда мать уводили, она успела крикнуть: “Дети, держитесь, мне дали 10 лет, но это недоразумение, я скоро к вам вернусь”.

Вот как вспоминает тот чёрный день сама Валентина Петровна.

“Областной суд на Первомайской был короток, но зато я была счастлива. Тут я смогла видеть свою дочь, которая глянула на меня огромными глазами; видела сына, показывающего жестами, не хочу ли я есть; сгорбившуюся мать, закрытую в белый платок Ойи (*мать Бату, прим.В.Ф*); братьев Бату. Никто из них не плакал. Я хорошо понимала, сколько напряжения стоило им сдерживать слёзы. Я тоже не плакала”.

Это из книги Наимы Махмудовой “Пережитое”, написанной по дневникам матери.

Впереди были десять долгих лет разлуки.

Валентину Петровну ждал Асиновский трудовой лагерь, затем Колымская ссылка. И только редкие письма из Ташкента согревали душу и не давали исчезнуть надежде.

Эрки, оставшись без присмотра, связывается с плохой компанией – блатными с Переушки. Несколько раз участвует в кражах, стоя на “атасе”. Поняв, через некоторое время, что это путь в пропасть, он пытается разойтись со своими криминальными “друзьями”, но сделать это было очень трудно.

Однажды рано утром в квартиру на Первомайской, где он жил, постучали.

Это были его блатные приятели.

- Прими вещи

- Украли?

Они засмеялись и начали уверять, что это вещи одного из них, переезжающего на новое место жительства.

«Я открыл дверь, - вспоминал впоследствии Эркили Махмудович, - вещи запихали в чулан и дали 200 рублей за хранение»

Вскоре выяснилось, это - были украденные вещи из костюмерной театра оперетты. Начались поиски, аресты. К Эрику явились 10 января 1942 г., с обыском, нашли украденное и увели. Следователь заставил его признаться в ограблении и юношу приговорили к 4-м годам заключения.

Наказание он отбывал в Урта-ауле, неподалеку от Ташкента. И вот там случилось чудо. Тюремный фельдшер Закиров был другом Бату и забрал мальчика в больницу санитаром. Он многому научился, работая в неволе, и на всю жизнь полюбил врачевание, уже не мысля для себя другой профессии.

В 1946 году Эркили возвращается из заключения. Родной дядя, брат отца, берёт его к себе на работу в больницу. В тот же год, Эркили сдаёт экстерном экзамены за 10 классов и поступает в ТашМИ, где учится его сестрёнка Наима. Там же в институте он встречает свою любовь на всю жизнь, свою сокурсницу Азу, Азу Семёновну Зарзар.

Молодые люди потянулись друг к другу почувствовав общность судьбы.

Аза Зарзар оказалась в Узбекистане благодаря пакту Молотова-Риббентропа.

До 1940 года она вполне благополучно проживала в семье успешного адвоката, владельца адвокатской конторы в Бессарабском городе Килия, на берегу Чёрного моря.

8 июня 1940 года семья Зарзар, как и остальные жители Бессарабии, оказалась в другом государстве – СССР. Отец Азы был репрессирован, а члены его семьи, в том числе 14-летняя Аза, после долгих скитаний и мытарств оказались в городе Сырдарья Узбекской ССР.

После окончания школы девушка поступает в Ташкентский медицинский институт, где и встречает свою судьбу.

В качестве свата выступила Наима, учившаяся на одном курсе с Азой. Молодые влюблённые женятся и поселяются у тестя с тещей, в сторожке 2-го правительственного стационара, где отец Азы, вернувшийся к семье после вынужденной разлуки, работал сторожем.

Да, читатель, отбыв ссылку в Казахстане Семён Зарзар смог устроиться только сторожем.

В 1951 году возвращается из ссылки Валентина Петровна Васильева.

Незадолго до возвращения она получила письмо от сына.

“Милая мамочка!

Сегодня самый счастливый день в моей жизни, я перешёл на 6-й курс. Сдал экзамены за пятый курс на “отлично”. Мамочка, ты плохо представляешь, в каких условиях я учусь, ведь я не только учусь, но и работаю. Поэтому меня не волнуют оценки. меня интересует услышанное на лекции, как его можно применить к моей работе. Вот это для меня больше всего важно. Читать, заучивать, штудировать перед экзаменами,

как это делают многие, я не мог, у меня не было на это времени, но видно мои практические знания и работа в клинике, являются лучшими помощниками на экзаменах. Перед экзаменом я прочитывал основное пособие и шёл сдавать, желая получить только заслуженную отметку. Я люблю выбранную профессию, очень люблю, учусь же я на врача-педиатра. Детей я люблю, как главную радость в человеческой жизни.

Очень ненавижу смерть, и борюсь с нею. Главным в медицине считаю хирургию. Она, только она одна, борется со смертью активно. Поэтому я хочу стать детским хирургом. Работаю я в хирургическом отделении. Сначала был санитаром. Медбратом и наркотизатором, место приложения моих медицинских знаний – 2-я хирургическая клиника ТашМИ. Здесь профессора Тагиров и Астров сделали из меня наркотизатора. Казалось бы, что это за работа! Какой низкий пост! Но, мамочка, никто не понимал, что для меня четыре года на этой должности очень важны, потому что от меня студента Эрки, зависел исход операций, я чувствовал себя маленьким, но важным звеном в большом коллективе оперирующих. Я ходил с гордостью по палатам, чувствуя, что в них лежат люди, жизнь которых, была в моих руках.

Через год получу диплом, путевку в жизнь и должен буду уйти с должности наркотизатора, и из клиники. Грустно будет прощаться со студенчеством, сотрудниками клиники и начать самостоятельную врачебную деятельность.

Я, мамочка, подумал о том, что скоро стану здесь чужим и всё, что так было мне близко и дорого, станет далёким тёплым воспоминанием моего хирургического детства, и слёзы комком подступили к горлу. Я решил, что последний год учёбы должен провести с особым энтузиазмом в труде, ничего не упуская. Я ведь будущий врач, к тому же - хирург.

Я буду спасать детей, и делать это буду не один. Мамочка, у меня есть подруга, и она тоже станет врачом. Если ты разрешишь, и как говорит Ойи, благословишь наш брак, она станет моей женой. Мой отец был узбеком, ты - русская, а моя жена – молдаванка. Кто по национальности будет наш сын? А первый ребёнок у нас будет обязательно сыном. Приезжай мама скорей! Приезжай”.

На вокзале Валентину Петровну встречали всем семейством - дети, мать, свекровь, братья и сестра Бату. Но долго ещё ей не разрешали проживание в Ташкенте.

В 1953 году у Эрки и Азы рождается первенец – сын Валентин.

После окончания института молодой врач Эркили Ходиев получает назначение на должность хирурга в Кибрайскую больницу. Молодой семье выделили одну комнату в доме напротив больницы и начались врачебные будни.

Однако молодой, амбициозный врач мечтал о большем и однажды открыв газету, увидел объявление - «...институт Хирургии имени А.В. Вишневского объявляет конкурс в аспирантуру, ординатуру...» и Эркили загорелся.

Собрав необходимые документы, он отправил их в Институт Хирургии АМН СССР. Однако пришёл отказ – не хватало 3-х летнего стажа.

Но Эркили не сдаётся, он уезжает в Москву и отправляется на приём к академику Вишневскому. В течении месяца он, как на работу, ходит в приёмную знаменитого хирурга и просиживает там целый день. Однако лично побеседовать с академиком никак не получалось. Но удача любит упорных.

Вспоминает Эркили Махмудович.

“Каждый раз, утром Александр Александрович выходя из машины, говорил:

- Ты опять здесь, ядрена мать, опять я про тебя забыл, завтра, завтра, иди в приемную, жди.

И так каждый день, как в фильме "Приходите завтра".

Но пришёл, наконец, день, когда, поздоровавшись с Вишневским на лестнице я услышал:

- Беги вперед и жди меня у двери, зайдешь тут же за мной, предупреди Варвару, чтобы никого не пускала, ты мне надоел, сидишь в ж..е как геморрой.

С нами зашел начальник отдела кадров, Карапетян. Я стал рассказывать.

- Я врач, закончил Ташкентский Медицинский Институт в 1952 г., прочел книгу «Во имя жизни», о Вашем отце и о Вас хочу работать и учиться у вас.

Он опешил, остановился, в руках халат, одет один рукав, посмотрел серьезно на меня, на заведующего отделом кадров.

- Дурак, у меня весь мир хочет работать.

Затем он громко расхохотался. Варвара услышала шум, приоткрыла дверь. Александр Александрович поманил ее и неожиданно визжащим голосом крикнул:

- Варвара, этот мальчик врач хочет работать у меня, как ты думаешь?

Она серьезно ответила:

- Раз хочет и уже месяц вместо отпуска обивает наши пороги, думаю, из него будет толк.

Александр Александрович тут же перестал смеяться, стал серьезным и обратился к начальнику отдела кадров – видел ли он мои документы? Тот ответил что видел, они в АМН СССР, отделе аспирантуры. Вишневский потребовал документы и начал расспрашивать о моих родителях. Я честно сказал, что отца, по-видимому, расстреляли в 1938 году, как врага народа, а мама отсидела 10 лет на Колыме. Александр Александрович покраснел, нахмурился, в кабинете кроме нас двоих никого не было, ткнул меня сильно в плечо и громко сказал.

- Слушай салага, ты, похоже, честный парень, раз решился такую вещь сказать генералу? Мне стало плохо, меня прошиб холодный пот. Очнулся я когда Александр Александрович сел в свое кресло и заорал:

Владимир Фетисов. Они были первыми

- Варвара, где Карапетян, позови срочно! - а сам сел в свое кресло и подал мне ручку, листок бумаги.
 - Пиши - и продиктовал заявление на имя директора института с просьбой о приеме в ординатуру.
 - Да раздобудь в вашем министерстве бумагу с рекомендацией.
- Он взял написанное заявление, поднял на лоб очки, прочел и говорит:
- Говоришь хорошо, пишешь неплохо, но запятые ставить не умеешь.
- Сделал паузу и продолжил:
- Я сам ни хрена не умею ставить знаки препинания, почерк у меня тоже не ахти, так что беру тебя к себе без конкурса и волокиты, будешь первый узбек в Институте Хирургии имени А. В. Вишневского.

Вскоре к мужу в Москву приехала Аза Семёновна и также поступила в аспирантуру к Вишневскому. Думаю, это были самые счастливые годы в жизни молодых врачей – годы становления в науке, рождения детей.

*Эркил Ходиев, проф. А. А. Вишневский,
проф. Шефер, (США), переводчица,
проф. Н. И. Краковский.
(с лево на право)*

Демонстрация сосудосшивающего аппарата Гудова.

Они блестяще защитили сначала кандидатские, а затем и докторские диссертации и оба были удостоены медали им. А.В.Вишневского.

Владимир Фетисов. Они были первыми

В 1958 году Валентина Петровна Васильева была полностью реабилитирована. Она получила компенсацию и трёхкомнатную квартиру на Чиланзаре. Устроилась воспитательницей в детский сад, где и проработала до конца своих дней.

Эркли со своей семьей стал жить с матерью.

К этому времени у него уже было двое сыновей. В 1956 родился Алексей – Алеш, как сразу стали его называть.

Эркли, Алеш, Мамуля, Валёк, Аза

Отец Эркли и Наимы, выдающийся поэт и просветитель Бату, также был реабилитирован в 1958 году.

Произведения поэта возвратились к читателям.

Владимир Фетисов. Они были первыми

Наима Махмудовна после ухода с поста председателя Узсовпрофа предприняла попытку найти если не могилу, то хотя бы свидетельства жизни своего отца в заключении. Она съездила на Соловки, запросила архивы КГБ и узнала страшную правду, о которой они с братом прежде могли только догадываться. Махмуд Ходиев был расстрелян в 1938 году по приговору трибунала, разделив судьбу Акмаля Акрамова, Файзуллы Ходжаева и Дмитрия Манжары.

В мае 2004 года в Ташкенте отмечалось 100-летие Бату. На торжественном заседании выступил простой учитель, также прошедший через ужас сталинских лагерей.

Он рассказал удивительную историю. В тюремных застенках ему попала книга, на обороте обложки которой было написано торопливым почерком, - "Друг, если выйдешь до меня, передай моим родным, что я жив и со мной всё в порядке".

Под строчками стояла подпись – Бату. Выполнить просьбу товарища по несчастью, этот человек не сумел, не нашёл родных. Но помнил об этом всю жизнь.

Творческий талант родителей передался и дочери. Наима Махмудовна написала биографические книги о себе и своей матери.

Долгие годы профессор Махмудова плодотворно проработала на высоких постах нашей Республики. После ухода с должности председателя Узсовпрофа, вернулась к преподавательской деятельности, готовя молодую смену служению медицинской профессии.

Однако судьба принесла ей новые испытания. Умирает в расцвете сил её муж Умар Курбанович Курбанов, замечательный врач, основатель первой в Республике детской неврологической больницы, которая ныне по праву носит его имя. Дочь - Дильбар Курбанова, автор более ста научных работ, авторских изобретений, лауреат премии Госкомитета по науке и технике, продолжила дело отца. В 1993 году она открыла Медико-реабилитационный центр инвалидов "Умид - Умр", возглавляя его вплоть до 1998 года, когда по ее инициативе был создан новый Республиканский центр помощи детям и подросткам с ДЦП - с семью филиалами в областях республики. Её не стало рано – в 2004-м, на 52-м году жизни.

Это был страшный удар для Наимы Махмудовны. Но жизнь продолжалась. Рядом с ней остались сын Уктам, невестка Лариса, внуки и правнуки.

В 1979 году по инициативе Эрки Махмудовича в Ташкентском педиатрическом медицинском институте была открыта кафедра госпитальной детской хирургии. Эрки Махмудович стал её первым заведующим и проработал в этом качестве до 1991 года. Профессор Ходиев стал организатором и многопрофильной детской хирургической клиники.

Аза Семёновна Зарзар долго и плодотворно проработала в системе здравоохранения нашей республики. Сначала возглавляла кафедру анестезиологии реаниматологии в институте усовершенствования врачей. А затем долгое время была главным специалистом республики. После ухода на пенсию в 1992 году, уехала работать в Ахангаранский район, в больницу рабочего поселка Новоангреновской ГРЭС, в Нурабаде.

Старший сын Эрки Махмудовича и Азы Семёновны, Валентин Ходиев, не стал нарушать семейной традиции и стал врачом - анестезиологом реаниматологом. А младший Алексей Зарзар взявший фамилию матери, дабы не прервался древний румынский род Зарзаров, закончил романо - германский факультет ТашГУ.

В заключении хочу выразить свою огромную благодарность:

Ефрему Рябову, который дал толчок к написанию этой истории;

Александрю Борисовичу Суслову, за помощь и содействие;

Наиме Махмудовне Махмудовой, за рассказ и книги;

Азе Семновне Зарзар, за воспоминания;

Валентину Ходиеву и Алексею Зарзару за гостеприимство.

Судьба, вышитая бисером

Аза Семёновна Зарзар

С того времени как вышел мой очерк “Дети Бату”, что-то всё время не давало мне покоя, какое-то чувство неудовлетворённости. Смутно шевелилась в душе тревога, что чего-то не доделал, не довёл до конца. Неудержимо тянуло вернуться к одной из героинь того жизнеописания, а именно к Азе Семёновне Зарзар.

И наконец, предварительно созвонившись, напросился к ней в гости.

Первое, что бросается в глаза в квартире, где проживает Аза Семёновна, развешанные на стенах картины расшитые бисером, созданные руками самой хозяйки.

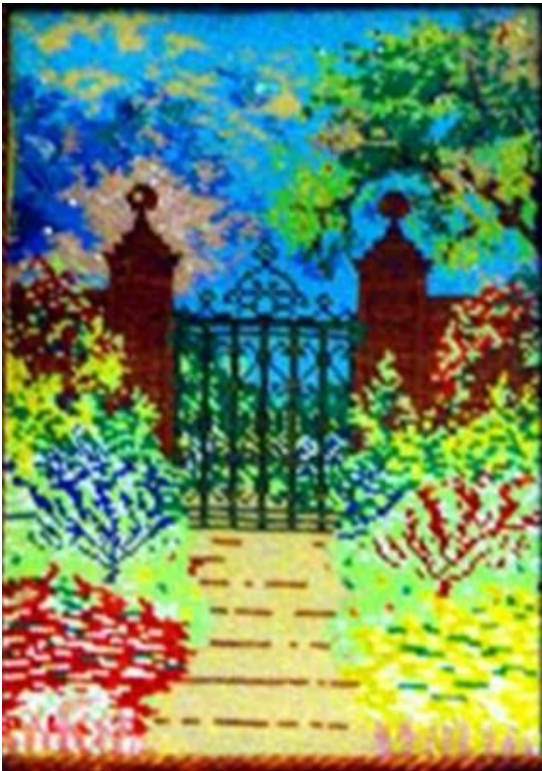
- Давно вы занимаетесь этим искусством – первое, что спросил я, после того как мы расположились за столом, накрытым для чаепития.

- Я с детства любила рисовать, начала свой рассказ Аза Семёновна, - скорее всего эта любовь и натолкнула меня на идею о бисере. Однажды, с мужем и младшим сыном мы отправились в Румынию навестить родственников.

В один из дней мы ехали поездом в Бухарест. Стояла ночь, мы приближались к одному из самых красивых мест в Европе, так называемым Железным воротам, глубоком скалистом ущелье, сквозь которое Дунай несет свои воды к Черному морю.

Очарование этой красотой и явилось для меня толчком к вышиванию бисером.

Первая картина, которая была создана мной - «Старые ворота». Сюжет я взяла у проживающей в Кишинёве подруги, с которой когда-то делила радости и горести ссылки.

Старые ворота

Владимир Фетисов. Они были первыми

Постепенно приходил опыт, я придумывала приспособления облегчающую работу. Чтобы полотно не рвалось, стала использовать тонкую металлическую сетку.

А вот картина « Хозяин земли», на индийские мотивы, выполнена стеклярусом. В дальнейшем я стала сочетать бисер со стеклярусом.

Хозяин земли

Однажды я увидела в журнале удивительный портрет Сомерсета Моэма, одного из любимейших моих писателей, и загорелась создать по этой фотографии картину.

Мне кажется, у меня получилось.

Сомерсет Моэм

Владимир Фетисов. Они были первыми

Картина «Голубое озеро», в числе некоторых других моих работ, экспонировалась на выставке УзСовПрофа и очень понравилась тогдашнему руководителю республики Рашидову.

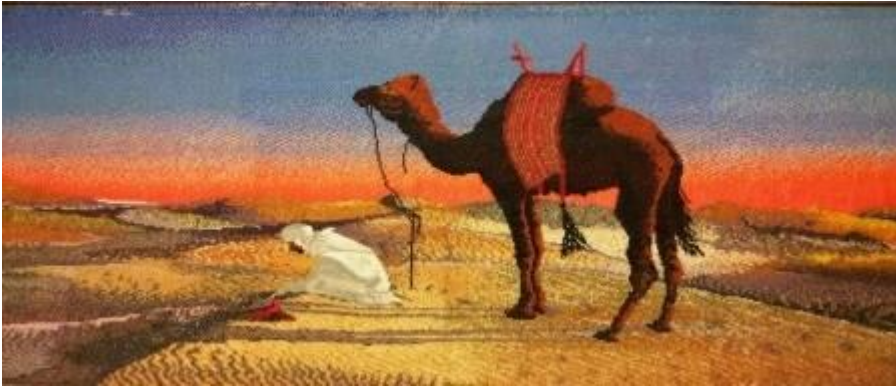
Голубое озеро

Большое впечатление, во время поездки во Францию, на меня произвела церковь «Сакре Керр» (Святое сердце Иисуса), построенная в память о жертвах франко-прусской войны. И после возвращения я решила запечатлеть её в бисере.

Церковь Сакре Керр

А вот этой работой я особенно дорожу. Назвала её - «Единение».

В 1992 году я выставляла её в Гааге, во время всемирного конгресса анестезиологов. Надо сказать, она вызвала неподдельный интерес. Мой коллега из Свердловска, основатель уральской школы анестезиологов-реаниматологов, профессор Эдуард Константинович Николаев, в перерывах сидя в вестибюле, где демонстрировалась эта работа, развлекался тем, что консультировал любопытных по поводу её стоимости, называя баснословную цифру. А мой московский коллега, профессор Алексей Зиновьевич Маневич, автор первого в СССР учебника по анестезиологии и реаниматологии, будучи у нас дома, также был впечатлён этой картиной и написал неприхотливый стишок по этому поводу:

*Вчера я получил удар,
Квартиру посетив Зарзар,
Не только от изящств блюд,
Но поразил меня верблюдов.*

- У вас и судьба, Аза Семёновна, вероятно, как картина вышитая белым и чёрным бисером? - спросил я. – Помните, песня была у Анчарова, - “Ну как же это вышло-то, что всё шелками вышито судьбы моей простое полотно”

- Да, только и цветных вкраплений было много. Зелёный – цвет надежды, красный – любви, синий – счастья.

- А какие самые яркие моменты вы помните?

- Их много, я долго живу на этой земле. Всё было – радость и горе, потери и находки, любовь и ненависть.

Немного помолчав, удивительно красивая, несмотря на свой преклонный возраст, женщина неторопливо начала свой рассказ.

Глава 1

Румынское детство

Там где Дунай заканчивает свой путь и растворяется в Чёрном море, расположился

старинный город-порт Килия. На протяжении своей долгой истории он был яблоком раздора для многих государств. Здесь, сменяя друг друга, властвовали ханы Золотой Орды, венгры, турки, запорожские казаки. Несколько раз он входил в состав Российской империи. Наша же история начинается в то время, когда государственным языком жителей Килии был румынский.

19 ноября 1926 года в этом городе, в доме своего деда, городского головы Анания Семёновича Зарзар, родилась девочка. Отец её известный в Килии адвокат Семён Зарзар, заглянув в календарь и мельком увидев имя Аза, так и назвал свою дочку. Уже позже выяснилось, что в календаре было написано «день святого Аза». Может быть и это обстоятельство - мужское имя, данное девочке при рождении, сыграло свою роль в становлении характера Азы.

Семен Ананьевич Зарзар, подданный Российской империи, в 1911 окончил юридический факультет в Одессе, а когда началась первая мировая война, был мобилизован на фронт.

В боях был ранен и попал в австрийский плен, откуда ему удалось бежать.

Проделав тяжелейший путь, обходя населённые пункты, с раненой рукой, оборванный, голодный, он сумел вернуться домой. Поправившись, стал заниматься адвокатской практикой.

В 1918 году Бессарабия оказалась в составе Румынии и, чтобы продолжить свою деятельность в качестве адвоката, Семёну пришлось ускоренно выучить румынский язык. Сдав экзамен, он, совместно с братом, открывает собственное адвокатское бюро.

Однажды, в середине 20-х годов, 30-летний адвокат вместе с другом едет в село Борисовка, расположенное на берегу, славящегося своими лечебными грязями, лимана Сасык. Едет, чтобы подлечить раненую руку. Там, в прибрежном кафе, он встречает свою будущую супругу – Ольгу Климовскую.

Неисповедимы пути судьбы. Была ли эта встреча случайностью или предопределением, но она явилась началом долгой и верной любви и привело к появлению на свет нашей героини.

Ольга появилась на свет в многодетной – кроме неё было ещё шестеро детей – семье Диомида и Ефросиньи Климовских. Родилась она в селе Татарбунары, известного тем, что здесь когда-то побывал Пушкин и именно в Татарбунарах задумал поэму “Цыгане”.

Диомид Климовский владел наделом земли более 100 га, на котором произрастали виноград, пшеница, овёс, ячмень, кукуруза, бахчевые. Паслись лошади и большая отара овец.

Это требовало огромного, бесконечного труда. Зерно продавалось на экспорт, из винограда делали вино, а овечью шерсть сдавали на ткацкую фабрику расположенную здесь же в Татарбунарах.

Сюда и приехал Семён Зарзар, чтобы просить руки любимой.

Свадьбу сыграли в Кишинёвском ресторане, и Ольга переехала к мужу в Килию, где спустя положенный срок появилась на свет их старшая дочь.

Детство девочки и её младшей сестры Светланы, родившейся 4-мя годами позже, проходило в большом, хлебосольном доме деда Анания. Здесь столы были накрыты постоянно, а в праздники особенно обильно. Жареные поросята, домашние колбасы,

Владимир Фетисов. Они были первыми

индюки, холодец, пироги с разнообразной начинкой. На Рождество, Пасху, дни рождения, именины приезжали многочисленные родственники, друзья – человек 30-40.

В большой комнате висел круглый, красивый красный абажур, было уютно, тепло и радостно.

Двор был увит диким виноградом, богатый цветами и молодыми фруктовыми деревьями. Во дворе устроили детскую площадку, соорудили качели. Сюда приходили соседские дети и устраивали всевозможные игры и развлечения.

Аза

Часто, вместе с родителями, девочки гуляли по берегу Дуная, поросшему густым кустарником и деревьями. Мама Азы, с детства привыкшая к сельскому труду, настояла на приобретении пчелиных ульев, так в жизни семьи началось пчеловодство. Ездили на острова, где располагалась пасека, качали мед. Острова были зелеными, с огородными посадками. Если бы Ольга Диомидовна знала, как ей это пригодится в тяжёлые дни.

Помимо пчел занимались еще разведением тутового шелкопряда, что было чрезвычайно интересно и весьма выгодно.

Вскоре Семён Ананьевич купил собственный дом, и семья переехала в просторные пенаты, где было семь комнат, большой двор и просторная терраса. В этот дом часто приходили друзья родителей. Об одном из друзей Аза Семёновна вспоминает с особой теплотой. Афанасий Данилович Андрианов – художник из старообрядцев. Вероятно от того, что у него не было своих детей, Афанасий Данилович сильно привязался к маленькой девочке. Он сажал Азу на колени и рассказывал сказки, которые сам же и сочинял. О принцах и принцессах, королях и львах. О собаках, лошадях и медведях. Девочка заворуженно слушала, погружаясь в сказочный мир, который сохранился в её сознании до сей поры.

Аза с отцом (сидит) и матерью (слева)

Иногда за городом, на берегу Дуная, становился цыганский табор. Семён Ананьевич любил приходить туда знакомиться с главным цыганом, общаться, что-то покупать, слушать песни, любоваться плясками – вникать в быт этого кочевого племени. И всегда в эти походы брал старшую дочь, жадно впитывающую всё новое.

Каждый год в Килию приезжал цирк Шапито.

На портовой площади сооружался большой шатер с куполом и клетками для животных. По главной улице проходил марш артистов. Впереди шли клоуны на ходулях, затем акробаты, дрессировщики с собаками и обезьянками. Жонглируя пудовыми гирями, проходил знаменитый силач Иван Заикин.

В семь лет Аза пошла в школу. Предметы в школе преподавали на румынском языке, который Аза знала довольно слабо. В семье говорили на русском, а у бабушки в Татарбунарах звучала украинская речь. Пришлось маленькой школьнице осваивать румынский. Выучила она его довольно быстро и до сих пор свободно на нём говорит. Училась девочка с удовольствием, успевала по всем предметам, принимала участие в общественной жизни.

В 1933 году в жизнь семьи Зарзар пришло горе. 5 сентября, слушая радио, Семён Ананьевич услышал о крушении в СССР самолёта Р-6, в котором летел его младший брат Валентин Ананьевич Зарзар, видный советский государственный и военный деятель, один из организаторов советской авиации, Главный инспектор Гражданской авиации

Владимир Фетисов. Они были первыми

СССР. Так случилось, что грозные события начала века развели братьев в разные стороны, а вернее в разные страны.

В 1918 году 19-летний Валентин Зарзар сражается в рядах Красной армии на Деникинском фронте, принимает участие в разгроме армии Махно. Боец 2-й конной армии, он затем становится командиром батареи, потом комиссаром полка. По окончании Гражданской войны – командир армейского корпуса. Одновременно заканчивает юридический факультет Московского университета и Высшую Артиллерийскую школу в Москве.

Увлечшись авиацией, Валентин приходит работать в эту область и активно участвует в становлении воздушного флота страны, быстро выдвинувшись в ряд его основных руководителей. Был одним из организаторов Осоавиахима и Общества друзей Воздушного Флота, способствуя тем самым вовлечению миллионов советских людей в дело создания отечественной авиации. Затем Главный инспектор Гражданской авиации СССР, член Правительственной комиссии по дальним перелетам вместе с С.С. Каменевым и П.И. Барановым. С 1930 года – член Президиума Госплана СССР, возглавлявший планирование авиационной промышленности и автомобилестроения. Редактор журналов "Самолет", "Советское воздушное право", заведующий отделом науки и техники газеты "Известия". Участник самых сложных перелетов на первых советских самолетах в неизведанных местах Сибири, один из организаторов поисков и спасения экспедиции Умберто Нобиле на дирижабле «Италия» в 1928 году, руководитель Трансевропейского перелета в 1929 году по маршруту: Москва-Берлин-Париж-Рим-Марсель-Лондон-Варшава-Москва.

Вот такой дядя был у Азы. Семён Ананьевич любил и гордился своим младшим братом, переписывался с ним. Случившаяся трагедия надолго выбила из колеи всех членов семьи Зарзар.

Валентин Ананьевич Зарзар

Владимир Фетисов. Они были первыми

Между тем политическая обстановка в Европе накалялась. Не обошло это и Румынию. К власти приходит партия националистов с фашистским оттенком. В Килии появились плакаты – «Vorbiti numai romaneste» (Говорите только по-румынски). Они висели в магазинах, школах и других общественных местах.

23 августа 1939 г. состоялась знаменитая встреча В. М. Молотова и Иохима фон Рибентропа, которая закончилась пактом о ненападении СССР и Германии сроком на 10 лет. Обсуждались и другие вопросы, в том числе о возвращении всех немцев в Германию. 1 сентября 1939 г. немецкие войска вторглись в Польшу, началась вторая мировая война. В конце сентября между СССР и Германией было подписано секретное соглашение о разграничении сфер влияния. Прибалтийские страны переходили под эгиду Советского Союза. В СССР была запрещена любая антифашистская пропаганда. Немцы в Бессарабии засуетились.

Началась распродажа движимого и недвижимого имущества. Это длилось несколько месяцев. Затем в городе появились немецкие военные. Высокие, представительные, вежливые, в красивой форме. Это была комиссия по содействию переселения немцев в Германию. В Килию, на главную улицу начали стекаться подводы немецких семей, нагруженные вещами. Начиная с порта и до конца города – столпотворение.

Аза закончила 7-й класс, когда 26 июня 1940 г. территория Прут-Днестр (Бессарабия), а также Буковина были переданы СССР.

1940 г., румынская школа

В этот день она, её семья и все жители Бессарабии в одночасье стали гражданами Советского Союза.

ГЛАВА 2

Перемена участи

Утром 29 июня по радио прозвучало сообщение, в котором говорилось, что территория Бессарабии вошла в состав СССР. На местах объявлялось 3-х дневное временное безвластие, в течение которого каждый житель должен был решить – остаться и стать гражданином СССР или уехать в Румынию.

Семён Ананьевич, после недолгих раздумий, решил, - “Мы остаёмся”. На всякий случай все драгоценности, которые были в семье, были закопаны в саду. Вскоре настал день, когда нужно было встречать первых посланцев из Страны Советов. В назначенный час народ начал стекаться на поле. Люди украшали себя красными ленточками, повязками, царило радостное оживление. Аза с отцом и сестрёнкой тоже отправилась на встречу.

Из приземлившихся самолётов вышли советские военные, которых встречали музыкой и овацией.

Так начался советский период жизни нашей героини. Зазвучали новые песни. «Катюша», «Если завтра война». В школе появились новые предметы, - русский и украинский языки, история СССР и другие, направленные на воспитание советского человека. Но постепенно праздничное воодушевление сменилось на тревогу. В городе стали закрываться магазины, мелкие частные предприятия. Начался дефицит продуктов питания. Запасы экспроприировались и вывозились вглубь страны. Семьи стали уплотнять и подселять военных. Не обошло это и семью Зарзар. В доме стали жить два офицера.

Однажды ночью Аза проснулась от чьего-то разговора и луча фонарика бьющего в лицо. Почувствовав, что в комнате чужие, девочка притворилась спящей. Они о чём-то говорили шёпотом, а затем ушли в соседнюю комнату. Тогда Аза соскочила с кровати и прильнула к замочной скважине. Картина, которую она увидела, навсегда врезалась в её память. Несколько человек в военной форме, что-то говорят её родителям, один сидит за столом и пишет. Через какое-то время осунувшегося, враз постаревшего отца увели. В эту же ночь был арестован и дядя Азы - Леонид.

Через какое-то время Леонида отпустили – решив, что он является просто служащим адвокатского бюро, а Семёна Ананьевича, как владельца отправили в тюрьму. И потянулись долгие, тяжелые дни посещения тюрьмы, передач, слухов. В тюрьме оказались почти все видные мужчины города.

Никогда не забудет Аза Семёновна эту бесконечную очередь женщин с потухшими глазами у порога тюрьмы.

Через много лет эта картина ярко вспыхнет перед ней, когда она прочтёт “Реквием” Ахматовой.

Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жесткие страницы
Страдание выводит на щеках,

Как локоны из пепельных и черных
Серебряными делаются вдруг,
Улыбка вянет на губах покорных,
И в сухоньком смешке дрожит испуг.
И я молюсь не о себе одной,
А обо всех, кто там стоял со мною,
И в лютый холод, и в июльский зной
Под красною ослепшею стеною.

Пришла страшная весть и из Татарбунар - арестовали и увезли дедушку Диомида. Больше Аза его никогда не видела. Много позже, в 70-е годы, будучи в Румынии она услышала от кого-то, что тот встречал деда Диомида в Старобельских лагерях. А ещё позже при посещении крепости в Аккермане Аза Семёновна узнала, что её дед в числе других арестованных был расстрелян во внутреннем дворе цитадели. Наступил новый, 1941-й год. Каждый день Аза с матерью ходила в тюрьму. Иногда проезжая на велосипеде мимо тюремного забора, девочка вставала на педали и заглядывала через него, надеясь увидеть отца. Но вот пришёл день, когда поход в узилище закончился отчаянием. Всех заключённых куда-то вывезли. Куда? Зачем? Ответа никто не давал. И потянулись тоскливые дни неизвестности.

В начале июня 1941 года, поздно вечером, вернее ночью, когда уже все спали, раздался сильный стук в дверь. Ольга Диомидовна открыла дверь и в дом ввалилась группа военных и гражданских.

«Собирайтесь срочно. Брать только крайне необходимые вещи».

В эту же ночь семью Азы и ещё несколько десятков семей погрузили на станции Арциз в товарные вагоны, уже заполненные людьми из Килии, Аккермана, Татарбунар и других близлежащих населённых пунктов. Двери загремели, впуская новых женщин, мужчин и детей, и закрылись на засов. Через маленькие окошки еле-еле пробивался свет. Поезд медленно тронулся и повёз несчастных спецпереселенцев в далёкие азиатские степи. Раз в сутки давали еду, жидкий суп и 200 грамм хлеба. На станциях разжигались кипятком.

Как-то на одной из станций приказали всем мужчинам выйти из вагонов, выстроили в шеренгу, отобрали большую группу и увели. Что с ним стало, Аза никогда не узнала. Однажды утром поезд остановился на большой станции, но двери вагонов не открылись. Это был пассажирский вокзал города Саратова, и врагов народа нельзя было показывать вокзальной публике. Аза вскарабкалась к маленькому окошку и стала жадно осматривать панораму. Рядом стоял пассажирский поезд “Ташкент – Москва”. Она стала переговариваться с пассажирами и услышала тревожное известие. Началась война, Германия напала на Советский Союз. Девочка тут же рассказала об этой новости соседям по несчастью. Начался переполох, люди были взбудоражены. Что с ними теперь будет? Тем временем картина зелёного Поволжья сменилась жёлтыми красками казахской степи. Людей начала мучить жара, разрешили открыть двери. А за дверью безлюдье, -жёлтая растрескавшаяся земля с редкой низкорослой растительностью. Изредка проплывали глинобитные домики, верблюды, лошади, овцы. Барханы, пески, череда станций с

незнакомыми названиями – Актюбинск, Эмба, Челкар, Аральск, Ново-Казалинск, Джусалы, Кзыл-Орда. Вот промелькнуло Аральское море. Аза вспомнила школьную географию - Сырдарья и Амударья, две сестры, несут воды в Аральское море. После Арыси стали мелькать зелёные участки.

Через Ташкент и Янгиюль поезд промчался без остановки, и 18-дневное скорбное путешествие закончилось в Джизаке.

Глава Ссылка

3

Ссылных высадили и они большой толпой, со своим скарбом, пристроились тут же возле привокзальной чайханы.

Местные узбеки стали расспрашивать - кто, что, откуда. Узнав, стали приносить еду - лепёшки, фрукты, старались хоть чем – то помочь. Ночевали там же, под открытым небом, было тепло и над головами чистое небо, усыпанное звёздами. Через три дня за переселенцами поневоле, прибыл транспорт – большие подводы запряженные верблюдами. Люди погрузились и медленно двинулись к месту окончательного пункта назначения. Им оказался животноводческий совхоз Чимкурган. Хибара, в которой поселилась Аза с матерью и сестрёнкой находилась на окраине посёлка и стояла на берегу канавы с водой, заросшей камышами. А дальше бесконечная пустыня. Это был дом для временного пребывания чабанов при перегоне отар. Света нет, хлеба и других продуктов нет, взять негде, поскольку и магазинов нет. От случая к случаю приезжал водовоз с застойной водой, от которой у Азы и сестрёнки началась дизентерия. Семья стала голодать по-настоящему. Наверное, нас привезли сюда умирать, думала Аза. Наконец о них вспомнили. И снова подводы, и снова путь в неизвестность.

На этот раз многочасовое путешествие завершилось приездом в хлопководческий совхоз Пахта-Арал. Ссылных разместили в бараках на 40 человек. Совхоз Пахта Арал, созданный в 1922 году, к этому времени представлял собой хорошо организованное хозяйство, состоящее из многих отделений. Здесь кроме посевов хлопка, имелась пасека, свиноферма, фруктовые сады.

Ссылных поставили на учёт, распределили по работам и запретили покидать совхоз. Ольга Диомидовна рано уходила на работу, а дети оставались дома. Перед уходом она укладывала ослабленных дизентерией детей на настил во дворе, срывала ветки с деревьев и ими накрывала дочек, защищая от мух. С работы приходила поздно, обязательно принося какую ни-будь еду, сэкономленной от обеда.

Работала Ольга Диомидовна неумолимо, собирала больше всех хлопка и даже удостоилась премии.

Но пришла новая беда, однажды вернувшись домой, она пожаловалась на озноб и головную боль, а к утру поднялась высокая температура. Аза вместе с матерью отправилась в медпункт, находящийся в трёх километрах от барака. Там работала врач Елена Густавовна Мей, ссыльная немка с Поволжья.

Диагноз – брюшной тиф. Необходима срочная госпитализация. Аза бросилась в контору. Отыскав главного агронома, девочка показала ему направление врача и попросила какой ни – будь транспорт до больницы находящейся в Ильичёвке, в 12 километрах от совхоза. К удивлению Азы он тут же написал записку и сказал «Отвезешь завтра утром на подводе, которая пойдет за хлебом». Подъехав на следующий день к больнице, Аза была поражена скоплением огромного количества людей с точно такими же направлениями. В районе началась эпидемия брюшного тифа. Вышла медицинская сестра и собрала все направления. Их было так много, что она их еле удержала сложенных в стопку. В толпе зашептались: «Примут, не примут, нет мест, больница переполнена». Прошло довольно много времени. Опять появилась медицинская сестра и заявила: - «Ввиду того что больница переполнена, мы отобрали только двух больных» - и назвала две фамилии. К огромному облегчению Азы одна из фамилий была её мамы. Так на девочку свалилась огромная ответственность. Теперь она стала главой семьи. С этого дня Аза каждое утро, оставив сестрёнку соседям, шла в больницу – 12 километров туда и столько же обратно.

В один не добрый вечер, вернувшись из больницы в барак, Аза получила ещё один удар. У Ланочки поднялась высокая температура. Аза бросается опять к Елене Густавне. Та снова пишет направление, в ту же больницу. По счастью мама уже шла на поправку и Ланочку положили в палату к матери.

Только зимой 1942-го года Ольга Диомидовна с младшей дочерью вернулись домой. В один из дней к Ольге Зарзар подошёл земляк Семен Подоляну, и предложил: - «Меня иногда приглашают резать скот, а мне одному тяжело, может Азочка пойдет мне помогать?»

Так началась трудовая деятельность Азы Семёновны. Работа была простой, но кровавой – заготавливать инструменты, подавать нож, точить, собирать в котелок кровь из шейной вены, помогать при отделении шкуры и разделе туши. Это был ещё один источник питания. А когда пришли солнечные дни, прошёл слух, что в пустыне появились черепахи, вполне пригодные в качестве еды.

Жители барака, вооружившись мешками для сбора хлопка, отправились на ловлю. Действительно черепах было много, хватило всем.

Из черепах варили суп. Иногда внутри находили яйца, которые тоже шли в пищу. Однажды Ольга Диомидовна узнала, что в Октябрьском отделении, в противоположном конце совхоза, нужен пчеловод. Она сразу же загорелась, - это дело она знала и любила. Ее приняли, и маленькое семейство переехало на новое место. Началась другая жизнь. Пасека на 100 ульев стояла в саду, там же глинобитная сторожка, в ней различные инструменты и приспособления для пчелиного хозяйства. Девочки, как могли, помогали матери, подвергаясь атакам пчёл, но это было не важно, ведь у них появился мёд. Также в саду росли яблони, груши, сливы, персики, абрикосы. Когда началась качка меда, Ольга с детьми сдавали его на склад. Мёда было много, сдавали бочонками. Но часть мёда оставалось, и даже удавалось какое-то количество продавать. Аза стала ездить с бидончиком в Ташкент, на базар и продавать мёд, дешево, но быстро. Так появились, какие никакие деньги, на которые покупалась обувь, одежда – вещи первой необходимости.

Наступила осень, Азе нужно идти в школу, она и так потеряла два года. Её приняли в 6-ой класс, в школу Первомайского отделения, находящуюся в трёх километрах от их жилища. У Азы появились одноклассники, - мальчики и девочки. Появились подруги. Жизнь в совхозе постепенно налаживалась. Фрукты и мёд, конечно, очень поддерживали семью, но Ольга Диомидовна, кроме того, решила завести небольшое хозяйство. Стала разводить кроликов, приобрела козу и нескольких кур. Появились яйца и молоко. Позже появилась в хозяйстве и корова Бурёнка. Был и огород, на котором росли картошка, фасоль и кукуруза.

Аза стала полноценной сельской жительницей. Лихо работала кетменём, косила, со школой собирала хлопок. Так в трудах и учёбе пришёл 1943-й год.

Однажды проходя с подругами по дороге из одного отделения в другой, Аза обратила внимание, что часть территории окружили колючей проволокой. Прошёл слух, что скоро сюда привезут пленных немцев. Из центра приехали высокие партийные работники и всех собрали в совхозном клубе.

Аза впервые участвовала в таком мероприятии. Суровая женщина, в чёрном платье, сделала доклад о положении на фронте. Все слушали затаив дыхание. Фашизм потерпел сокрушительное поражение под Сталинградом – говорила она. Произошёл крутой поворот в ходе войны. Сюда на работы привезут пленных из Сталинграда. Спустя некоторое время, по дороге в школу, Аза увидела множество людей за колючей проволокой. Жалкие, исхудавшие они сидели и лежали прямо на земле. Очевидцы рассказывали, что когда их вели колонной через совхоз люди, столпившиеся вдоль дороги, бросали им какую-то еду - хлеб, яблоки. Немцы снимали с себя вещи и предлагали в обмен на пищу. А через некоторое время привезли итальянцев и румын. В отличие от немцев это были очень веселые, певучие, контактные люди, особенно итальянцы. Когда Аза и другие дети шли в школу, итальянцы всегда пытались с ними заговорить. Они устроили помост и организовали маленький театр, который начинал своё представление, когда школьники шли обратно домой. Звучали итальянские песни, арии из опер.

Школа, в которой училась Аза, была семилеткой, и по окончании 7-го класса перед девочкой встал вопрос - продолжать ли обучение дальше или нет. Выбор был однозначный - продолжать.

Аза поступила в 8-й класс школы, которая находилась в Ильичёвке, в 15 километров от дома. Ей пришлось переехать в общежитие на окраине райцентра. Общежитие было похоже на тюремный барак, с питанием было неважно, зато с учителями Азе повезло. Педагоги из Москвы, Ленинграда, Казани, других крупных городов. В основном ссыльные или эвакуированные люди и блестящие специалисты. Русский язык и литературу вела немка, Луиза Александровна Миллер, боготворившая Пушкина. Химию преподавала Евгения Михайловна Карпова, - по-матерински добрая и отзывчивая. Учитель математики, москвич Александр Алексеевич Шварцгейм, профессор университета, блестяще преподносивший материал и, благодаря ему, алгебра и геометрия – стали любимыми предметами Азы. Немецкий язык - Рудольф Адольфович Розе. Физика - Виктор Андреевич Утс, великолепный специалист, изобретатель, один из авторов

метода получения жидкого кислорода. Биологию преподавал Павел Андреевич Лер. Он устроил в школе живой уголок, ходил с мальчишками на охоту

Английский язык вёл Игорь Анатольевич Галин, земляк из Бессарабии. Тем временем положение на фронте сильно изменилось, советские войска вошли в Молдавию и Бессарабию. Появилась возможность переписки с родными и друзьями. В первую очередь отправили письмо Афанасию Даниловичу Андрианову, тому самому художнику-старообрядцу. И однажды почтальон принёс открытку. Это было чудо – на открытке почерк отца, которого уже не чаяли увидеть живым.

Семён Ананьевич жил на Урале. После тюремного заключения отбывал ссылку в Ивдели и работал объездчиком в лесхозе. Ссылка у него заканчивалась через полгода и тогда можно будет воссоединиться с семьёй. В доме поселилась надежда.

Жизнь, тем временем, шла своим чередом. Аза перешла в 10-й класс, и каждую неделю, в воскресенье она, проделав 15 километров пешком, приходила домой помочь матери по хозяйству. Стирка, уборка, сад, огород, пасека.

И вот пришёл день, когда на пороге дома возник отец. Постаревший, похудевший, но такой родной.

С.А. Зарзар после ссылки

К тому времени, Семён Ананьевич, полностью отбыв ссылку, получил паспорт и проживал в Казахстане. Жена и дети, напротив, по-прежнему имели статус ссыльных. Зарзар принимает решение переехать поближе к семье и поселяется в городе Сырдарья. Он прописывает к себе Азу и решает вопрос с паспортом для неё. Это было остро необходимо в преддверии окончания школы и стремления девочки к дальнейшему обучению. Кроме того, с получением паспорта, она стала вольной - ссылка для неё закончилась.

Глава 4

Хочу быть врачом

Окончание школы совпадает с победой советского народа над фашизмом.

Аза и ещё несколько подруг отправляются в Ташкент, чтобы поступить в высшие учебные заведения.

Так получилось, что из-за не расторопности чиновников от образования, не успели подготовить достаточное количество аттестатов зрелости и выпускникам выдали справки. Это сыграло определённую роль в дальнейшей судьбе Азы Семёновны.

В Ташкенте она остановилась у родственников Евгении Михайловны, учительницы по химии.

Аза с детства мечтала стать врачом. Однако документы в медицинский институт у неё не приняли как раз из-за отсутствия подлинного аттестата зрелости. Что делать? Вдруг кто-то из ребят сообщил, что в Индустриальном институте принимают документы с временным удостоверением. “Ну, что ж пойду в Индустриальный” – решила абитуриентка. Спасибо замечательным учителям, она легко справляется с математикой и сочинением.

И вот уже Аза студентка и живёт в общежитии на Пролетарской улице. Но, проучившись три месяца, Аза заболевает малярией. Учиться не было никаких сил, и она принимает решение бросить институт и вернуться домой, чтобы дождаться весны и всё таки поступить в медицинский.

И весна пришла и мечта сбылась. Аза студентка санитарного факультета – на лечебный не хватило баллов. Учёба была для неё удовольствием, несмотря на проживание в общежитии, в комнате на 40 человек. Впрочем, ей было не привыкать.

Появились новые подруги - Зоя Лысева, Наташа Назаренко, Настенька Пшенцова, Юлия Фаустова. Аза чувствовала, как крепла в ней уверенность и воля, появилась какая-то непреклонность, исчезал страх. Училась студентка Зарзар хорошо, ей легко давались все специальные предметы, особенно любила анатомию. Кафедрой анатомии заведовал профессор Зиновий Герасимович Слободин, и для Азы, занятия эти были сродни посещению театра. Она подолгу занималась препарированием органов и тканей.

Студенческая жизнь разнообразна. Не всё же время учиться. В общежитии устраивались концертные вечера силами самих студентов. Танцы. Жизнь была ключом.

Не проходила мимо бывшей ссыльной и политическая жизнь института. Время было мрачноватое и Аза Семёновна до сих пор с содроганием вспоминает бесконечные комсомольские собрания, обсуждение каких-то статей сомнительного содержания. Началась война с «лженаукой» генетикой. Разоблачение механистов-менделистов, морганистов. Дискредитация Менделя, Моргана, Вейсмана и даже Вавилова, проводилась на собраниях. Студенты, не разбираясь в проблеме, выступали с шаблонными речами, единогласно порицали и отвергали генетику. Началась чистка профессуры. Сняли пожилого профессора Александра Михайловича Завадского, заведующего кафедрой биологии, в чем его обвиняли, молодые студенты, еще не понимали, однако на собрании безмолвно голосовали за порицание.

Помните Галича?

И не внемля ни сердцу, ни разуму.
Для надёжности спрятав глаза.
Сколько раз мы молчали по-разному.
Но не против конечно, а за.

В конце второго курса Аза вместе с подругой Настей Пшенцовой готовилась к госэкзамену по анатомии, сидя в свободной аудитории кафедры физической патологии. Было жарко, окна открыты. Неожиданно в аудиторию зашёл молодой человек. Увидев девушек, он бросил несколько шуточных реплик и удалился. Азе Семёновне тогда и в голову не пришло, что это её будущая судьба заглянула в аудиторию. Позже она узнала имя этого юноши, - Эрик Ходиев.

После окончания 2 курса Аза устроилась на работу, стала регистратором приёмного отделения ТашМИ. Оно располагалось на первом этаже главного здания в бывшем кадетском корпусе. Работы было очень много. Больные стекались со всего города. Опыта Аза набиралась не по дням, а по часам – хирургия, травматология, гинекология, терапия. И всё - таки главное, решила она, это хирургия.

Однажды, в первой половине, воскресного дня, открылась дверь, и вошёл тот самый молодой человек. Увидев девушку, хитро прищурившись, он сказал:

-«Это еще кто? Ну-ка покажите ваши руки? Ну, что - ж, нормально, можете работать!»

И важно удалился.

Эрки, или Эрик как все его называли, был студентом 4 курса, и тоже работал здесь, медбратом во 2-й хирургии, на втором этаже.

На третьем курсе начались клинические дисциплины, а ещё - патологическая анатомия, патологическая физиология, все это было безумно интересно.

На дежурства, в приёмный покой, очень часто приходили студенты старших курсов, завязывались знакомства, красавица Аза, пользовалась повышенным вниманием мужской половины, но о замужестве она пока не думала. Однако Эрик всё чаще и чаще пересекался с девушкой. Он стал приходить к ней, когда совпадали дежурства. Пытался ухаживать, но делал это неуклюже, по-мальчишески. Однажды, вроде в шутку, брызнул в глаза хлорэтилом. Со второго этажа юноша приносил больничную еду, подкармливал бедную студентку. Но дальше товарищеских, отношения не заходили.

После 3-го курса Азу перевели на должность дежурной медицинской сестры. Работы прибавилось, но работы она как раз не боялась.

6 октября 1948 года в Ашхабаде произошло страшное землетрясение. Огромное количество раненых привезли в Ташкент. В хирургическом отделении бесконечной чередой шли операции. Рядом с Азой работал и Эрик они стали чаще видеться, при встречах обменивались впечатлениями и постепенно узнавали друг друга. Сближало молодых людей и родственные судьбы, – ссылка, аресты, бесправие, бедность (о судьбе Эрки Ходиева см. очерк “Дети Бату” <http://nuz.uz/moi-uzbekistancy/3147-deti-batu.html>).

Эркили Ходиев

Однажды во время дежурства, Эрик познакомил Азу со своей младшей сестрой Наимой. Она тоже училась в медицинском институте.

И именно Наима попросила Азу выйти замуж за своего брата.

“Он очень любит тебя, - сказала она – но сам стесняется сказать об этом”.

После этого сам Эрик сделал предложение и стал настаивать на свадьбе.

Подумав, Аза попросила его написать письмо её родителям с предложением. Не прошло и часа, письмо было написано. Судьба девушки была решена.

Глава 5

Семья

Расписавшись, молодожёны сняли комнату с глинобитным полом у одной старушки на Фигельской. Эрик притащил на спине железную кровать, из двух чемоданов сделали стол и застелили его голубой скатертью, собственноручно расшитую невестой. Угощение никак нельзя было назвать роскошным – сосиски, хлеб и бутылка красного вина. Но ни скудная утварь, ни скромная еда, ни дешёвое вино, пахнущее керосином, не могли омрачить один из самых счастливых дней в жизни Азы и Эрика.

Жизнь стала постепенно устаиваться. Они учились и работали, теперь уже как одна семья.

Эрик оканчивал институт, Аза переходила на шестой курс. К этому времени, младшая сестра Лана, тоже поступила в медицинский, а родители Азы, получив, наконец, освобождение, переехали в Ташкент. С трудом прописавшись в столице Узбекистана, Семён и Ольга Зарзары брались за любую работу. Дворниками, садовниками, сторожами, везде, где можно было получить крышу над головой.

Вот такие были времена, когда дипломированный, когда-то успешный адвокат, мог устроиться только дворником или сторожем.

В положенное время, в 1952 году, у Азы и Эрика родился первенец - белокурый, голубоглазый Валентин.

В том же году Эрик окончил институт и получил назначение на должность хирурга в Кибрайскую больницу. Ему выделили одну комнату в доме напротив больницы, и вся семья переехала в Кибрай.

“Хочу учиться у Вишневского”, - однажды, вернувшись из больницы, сказал Эрик.

Накануне он прочёл книгу “Во имя человека” о великом хирурге и загорелся этой идеей. Но как этого добиться?

И вдруг, как-то вечером, открыв газету, Эрик прочёл:

-«Институт Хирургии имени А.В. Вишневского объявляет конкурс в аспирантуру, ординатуру...».

Это был тот толчок, который меняет жизнь. Эрик отправляет документы в Институт Хирургии АМН СССР и через некоторое время получает обескураживающий ответ. Из-за отсутствия трёхлетнего стажа в аспирантуру его принять не могут, но предлагают подать документы в клиническую ординатуру.

Однако молодой врач не отступил, взяв отпуск, он самолично отправляется в Москву.

С огромным трудом пробившись к самому Вишневскому, он производит на него настолько приятное впечатление, что академик распоряжается принять его в ординатуру.

Абсолютно счастливый, Эрик возвращается в Ташкент. Вскоре прибывает приказ о зачислении и молодой врач вместе с женой отправляется в Москву.

Глава 6

Москва

В конце августа 1953 года поезд мчал Эрика и Азу в Москву. Несмотря на то, что вагоны были переполнены зеками – знаменитая амнистия 53-го года – никаких неприятностей не случилось. Наоборот бывшие заключённые довольно душевно отнеслись к супругам, называя их “Ломоносовы”.

В одном купе с ними ехала пожилая женщина, возвращающаяся из командировки. Ей оказалась Нина Васильевна Васильева, инспектор Министерства Просвещения СССР, Очень приветливая и доброжелательная она, узнав с какой целью едет в столицу молодая семья, дала им адрес своих родственников, которые могут сдать комнату в Малаховке.

Москва встретила наших героев неприветливо. Было хмуро, шел дождь. На вокзале их встречал дядя Эрика по материнской линии Андрей, в семье которого они временно и остановились.

На следующий день Эрик без промедления отправился в институт, а Аза пошла в Городской отдел здравоохранения, где её сразу поставили на учёт и тут же предложили работу в группе по охране атмосферного воздуха, поскольку она закончила санитарный факультет. Правда, мысли Азы Семёновны были обращены к хирургии, но мечты мечтами, а работать надо. Забегая вперёд скажу, что мечту свою она всё же осуществила.

Эрика же определили в сосудистое отделение к профессору Николаю Ивановичу Краковскому немного близорукому, слегка картавящему человеку, обожавшему работать с диссертантами. Он и стал первым научным руководителем Эркили Ходиева.

Наступала эра хирургии сердца и сосудов. Появился сосудосшивающий аппарат Гудова, им уже работали профессор Андросов и его ученик М.Г. Ахалая. И темой своей научной работы Эрик выбрал - заготовку и пересадку консервированных сосудов. Аза продолжала работать в Горздраве.

По рекомендации своей милой соседки по купе, они сняли комнату в деревянном доме в Малаховке у очень милых и интеллигентных людей. Яков Васильевич был директором школы, а его супруга Лидия Александровна библиотекарь.

На работу и обратно ездили электричкой, переняв у москвичей привычку, читать в поездке книги.

Жили очень скромно, ежемесячно выкраивая деньги для перевода в Ташкент.

Из Ташкента, тем временем, приходили грустные вести, тяжело заболел отец Азы - рак желудка. Весной 1954 года Семен Ананьевич умирает и Аза летит на похороны. Через некоторое время прилетает и Эрик. Горе соседствует с радостью - после долгой разлуки они смогли обнять сына.

Через короткое время они снова в Москве. Эрик с головой уходит в науку и практическую хирургию. Институт Хирургии им. А.В. Вишневского находился в форпосте современной медицины, сюда часто для обмена опытом приезжали мировые светила хирургии, и Эрки посчастливилось работать с такими грандами как Пьетро Вальдони, Кристиан Бернар, Михаэль Де-Бейки, Елена Тауссиг, Амарио Долиотти и многие другие.

К этому времени Аза Семёновна ушла из Горздрава, устав от нудной, рутинной работы и устроилась лечащим врачом в 38-ю московскую поликлинику, находящуюся рядом с институтом хирургии.

30 мая 1956 года, в Академии медицинских наук СССР состоялась защита диссертации Эрки. Защита прошла блестяще, и событие это, в тот же вечер было отмечено банкетом в ресторане “Узбекистан”

А осенью 1956 года, вернувшись в Ташкент Аза рождает второго сына.

Когда-то Семён Ананьевич попросил дочь, “Если у тебя родится ещё один ребёнок, неважно мальчик или девочка, прошу тебя, дайте ему фамилию Зарзар, чтобы род наш не пресёкся”. Об этой просьбе Эрик, тоже знал и никаких возражений у него это не вызвало. И вот счастливый отец двух сыновей, возвратившись из загса сообщает:

- «Ну, вот еще один Ходиев родился» - и протягивает Азе метрики.

У Азы упало сердце, а как же папа?

“Да ты прочти” – смеётся Эрик.

И Аза читает - Зарзар Алексей Эркиевич.

Так два родных брата получили разные фамилии.

Глава 7

Возвращение в Ташкент

По окончании клинической ординатуры Эрки обратился к Вишневскому и попросил оставить его в институте. Вишневский ответил согласием. В это время в Москву приехала небольшая, но авторитетная делегация Ташкентского медицинского института –

ректор Абдумалик Гулямович Гулямов, парторг Радик Абдулаевич Капкаев и профессор Муккадам Ашраповна Ашрапова. Встретившись с Эрки, они стали уговаривать его вернуться в Ташкент. Аза Семёновна тоже хотела вернуться, там уже заждались её домочадцы.

И семья возвращается в родной город. Эрки назначают ассистентом на кафедру хирургии, которой руководил Василий Космич Ясевич.

В это же время были реабилитированы родители Эрки Махмудовича – выдающийся узбекский поэт Бату – посмертно – и Валентина Петровна Васильева.

Валентина Петровна получила 3-х комнатную квартиру в новом доме на Чиланзаре, в которую и переехал Эрки со своим семейством.

Кафедра, где начал работать молодой ассистент, располагалась в 6-й городской больнице на Бешагаче.

Эрки, которому посчастливилось поработать в Москве с выдающимися мировыми светилами хирургии, был переполнен идеями, которыми он увлёк и Василия Космича.

На кафедре началось освоение кардиохирургии. Образовалась группа энтузиастов - Христиан Христианович Ценнер, Михаил Петрович Вавилин, Герман Иванович Тетенев, Кучкар Гулямович Гулямов, Рамиз Агзамович Алиев, Нурмухамед Хуснитдинович Акалаев и другие.

К сожалению, в Узбекистане в то время еще не созрела благоприятная атмосфера для освоения этого важнейшего раздела хирургии. Находились и те, кто не понимал значения нового метода, сопротивлялись, ставили палки в колёса новаторам.

Несмотря на сопротивление в клинике Ясевича освоили эндотрахеальный наркоз. Начались операции на сосудах и сердце – митральные стенозы, незаращение артериального протока, облитерирующие эндартерииты.

Главный врач больницы, Миассар Ходжаевна Ишанходжаева, благожелательно относилась к кафедре, поддерживала, помогла организовать виварий. Эрки Махмудович с единомышленниками, за довольно короткий срок успешно прооперировали многих больных.

Однажды в клинику приехал выдающийся хирург, академик Евгений Николаевич Мешалкин. Он прочел лекции и провел ряд показательных операций. В ряде операций участвовал и Эрки.

Никогда Аза Семёновне не забудет случай, когда её муж сотворил чудо на операционном столе. В клинику доставили молодого человека с травматическим отрывом кисти - она была завернута в салфетку. Первое предложение – ампутировать кисть, но Эрки решил спасти руку. Многочасовая операция завершилась полным успехом.

А что же Аза Семёновна?

После декретного отпуска она устроилась в детскую хирургическую клинику. Работала и одновременно собирала материал для диссертации. Написала несколько статей, но поддержки у руководства не нашла. И тогда пришло решение оттуда уйти.

В 1962-м году на кафедре госпитальной хирургии ТашМИ был объявлен конкурс в аспирантуру. Аза Семёновна подала документы и прошла.

На одно место было два претендента. Конкурентом Азы Семёновны оказался её ровесник - Аркадий Арсентьевич Бабаев. Они оба отлично сдали экзамен и заведующий кафедрой,

Владимир Фетисов. Они были первыми

профессор Садык Алиевич Масумов, решил принять обоих кандидатов. Началось изучение архивных материалов, исследовательская работа и в положенный срок диссертация была успешно защищена.

После защиты Аза Семёновна была зачислена ассистентом на кафедру госпитальной хирургии и включилась в педагогический процесс. Много ассистировала и оперировала.

Глава 8

Вперёд и вверх...

Спустя некоторое время Эркили, подобрав тему для докторской диссертации, вместе с женой, отправился в Москву. В ставший уже родным институт хирургии. Они получили комнату в общежитии АМН СССР в Балтийском переулке.

Аза Семёновна обратилась к профессору Владимиру Владимировичу Виноградову, члену ученого совета института, и предложила тему своей докторской диссертации. Профессор тему одобрил и стал руководителем работы. Вторым руководителем стал Павел Николаевич Мазаев.

Аза Семёновна посещала все операции В. В. Виноградова, иногда ассистировала, осваивала его оперативные приемы. Этот бесценный опыт впоследствии очень пригодился ей в Ташкенте.

Эркили и Аза блестяще защитили докторские диссертации, были награждены золотыми медалями А. В. Вишневого и возвратились домой.

Вернувшись в Ташкент, Аза Семёновна тут же приступила к работе, её определили на должность ассистента кафедры хирургии, которой руководил профессор Уктам Арипович Арипов. Эркили Махмудовича тем временем направили на заведование кафедрой хирургии, которой руководил профессор Лев Доминикович Василенко. И тут случилась неприятная история.

Ректор института, Камильжон Ахметджанович Зуфаров поставил вопрос о снятии профессора Василенко с должности в связи с пенсионным возрастом, но приказа не издал, одновременно потребовав от Эркили занять место завкафедрой. Ходиев возразил и отказался, считая, что он может остаться консультантом. Скандальная ситуация привела к взрыву, в результате были сняты оба, и Василенко и Ходиев. Экстренным приказом заведующей кафедрой была назначена Аза Семёновна.

Она вышла на следующий день по приказу на новую работу и, понимая сложность ситуации, пришла к выводу, что мужу там оставаться нельзя из-за тяжелой психологической обстановки. Кончилось тем, что Эркили направили на другую кафедру хирургии ассистентом, и постепенно все успокоилось.

Шел 1971 год. Однажды Азу Семёновну пригласил министр здравоохранения Узбекистана Каюм Сабирович Заиров. Он предложил возглавить вновь открываемую кафедру анестезиологии реаниматологии в институте усовершенствования врачей.

Владимир Фетисов. Они были первыми

Аза Семёновна пребывала в сомнениях, поскольку раньше этим не занималась. Собрала специальную литературу, бегло ознакомилась с положением вещей, решила рискнуть и в 1972 году занялась организацией кафедры.

К этому времени семья проживала в новой 4-х комнатной квартире на Ц-1. Эрки удалось переселить в соседнюю квартиру и свою маму.

Но не хлебом единым жив человек. У Эрки и Азы было множество друзей, с которыми они выезжали на пикники, общались, пели Высоцкого и Окуджаву, ходили в театры и на концерты. А ещё по-соседски подружились с замечательным поэтом Александром Файнбергом, который частенько заходил в гости, читал свои стихи.

Звучала музыка,
Она была неведомо откуда
С каких широт занесена?
Но точно это было чудо.

И душу просверлив насквозь
Она свободно поднималась
И это вечностью звалось
И это жизнью называлось.

Благодарю вас, два крыла,
за чудо, за мгновенья эти.
А мы? Нас не было на свете.
Был свет. И музыка была.

Это одно из самых любимых Азы Семёновны.

Аза Семёновна Зарзар

В 1973 году в Узбекистане был открыт новый Средне-Азиатский Медицинский Педиатрический Институт (СаМПИ) и Эркили был направлен в новый институт вторым профессором на кафедру детской хирургии к К. Х. Тагирову. У Эркили Махмудовича началась новая жизнь, он стал осваивать детскую патологию. Однако главным для него были сердечно - сосудистые заболевания. Это направление он стремился внедрить и на новом месте, однако понимание, со стороны руководства кафедры, не встретил. В результате Тагиров добился открытия второй базы в городской больнице №10 и сослал туда строптивного сотрудника.

База эта представляла собой не утепленный корпус одного из санаторных учреждений, где не было никаких условий для работы хирурга. Начались дни и месяцы бесплодного времяпрепровождения, безделья. Эркили томился и начал искать для себя новое место работы.

Ждать пришлось долго. В 1979 году была отстроена новая детская больница на Юнусабаде, и Эркили перешёл туда заведующим кафедрой детской хирургии.

Активно и очень увлеченно он взялся за работу. Создал грудное отделение, поставил на высокий уровень анестезиологию и реанимацию, подобрал хороший коллектив врачей – Златкевич И. И., Борухов А. М., Агзамходжаев Т. Е., Тен В. П., Аккуратова Л. Л., Ивлев С. В., Ким, Мирзакаримов Ботир, Хегай, Лигай и др. Большую лепту в организацию их труда внес главный врач Касымов Рустам Болтаевич. Широко развернулась операционная деятельность.

А Аза Семёновна, пройдя по конкурсу, заняла должность заведующей кафедрой анестезиологии - реаниматологии в институте усовершенствования врачей и занялась организационными работами.

Во-первых, настояла на базировании в отдельной больнице, в результате чего кафедра расположилась в 17-й горбольнице. Коллектив был маленький. Помимо заведующей было еще четыре человека: ассистенты Пулат Саидович Агзамходжаев, Анвар Мухамадаминович Каюмов, Махмуд Эшанханович Эшанханов и лаборант Светлана Михайловна Юрмина. Больничный состав врачей, - анестезиологи и хирурги также подчинялись кафедре. И сразу начались рабочие будни - утренние конференции, обходы больных, наркозы и операции.

Спустя 3 года кафедра расширилась и переехала в ГКБ № 1 . Там она заняла два этажа отдельного корпуса, были развернуты учебные комнаты, открыто общее реанимационное отделение и отделение для отравленных больных с операционной и экспресс лабораторией.

Значительно увеличился состав врачей, сюда пришли - Атаханов Ш.Э., Абдурахимов Бахтиор Рахимович, Мухитдинова Хури Нуритдиновна, Цой Анатолий Алексеевич, Абакулова Рано Арзикуловна и др. Широко развернулся учебный процесс, наркозы проводились во всех отделениях больницы и в акушерском корпусе.

Что такое реаниматология? Борьба за жизнь умирающего пациента. Доктор Феликс Рувимович Черняховский написал гимн реаниматологов на мотив песни из “Белорусского вокзала”, который часто напевает Аза Семёновна.

Здесь птицы не поют
Здесь розы не цветут
И только мы лицом к лицу
Стоим со смертью тут.

Ползет и падает давленье
Сестер усталость валит с ног
А ты обязан принимать решенье
Которого другой принять не смог.

Нас здесь не ждет награда,
Но смерть мы гоним прочь.
Реанимации бригада
Спасает ваши жизни день и ночь.

Не струсить, не солгать,
Не взять и не продать,
Мы здесь в бою и как в разведке
Спиной к спине стоять.

Опять инфаркты да инфаркты,
Кровотеченья, шок и криз
И удлиняя их ремкарты,
Свою мы сокращаем жизнь.

Опасности мгновенной
Заранее мы ждем.
В артерию, в трахею, в сердце, в сердце, в вену
Уверенно и быстро попадем.

Здесь птицы не поют,
Здесь розы не цветут
И только мы лицом к лицу
Стоим со смертью тут.

Нам кровь, как красная ракета,
Сигнал о бедствии с больным.
И значит нам нужна одна победа,
Одна на всех, мы за ценой не постоим.

Нас здесь не ждет награда,
Но смерть мы гоним прочь.
Реанимации бригада

Владимир Фетисов. Они были первыми

Спасает ваши жизни день и ночь.

Через некоторое время Министерство здравоохранения Узбекистана предложило Азе Семёновне занять должность главного специалиста республики.

Это была очень ответственная и очень важная деятельность. Началась многолетняя работа с областными и районными лечебными учреждениями. Во всех уголках республики стали разворачиваться реанимационные отделения. Областные врачи проходили на кафедре специализацию, так пополнялась когорта врачей - реаниматоров.

В 1975 г. по инициативе Азы Семёновны была проведена научная конференция анестезиологов - реаниматологов Узбекистана. В конференции приняли участие специалисты и из других республик.

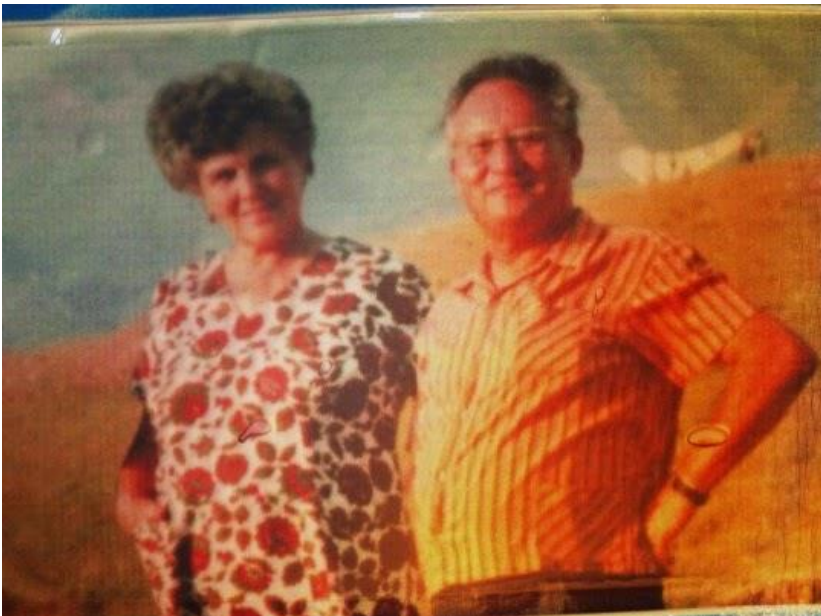
В 1977 г. в Ташкенте был проведён 2-й Всесоюзный съезд анестезиологов - реаниматологов. Организационная работа была целиком возложена на кафедру под руководством А.С. Зарзар.

Глава 9

От счастья и от горя мы все на волосок

В 1992 г. Аза Семёновна завершила свое 20- летнее пребывание на кафедре и ушла на пенсию.

Но это было не для неё. Ищущая, живая натура требовала выплеска и Аза Семёновна уезжает работать в больницу г. Нурабада, рабочего посёлка рядом с Новоангреной ГРЭС. Там она заняла должность зам. главного врача и зав. хирургического отделения. И по-прежнему много оперировала.

Аза Семёновна и Эркили Махмудович

Благодаря деловым качествам Азы Семёновны Нурабадская больница получила от Голландии грант 7000 \$ США. На эти деньги был приобретён японский портативный аппарат УЗИ, на котором долго и успешно работала лично Аза Семёновна.

Тем временем Эркили Махмудович тоже покидает кафедру детской хирургии, которую возглавлял 12 лет. Уходит по состоянию здоровья. Сахарный диабет.

Несмотря на все усилия врачей, болезнь прогрессировала.

Однажды ночью у Эркили Махмудовича начались сильные боли в правой стопе, он сам попросил ребят привести его к жене в Нурабад. Когда сыновья, с трудом погрузив его в машину, привезли в больницу, Аза Семёновна ужаснулась, температура 40, высокое давление, гангрена правой стопы. Она тут же его госпитализировала в отдельную палату реанимационного отделения, лично начала интенсивную терапию. По всем законам хирургии Эркили предстояла ампутация конечностей. Однако Аза Семёновна решила вопреки всем медицинским законам сохранить ноги мужа и стала лечить ногу хирургическим путем, но без ампутации. Она начала вскрывать патологические очаги на стопе и санировать все глубокие участки при помощи микроирригатора спирт-гипертоническим раствором. Она сама готовила солевой раствор, затем смешивала с 96-ти градусным спиртом в равных долях. Эта кропотливая, ежедневная работа продолжалась полгода, Аза Семёновна добилась полного заживления ран и ликвидации всех гнойных очагов. Это был врачебный подвиг.

Несмотря на это, чуда не случилось. 15 января 1996 года Эркили Махмудович Ходиев ушёл навсегда.

Аза Семёновна проработала в Нурабадской больнице до 2002 года. Потом окончательно ушла на пенсию. С тех пор все её помыслы сосредоточены на детях и внуках.

Старший сын – Валентин, пошёл по стопам родителей. Врач-реаниматолог, кандидат медицинских наук, диссертацию защитил в Москве в институте им. Бурденко. Супруга Пастумия Анваровна Шарипова также врач, и также кандидат наук.

Валентин Ходиев с семьёй

Они подарили Азе Семёновне двух внуков, которые тоже стали врачами и кандидатами наук. И уже одарили Азу Семёновну правнуком и правнучкой.

Младший сын - Алексей, семейную традицию нарушил и окончил романо-германский факультет ТашГУ по специальности английский и французский языки.

После окончания остался на кафедре, но быстро понял, что это не его. Взял открепление и уехал в горный посёлок учить в школе сельских детей английскому языку. Получил участок земли в 30 соток и стал устраивать небольшую ферму.

Разводил птицу, бычков, поросят, собак и лошадей. От деда – поэта и бабушки - писательницы ему передалась творческая искра. На земле Кураминского хребта, Алексей рисовал, лепил, наблюдал и дружил с природой и звёздами, собирал травы, играл на музыкальных инструментах. Естественная жизнь человека разумного.

Однажды, летом 1993 года к нему на “фазенду” приехал отдохнуть друг детства с женой. С ними приехала и подруга жены Елена. Приехала, да так там и осталась. Алексей и Лена поженились. Елена, окончившая химфак ТашПИ, стала работать в больнице Азы Семёновны заведующей химической лаборатории.

Здесь в горах у них родилась дочь Кристина. А в 2003 году семья переехала в Ташкент.

Алексей с женой и дочерью

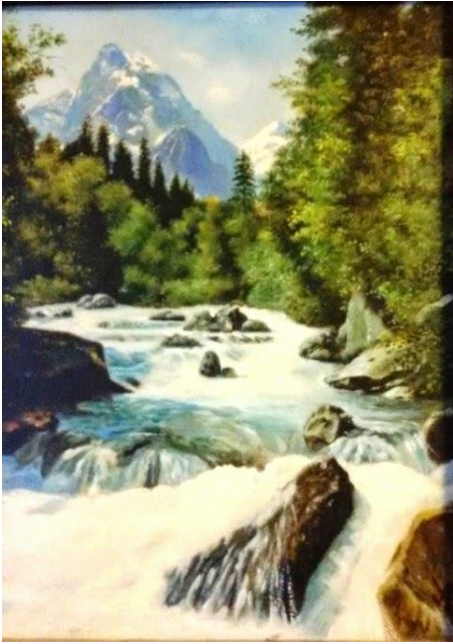
Алексей сейчас занимается переводами и веб-дизайном.

Аза Семёновна живёт в семье младшего сына.

Эпилог

Аза Семёновна закончила свой рассказ. За окном чернел поздний ташкентский вечер.

-Да, - потрясённо сказал я – Ваша жизнь похожа на одну из ваших картин. Вот на эту, с горной рекой.

- А помните, у Аркадия Гайдара есть рассказ “Горячий камень”. – продолжил я - Там двое мальчишек нашли камень, на котором было написано, что тот, кто его разобьёт, начнёт жизнь сначала. Если бы вам представилась такая возможность, всё начать сначала, вы бы так же прожили её?”.

Аза Семёновна ненадолго задумалась и сказала.

- Да, пожалуй. Несмотря на трагические страницы, жизнь я прожила счастливую. Я встретила своего единственного человека, с которым прожила в радости 45 лет. У нас родились прекрасные дети и внуки. Всю жизнь я занималась любимым делом. Общалась с интереснейшими людьми. Что же Бога гневить”.

Я уходил из гостеприимного дома семьи Зарзар переполненный впечатлениями от рассказа этой удивительно цельной Женщины. На душе, несмотря на опустившуюся, на Ташкент ночь, было светло и солнечно.

Здоровья Вам и долгих лет жизни, Аза Семёновна.

Печальное послесловие

14 июня 2015 года Аза Семёновна Зарзар ушла из жизни. Она успела прочитать мой очерк и я счастлив, что он ей понравился. А 15 октября того же года мне прислали вырезку из газеты “Народное слово” за 3 апреля 2004 года и два имени пересеклись в моей памяти. Героиня Аза Семёновна Зарзар и поэт Александр Файнберг.

Когда-то Александр Аркадьевич, написал посвящение Азе Семёновне и назвал его Мадригал. А в том же 2004 году в майском номере журнала “Белла Терра”, появился материал, в котором рассказывалось о необычном увлечении Азы Семёновны – вышивке бисером.

Думаю не случайно, в этот день, спустя 6 лет как ушёл от нас Александр Аркадьевич и пять месяцев как мы простились с Азой Семёновной, мне пришло напоминание об этих замечательных людях.

Мадригал

Дорогая Аза Семёновна, когда вы говорите о Бессарабии, я слышу голос Александра Вертинского:
Что за жизнь в степи молдаванской!
Как легко под ногами земля!
И легко мне с душою цыганской
Кочевать, никого не любя.

Ему-то, актеру и песеннику, может быть, и легко было кочевать, хотя и это сомнительно. Но актеры играют. А я, хоть и смутно, но все же представляю, как на рельсовых бьках грохочут колеса товарных вагонов, в которых накануне войны депортировали вас — тринадцатилетнюю девочку — с мамой и сестренкой в казакские степи. За что? До сих пор нет ответа. Да никогда и не будет. А потом в Пахтаарале поимамли тюремную колочку, зато нары каждой семье даровали, как милость. Вот судьбушка...

Покосы, брюшной тиф, двенадцать километров до больницы, шесть — до школы... Всего не перечислить. И все же стук деревянных башмаков ваших отбивал время жизни. Тут не до сказки о Золушке с ее хрустальной туфелькой. Мама ваша, Ольга Димандовна, занявшись пчеловодством, сберегла жизнь вашу. Нижайший поклон ее памяти.

Аза Семёновна Зарзар, кто предполагал, что вы станете главным анестезиологом Узбекистана, что опыту вашему воздадут должное врачи всего мира? Но мало этого, вы еще занялись искусством, причем в редчайшем жанре. Произведения ваши поражают не только тем, что они созданы из бисера, но и тем, что душа в них жива, душа не озлобленная, а прощающая и добрая. Из полмиллиона бисеринков выложить всего одну, но потрясающую картину — это творческий подвиг. А у вас она не одна. Спасибо вам за самоотдачу и в жизни, и в искусстве.

С преклонением, Александр ФАЙНБЕРГ, поэт.
Фото Александра Коваля.

Городской экспресс
Озарение заходит без стука

Никогда не следует останавливаться, не же если у вас за спиной несколько десятков лет, которые вы с успехом посвятили любимому делу. Потому что всегда есть возможность того, что «ожидают открытия». Судьба предлагает вам достойный биту.

Аза Семёновна Зарзар в свое время получила с титулом почетного работника практикующего врача. За спиной у нее была дневная и далеко не легкая работа: прессы, война, голод, страдания...

В 13 лет она вынужденно покинула родину: вместе с мамой и сестренкой была выслана из Бессарабии в степь Казахстана — перед войной «неблагополучная» семья оказалась как «подорожные» и депортирована. Поэма семья перебралась в поселок Бессарабия — в Пятое Арал. В поселке трудилась стенографисткой, а в дальнейшем — в типографии. Потом была учеба на армянском языке. С годами приходит опыт в медицине. Но даром чему смогла стать главным анестезиологом Узбекистана, и ее опыт разошелся по всему миру. Непривычные операции делала Аза Семёновна в странах, которые трудно назвать красивыми. Аза Семёновна по 500000 бисеринков...

Все «фабрики» располагались в бывшей ташкентской квартире, где жила семья Зарзар. Целый день она вышивала оленей и верблюдов, стрелы из степей, и занимал бисером свои картины. И в итоге расположились десятки картин — каждый сантиметр бисером. Работы висят в квартире, составляя домашнюю галерею, которую хотелось бы назвать «Аза Семёновна».

Ее работы — настоящие произведения искусства, которые не имеют равноценных аналогов.